ПУАРО АГАТЫ КРИСТИ

ПУАРО РАССЛЕДУЕТ

XII ДЕЛ ИЗ АРХИВА КАПИТАНА ГАСТИНГСА

POIROT INVESTIGATES

Пуаро расследует. XII дел из архива капитана Гастингса

Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Пуаро расследует. XII дел из архива капитана Гастингса
I. Приключения «Звезды Запада»
II. Трагедия в Марсдон-Мэноре
III. Подозрительно дешевая квартира
IV. Загадка «Охотничьего приюта»
V. Кража на миллион долларов
VI. Проклятие египетской гробницы
VII. Переполох в отеле «Гранд-Метрополитен»
VIII. Похищение премьер-министра
IX. Исчезновение мистера Дэвенхейма
X. Тайна итальянского аристократа
XI. Дело о пропавшем завещании
XII. Происшествие в экспрессе на Плимут

Аннотация

В этом сборнике вас ждут сразу XII дел из архива капитана Гастингса, в которых Пуаро в очередной раз показывает себя с лучшей стороны. Раскрывает ли он кражу драгоценностей в Гранд-отеле, разгадывает тайну знаменитого банка или справляется с проклятием египетского фараона, Пуаро бросает вызов всем: и полиции и своему другу Гастингсу и даже искушенному в детективных расследованиях читателю!

Приключение «Звезды Запада»
The Adventure of the Western Star

Кинозвезда Мэри Марвелл получает от неизвестного письма с угрозами и требованием вернуть уникальный алмаз «Звезда Запада». Женщина серьезно опасается за свою жизнь и обращается за помощью к великому Пуаро. В ходе расследования выясняется, что помимо этого камня существует и второй алмаз – «Звезда Востока».

Трагедия в Марсдон-Мэноре
The Tragedy at Marsdon Manor

В поместье Марсдон происходит страшная

трагедия. Внезапно умирает его хозяин. Через некоторое время неизвестный пытается убить его молодую вдову. Пуаро, случайно оказавшийся в этом поместье, распутывает дело и находит преступника.

Подозрительно дешевая квартира
The Adventure of the Cheap Flat

Супруги Робинсон радуются тому, что очень дёшево сняли комфортабельную квартиру. Но Пуаро, узнав об этом, подозревает, что молодожены втянуты в опасную игру преступных синдикатов и международного шпионажа…

Загадка «Охотничьего приюта»
The Mystery of Hunter's Lodge

В «Охотничьем приюте», затерянном в глубине дербиширских болот, найден убитым мистер Харрингтон Пейс. Пуаро берется за расследование.

Кража на миллион долларов
The Million Dollar Bond Robbery

На огромном корабле «Олимпия» происходит неслыханное по своей дерзости преступление. Кто-то крадет ценные облигации из закрытого на кодовый замок чемоданчика. Похоже, что Пуаро в очередной раз предстоит

решить непростую загадку.

Проклятие египетской гробницы
The Adventure of the Egyptian Tomb

Археолог, вскрывший гробницу фараона, внезапно умирает от сердечного приступа. Следом за ним умирают еще двое, имевших отношение к этой экспедиции. Жена умершего археолога не верит в естественность этих смертей и просит Пуаро провести расследование.

Переполох в отеле «Гранд Метрополитен»
The Jewel Robbery at the Grand Metropolitan

У жены известного биржевого брокера миссис Опалсен пропадает уникальное жемчужное ожерелье. Найти вора и вернуть владелице похищенное может только легендарный Пуаро.

Похищение премьер-министра
The Kidnapped Prime Minister

Неизвестные ранили премьер-министра Англии. Это происшествие может спровоцировать международный конфликт. Предотвратить его может только гениальный сыщик Эркюль Пуаро.

Исчезновение господина Давенхейма
The Disappearance of Mr Davenheim

Господин Давенхайм ушел на почту и не вернулся. Полиция начала расследование загадочного исчезновения мужчины. Но похоже без помощи Пуаро им не справиться.

Тайна итальянского аристократа
The Adventure of the Italian Nobleman

В собственной квартире убит граф Фоскатини. Пуаро берется за расследование этого дела, он непременно должен найти таинственного убийцу.

Дело о пропавшем завещании
The Case of the Missing Will

Эндрю Марш умер вскоре после того, как решил изменить своё завещание. По новому завещанию многие, ожидающие наследства родственники оказались не удел. Подозрения Пуаро в нечестной игре подтверждаются после того, как завещание таинственным образом исчезает.

Происшествие в экспрессе на Плимут
The Plymouth Express

Молодая богатая наследница убита по дороге в Плимут. Под подозрение попадают бывший муж убитой и ее недавний французский

воздыхатель. Пуаро начинает расследование.

Агата Кристи
Пуаро расследует. XII дел из архива капитана Гастингса

AGATHA CHRISTIE
«POIROT INVESTIGATES», 1924

© перевод с английского Е. Калявина
© перевод с английского Ю. Калявина
© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
W W W. S O Y U Z. RU

I. Приключения «Звезды Запада»

Я стоял перед окном в кабинете Пуаро и от нечего делать разглядывал прохожих внизу.

— Как странно! — воскликнул я, обращаясь, в сущности, к самому себе.

— Что там такое, мон ами? — безмятежно поинтересовался Пуаро из уютных глубин своего кресла.

— Вот вам факты, Пуаро, проанализируйте их и сделайте вывод: по нашей улице идет шикарно одетая молодая леди — модная шляпка, великолепные меха. Идет медленно, внимательно разглядывая дома, мимо которых проходит. Ей и невдомек, что на некотором расстоянии за ней следуют трое мужчин и женщина средних лет. А вот буквально только что к ним присоединился мальчишка-разносчик, который указывает на нашу молодую леди, выразительно размахивая руками. Что за драма там разыгрывается? Может быть, девушка — знаменитая авантюристка, а бригада переодетых сыщиков готовится ее схватить? Или она невинная жертва, на которую покушается шайка негодяев? Что скажет про-

славленный детектив?

— Прославленный детектив, мон ами, как всегда, изберет кратчайший путь расследования. Он встанет, чтобы увидеть все собственными глазами.

И мой друг присоединился ко мне у окна.

Спустя минуту он издал самодовольный смешок.

— Ваши «факты», как, впрочем, и всегда, заражены неизлечимым романтизмом. Это же мисс Мэри Марвелл, кинозвезда. За ней увязались узнавшие ее поклонники. И между прочим, мой дорогой Гастингс, она прекраснейшим образом об этом осведомлена!

Я тоже засмеялся.

— Как все просто! Но здесь нет вашей заслуги, Пуаро. Это совпадение, что вы сразу ее узнали.

— Ах вот как, мон шер! А скажите-ка, сколько раз вы видели Мэри Марвелл на экране?

Я задумался.

— Ну, раз десять по меньшей мере.

— А я — один-единственный! И все же я сразу ее узнал, а вы — нет.

— В реальной жизни она выглядит совсем иначе, — сказал я, изрядно посрамленный.

— Полно, не увиливайте! Вы ждали, что она

станет разгуливать по лондонским улицам в ковбойской шляпе набекрень, или босиком и в кудряшках, как бедная ирландская поселянка? Вечно вам застят взор яркие, но несущественные детали, отвлекая от главного! Вспомним хоть дело танцовщицы Валери Сент-Клер!

Я уже начал злиться, поэтому вместо ответа лишь дернул плечом.

— Но не унывайте, мон ами, — смягчился маленький бельгиец. — Не могут же все быть Эркюлями Пуаро! Мне ли этого не знать!

— Да уж, в самомнении с вами и впрямь никто не сравнится! — подхватил я, все еще не зная, смеяться мне, или сердиться.

— Что поделаешь! Если человек гений, он не может игнорировать этот факт! И окружающие с ним солидарны — кстати, как я понимаю, мисс Мэри Марвелл не исключение.

— О чем это вы?

— О том, что она, вне всяких сомнений, направляется сюда.

— С чего вы это взяли?

— Все очень просто. Мы с вами, мон ами, проживаем не в таком уж аристократическом квартале. У нас тут не имеется ни модного доктора, ни модного дантиста, ни, на худой конец, модной

портнихи! Зато есть модный *частный сыщик*! Да-да, мой друг, это правда — я стал гвоздем сезона! Одна светская особа говорит другой: «Милочка, вы так и не нашли свой золотой футлярчик от карандашика для бровей? Ах, какая досада! Обратитесь к маленькому бельгийцу, он просто чудо! К нему ходят все!» И — вуаля! Они слетаются сюда, мон ами! Стаями! По любому, даже самому вздорному поводу!

Внизу раздался звонок.

— А, что я вам говорил? Вот и мисс Марвелл!

Спустя пару минут доложили о приходе американской кинодивы и мы встали, чтобы ее поприветствовать.

Мэри Марвелл безусловно была одной из самых популярных звезд экрана. Недавно она пересекла Атлантику вместе с мужем, Грегори Би Рольфом, тоже известным киноактером. Они обвенчались в Штатах меньше года назад, и это было их первое совместное путешествие в Англию. Здесь их буквально носили на руках. Все с ума сходили по Мэри Марвелл, по ее великолепным нарядам, мехам и драгоценностям. Особый ажиотаж вызвала одна из них — рекордных размеров бриллиант, прозванный в честь его владелицы «Звезда Запада». Чего только не писали об этом знаменитом

камне — было нелегко отыскать зерно правды в шелухе вымысла. Доподлинно известно одно: бриллиант застрахован на неслыханную сумму в пятьдесят тысяч долларов.

Все эти подробности пронеслись у меня в голове, пока я ждал очереди поприветствовать нашу блистательную клиентку.

Мисс Марвелл была хрупкой и маленькой как девочка, с льняными кудряшками и по-детски невинным беспомощным выражением огромных синих глаз.

Пуаро придвинул к ней кресло, и она сразу приступила к делу.

— Вероятно, вы сочтете меня дурочкой, мсье Пуаро, но вчера вечером лорд Кроншоу рассказал мне, как восхитительно вы расследовали таинственную смерть его племянника, и я поняла, что просто обязана спросить вашего совета. Предупрежу сразу: возможно это просто глупый розыгрыш — по крайней мере, Грегори в этом уверен — но я испугалась до смерти.

Она сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

— Продолжайте, мадам, — подбодрил ее Пуаро. — Сами понимаете, я все еще блуждаю без фонаря и карты.

— Прочтите эти письма.

Мисс Марвелл расстегнула сумочку, достала три конверта и протянула Пуаро. Тот внимательно их изучил и сообщил выводы:

— Самого дешевого сорта. Имя и адрес отпечатаны на машинке. Что ж, посмотрим, что внутри.

Я подошел ближе, заглядывая ему через плечо. Первое письмо состояло из одного предложения. Как и адрес на конверте, текст был напечатан на машинке.

Большой алмаз, левый глаз бога, должен вернуться туда, откуда явился.

Содержание второго письма в точности повторяло первое, зато третье звучало куда более определенно.

Вас предупреждали. Вы не послушались. Теперь алмаз у вас отнимут. В ночь полнолуния два алмаза, левый и правый глаз бога, вернутся. Так предначертано.

— Первое письмо я сочла шуткой, — объяснила мисс Марвелл. — Получив второе, я была озадачена. Третье пришло вчера, и я решила, что дело куда серьезнее, нежели мне представлялось.

— Вижу, письма доставлены не почтой.

— Нет, их приносил посыльный — китаец. Это и напугало меня больше всего.

— Почему?

— Да ведь именно у какого-то китайца Грегори и купил этот камень в Сан-Франциско три года назад.

— Хотите сказать, мадам, что алмаз, о котором говорится в письмах, это…

— «Звезда Запада», — закончила за него мисс Марвелл. — Так и есть. Грегори говорит, что с этим камнем вроде бы связана какая-то темная история, но китаец, который его продавал, был не слишком разговорчив. По словам Грегори, он был смертельно напуган и так торопился поскорее сбыть бриллиант, что запросил всего лишь десятую часть его истинной стоимости. Грег подарил мне его на свадьбу.

Пуаро задумчиво кивнул.

— История, романтичная до неправдоподобия. Но все же — как знать? Гастингс, будьте добры, подайте мне мой настольный календарь.

Я исполнил его просьбу.

— Итак, когда там ближайшее полнолуние? — бормотал Пуаро, листая странички. — Ага, в следующую пятницу. Значит, у нас три дня сроку. Э бьен, мадам, вы просите моего совета, и я вам его даю! Эта прелестная история может быть мистификацией — а может и не быть! Поэтому советую отдать бриллиант мне на хранение до

субботы. А потом мы можем предпринимать любые действия по своему усмотрению.

Легкая тень омрачила лицо актрисы, и она неохотно ответила:

— Боюсь, это невозможно.

— Камень ведь у вас с собой, не так ли? — Пуаро сверлил ее взглядом.

Помедлив мгновение, актриса запустила пальцы в вырез платья и извлекла на свет длинную тонкую цепочку. Наклонившись к нам, она вытянула руку и разжала кулак. На ладони вспыхнул сгусток белого пламени в изысканной платиновой оправе. Бриллиант триумфально подмигивал, переливаясь всеми цветами радуги.

Пуаро с тихим свистом втянул воздух.

— Э-па-таж! — пробормотал он. — Вы позволите, мадам? — он осторожно взял бриллиант, внимательно его осмотрел, а затем вновь положил на ладонь владелицы. — Великолепный камень, без малейшего изъяна. Ах, *милль дьяблес*! И вы носите его при себе вот так, запросто!

— Нет-нет, поверьте, я крайне осторожна, мсье Пуаро. Обычно бриллиант лежит в запертой шкатулке для драгоценностей, которая хранится в сейфе отеля — кстати, мы остановились в «Магнифисенте». Сегодня я достала камень только для

того, чтобы принести сюда и показать вам.

— И вы оставите его у меня, *не-с па*? Вы ведь послушаете папу Пуаро?

— Видите ли в чем дело, мсье Пуаро — лорд и леди Ярдли пригласили нас погостить в Ярдли-Чейзе, и в пятницу мы едем туда.

Слова мисс Марвел пробудили во мне смутное эхо воспоминаний о каком-то скандале, каких-то сплетнях… Что же это было? Несколько лет назад лорд и леди Ярдли побывали в Штатах и ходили упорные слухи, что его светлость слишком уж бурно развлекался там в компании дам известного сорта. Другие слухи связывали имена леди Ярдли и какого-то молодого киноактера, восходящей звезды. Ну, конечно же — дошло до меня вдруг — это был никто иной, как Грегори Би Рольф!

— Открою вам маленький секрет, мсье Пуаро, — продолжала тем временем мисс Марвелл. — У нас с лордом Ярдли нечто вроде делового соглашения. Мы надеемся, что он позволит нам снять нашу новую картину в его родовом гнезде.

— В Ярдли-Чейзе? — вскричал я, не на шутку заинтригованный. — Какая удача, это же одно из самых живописных поместий в Англии!

Мисс Марвелл кивнула.

— Да, мне говорили, что это настоящий феодальный замок или вроде того. Впрочем, лорд Ярдли выдвигает довольно жесткие условия, и состоится ли наша сделка — пока непонятно. Ничего, мы с Грегом любим совмещать деловые переговоры с развлечениями.

— Прошу прощения, мадам… мне все же невдомек — ведь вы можете поехать в Ярдли-Чейз, но не брать с собой бриллиант?

В глазах мисс Марвелл появилось жесткое, упрямое выражение, которое никак не вязалось с прежним видом детского простодушия. Она вдруг стала выглядеть намного старше.

— Нет, я хочу его носить — там, у них!

— Насколько я помню, — вмешался я, — в знаменитой коллекции драгоценностей рода Ярдли есть некий огромный бриллиант?

— Вот именно, — отрезала мисс Марвелл.

Я расслышал, как мой друг пробормотал: «Ах, вот в чем дело!», но вслух он никак не прокомментировал поведение клиентки. Демонстрируя присущую ему сверхъестественную способность всегда попадать в цель, которую сам Пуаро ошибочно считает знанием психологии, он спросил:

— Как я понимаю, вы уже давно знакомы с леди Ярдли? А может, она давняя приятельница

вашего мужа?

— Грегори познакомился с ней три года назад, когда они ездили в Америку, — сказала мисс Марвелл, а затем, поколебавшись немного, добавила весьма резким тоном: — Вам доводилось почитывать «Светский сплетник»?

Мы с Пуаро стыдливо сознались в этом прегрешении.

— Спрашиваю потому, что в последнем номере они разместили статью о знаменитых драгоценностях и там есть несколько весьма любопытных строчек… — Она внезапно осеклась.

Я не поленился прогуляться через всю комнату за экземпляром упомянутого еженедельника. Мисс Марвелл взяла у меня журнал, нашла нужную статью и стала читать вслух:

Среди других знаменитых камней особняком стоит «Звезда Востока», бриллиант, принадлежащий семейству Ярдли. Предок нынешнего лорда Ярдли вывез его из Китая вместе с подобающей романтической легендой. Согласно этой истории, камень некогда размещался в правой глазнице статуи храмового божества. Левым глазом служил другой алмаз, точно такой же по форме и размеру. По преданию, оба камня были похищены. «Один глаз будет смотреть на

запад, другой на восток, пока не встретятся однажды, и с торжеством вернутся к богу навсегда», — гласит пророчество. Замечательное совпадение — недавно стало известно еще об одном бриллианте, сходном по описанию со «Звездой Востока» — и называют его «Звезда Запада», поскольку именно так титулуют его владелицу, знаменитую киноактрису мисс Мэри Марвелл. Было бы чрезвычайно любопытно сравнить оба этих камня.

На этом мисс Марвелл прекратила чтение.

— Потрясающе! — пробормотал Пуаро. — Авантюрный роман чистой воды! — Он повернулся к Мэри Марвелл. — И вам не страшно, мадам? Суеверный трепет не охватывает вас до кончиков пальцев? Не боитесь воссоединить этих близнецов? А вдруг появится таинственный китаец, умыкнет их и увезет домой?

Мне показалось, что под напускной насмешкой мой друг абсолютно серьезен.

— Я не верю, что бриллиант леди Ярдли хоть отдаленно похож на мой, — заявила мисс Марвелл. — Ручаюсь, он и в половину не так хорош. Но как бы то ни было, я намерена их сравнить.

Какие аргументы приготовил Пуаро, чтобы

отговорить ее, я уже никогда не узнаю, ибо в этот момент дверь распахнулась и в комнату шагнул красавец мужчина. От густых черных кудрей до носков лакированных штиблет он был воплощением романтического героя.

— Я обещал, что зайду за тобой, Мэри, — произнес Грегори Рольф. — И вот я здесь. И что же думает мсье Пуаро по поводу нашей маленькой проблемы? Без сомнения, он, как и я, считает, что все это — нелепая шутка!

Пуаро улыбнулся великану-актеру. Стоя рядом, они являли собой разительный контраст.

— Шутка это или нет, мистер Рольф, я отговаривал мадам вашу супругу везти свое сокровище в Ярдли-Чейз в пятницу.

— Я с вами солидарен, сэр. Я тоже просил Мэри об этом. Но что поделать! Она женщина до мозга костей, и для нее невыносима мысль, что какая-то другая женщина затмит ее, нацепив побрякушки поярче.

— Не болтай чепухи, Грегори, — покраснев от досады, оборвала его Мэри Марвелл.

Пуаро пожал плечами.

— Мадам, вы просили совета, и я вам его дал. Больше ничем не могу помочь.

Он поклонился им обоим и проводил до вы-

хода.

— О-ля-ля! — воскликнул Пуаро по возвращении. — Уж эти женщины с их завистью и ревностью! Внимательный супруг угодил в самую точку, но вряд ли его жене это было приятно. Ах, он повел себя совсем не тактично.

Я поделился с ним обрывками воспоминаний, и он энергично закивал.

— Так я и думал! У подобных случаев всегда имеется любопытнейшая предыстория. С вашего позволения, мон ами, я пройдусь для моциона. Умоляю, дождитесь моего возвращения. Скоро буду.

Я дремал в своем кресле, когда наша квартирная хозяйка, постучав, просунула голову в дверь.

— К мсье Пуаро пришла еще одна леди. Я сказала, что он вышел, но она говорит, что намерена его дождаться, поскольку приехала издалека.

— Проводите ее сюда, миссис Мерчисон. Возможно, я смогу ей помочь.

Когда гостья переступила порог, мое сердце екнуло, потому что я сразу же понял, кто она. Фотографии леди Ярдли слишком часто появлялись на страницах «Сплетника», чтобы я мог ее не узнать.

— Прошу вас, леди Ярдли, садитесь. — Я подви-

нул к ней кресло. — Моего друга Пуаро сейчас нет дома, но я точно знаю, что он очень скоро вернется.

Поблагодарив меня, гостья села. Она была полной противоположностью мисс Мэри Марвелл. Высокая брюнетка с горящими глазами на бледном надменном лице — но какая-то скорбная складка залегла в уголке рта. Я почувствовал желание проявить свои детективные способности — между прочим, вполне незаурядные. На фоне Пуаро я вечно тушуюсь, так, может быть, вот он — мой шанс? Почему бы и нет? Я уступил внезапному порыву.

— Леди Ярдли, мне известно, с какой целью вы явились сюда, — торжественно провозгласил я. — Вы получили письмо, в котором некто угрожает похитить ваш бриллиант.

Сомнений не было — я угодил в яблочко. Леди Ярдли уставилась на меня с открытым ртом, все краски отхлынули от ее лица.

— Но как вы узнали? — выдохнула она. — Как?!

Я скромно улыбнулся.

— Это совершенно обычный процесс дедукции. Поскольку в адрес мисс Марвелл уже поступили подобные угрозы…

— Мисс Марвелл? Она была здесь?

— Она ушла буквально только что. Так вот, как я уже сказал, если обладательнице одного из бриллиантов-близнецов доставляют несколько загадочных предупреждений подряд, хозяйка второго камня, то есть, вы, непременно должна получить аналогичные послания. Видите, как просто? Значит, я не ошибся, вам тоже пришли такие же странные письма?

На какое-то мгновение ее, казалось, охватили сомнения — возможно, леди Ярдли размышляла, стоит ли мне доверять. Затем ее губы тронула слабая улыбка и она кивнула.

— Вы совершенно правы.

— А ваши письма тоже доставил китаец?

— Нет, они пришли по почте. Значит, мисс Марвелл тоже прошла через это?

Я рассказал ей об утреннем визите, и леди Ярдли слушала затаив дыхание.

— Все сходится. Мои письма слово в слово повторяют ее. И, хотя их доставил почтальон, но бумага странно пахла — какие-то благовония, наподобие ароматических палочек. Я сразу подумала о Востоке. Что же все это может значить?

Я покачал головой.

— Нам лишь предстоит это выяснить. Вы при-

несли письма? Мы можем узнать кое-что по почтовым штемпелям.

— К сожалению, я их уничтожила. Видите ли, в то время я приняла все это за глупую шутку. Неужели какая-то шайка китайцев и впрямь пытается вернуть эти алмазы? Это звучит так невероятно!

Мы снова обсудили все известные нам факты, но ни на шаг не приблизились к разгадке тайны. Наконец леди Ярдли встала.

— Не думаю, что мне стоит дожидаться мсье Пуаро. Вы возьмете на себя труд пересказать ему все, о чем мы говорили? Сердечно вам признательна, мистер…

Она запнулась, стоя с протянутой для прощания рукой.

– *Капитан* Гастингс.

— Конечно! Как же глупо с моей стороны. Вы ведь старый друг Кавендишей? Это Мэри Кавендиш направила меня к мсье Пуаро.

Когда мой друг вернулся с прогулки, я не без удовольствия поведал, что произошло за время его отсутствия. Он вытягивал из меня детали так дотошно и с таким недовольным видом, что я, скорее, назвал бы это допросом с пристрастием. Было совершенно ясно — Пуаро предпочел бы

оказаться на моем месте и лично побеседовать с леди Ярдли. Никогда бы не подумал, что старина Пуаро настолько ревнив к чужому успеху! Ведь кто как не он, вечно критикует мои умственные способности. А теперь он явно расстроен, поскольку не знает, к чему придраться. Сам-то я был очень доволен собой, но постарался скрыть это, чтобы не раздражать своего эксцентричного друга — ведь не смотря на все его чудачества, я очень к нему привязан.

— Бьен! — наконец сказал Пуаро, и на лице его появилось выражение глубокой заинтересованности. — Стало быть, наш сюжет развивается. Сделайте одолжение, мой друг, снимите с верхней полки «Книгу пэров». Давайте сюда. — Он полистал страницы справочника. — А, вот и то, что нам нужно! Так… «Ярдли… десятый виконт… служил в действующей армии во время южноафриканской компании… — ну, это не так уж и важно, — в марте тысяча девятьсот седьмого сочетался с достопочтенной Мод Стоппертон, четвертой дочерью третьего барона Коттерила… хм-хм-хм… две дочери… тысяча девятьсот восьмого и тысяча девятьсот десятого года рождения… клубы… резиденции…» Что ж, нам это мало о чем говорит. Но завтра мы полюбуемся на этого

милорда во плоти.

— Что, правда?

— Да, я ему телеграфировал.

— А я полагал, вы умыли руки и больше не занимаетесь этим делом!

— Ну, я не собираюсь работать на мисс Марвелл, ибо она отказалась следовать моим советам. Я занимаюсь этим делом для собственного удовольствия, в личных интересах Эркюля Пуаро! И самым решительным образом намерен сунуть свой любопытный нос в чужой вопрос!

— И поэтому вы беззастенчиво телеграфируете лорду Ярдли, а его светлость на всех парах мчится в город. Когда он узнает, что приехал лишь для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство, он будет не слишком-то доволен.

— Напротив, друг мой, если я сберегу для него фамильный бриллиант, его благодарность будет беспредельной.

— Значит, вы думаете, что алмаз и впрямь могут похитить? — с жаром спросил я.

— Все указывает именно на это, — невозмутимо ответил Пуаро.

— Но каким образом…

Пуаро прервал мои нетерпеливые расспросы легким жестом.

— Не сейчас, умоляю вас. Не будем перегружать свой разум. Лучше обратите внимание, куда вы сунули бедную «Книгу пэров»! Разве вы не видите, что книги большого формата стоят на самых верхних полках, книги поменьше расположены полкой ниже, и так далее. Таким образом мы добиваемся порядка, создаем *мето́ду*, о важности которой я, Гастингс, твердил вам столько раз…

— И даже слишком часто! — подтвердил я и поспешил переставить злосчастный справочник так, чтобы его вид не оскорблял Пуаро в лучших чувствах.

* * *

Лорд Ярдли был типичным джентльменом-охотником: жизнерадостный, громогласный и румяный — пожалуй, даже чересчур. Его манеры, исполненные добродушного дружелюбия, сразу располагали к себе собеседника и вполне искупали некоторый недостаток сообразительности.

— Неслыханное дело, мсье Пуаро. Не могу понять, где тут собака зарыта. Моя жена получает какие-то странные письма, а оказалось — то же самое происходило с мисс Марвелл. Что все это значит?

Пуаро вручил ему экземпляр «Светского сплет-

ника».

— Прежде всего, милорд, я хотел бы знать, являются ли приведенные здесь сведения верными по существу?

Вельможа взял журнал. По мере того, как он углублялся в чтение статьи, лицо его все больше багровело от гнева.

— Что за вздор! — фыркнул он. — Никакой романтической легенды к бриллианту не прилагалось. Насколько я знаю, его привезли из Индии, а всю эту чушь с китайскими божками я слышу впервые.

— И тем не менее, камень прозвали «Звездой Востока»

— И что с того? — возмущенно парировал Ярдли.

Пуаро лишь улыбнулся краешком рта.

— Милорд, я просил бы вас предоставить мне полную свободу действий. Если вы решитесь на подобный шаг, надеюсь, я смогу предотвратить несчастье.

— Значит, вы думаете, в этой экзотической мути есть хоть крупица правды?

— Вы исполните мою просьбу?

— Разумеется, но все-таки я не совсем…

— Бьен! Позвольте задать вам несколько вопро-

сов. Прежде всего — неужто вы и впрямь решили сдать Ярдли-Чейз мистеру Рольфу для съемок его новой картины?

— Вот как! Он и об этом вам рассказал? Нет, ничего еще решено окончательно. — Лорд Ярдли засопел и его кирпично-красное лицо потемнело еще больше. — Ладно, не будем ходить вокруг да около. Я наломал дров, мсье Пуаро, и оказался по уши в долгах, но твердо намерен все исправить. Я люблю своих детей и ради них хочу выкарабкаться из этой ямы и прожить остаток дней в своем родовом гнезде. Мне ненавистна сама мысль о том, что весь этот сброд будет топтаться и скоморошничать в Чейзе, но другого выхода нет, разве что… — Он умолк на полуслове.

Пуаро пристально посмотрел на него.

— Позвольте закончить вашу мысль. Если вы не подпишете соглашение с киностудией, то единственный способ избежать банкротства — продать «Звезду Востока».

Лорд Ярдли обреченно кивнул.

— Именно. Это фамильная реликвия, и мы храним ее вот уже несколько поколений, но дело даже не в этом. Где я найду покупателя для этой штуковины? Хоффберг из Хаттон-Гардена по моему поручению наводит справки, кому бы ее

сбыть, но дело это не быстрое, и если не случится чудо, меня ждет окончательный крах.

— Пардон, но не могу не спросить: что думает по поводу ваших планов леди Ярдли?

— О, она категорически против того, чтобы я продавал камень. Вы же знаете, что такое женщины. Она только и мечтает, как бы отдать Чейз на поругание этим киношникам.

— Ясно. — Пуаро размышлял несколько секунд, потом резко встал. — Вы возвращаетесь в Ярдли-Чейз сразу же после нашей встречи? Бьен! Никому не ни слова о нашем уговоре — ни одной живой душе. Но ожидайте нас нынче же вечером. Мы прибудем где-то после пяти.

— Хорошо, но я не понимаю…

— Вам и не нужно ничего понимать, — ласково сказал Пуаро. — Вы же хотите, чтобы я сохранил ваш камушек?

— Конечно, но все-таки это странно…

— Просто сделайте так, как я прошу.

Бедный пэр покинул нас, будучи уже окончательно сбитым с толку.

* * *

В половине шестого вечера мы прибыли в Ярдли-Чейз. Величественный дворецкий пре-

проводил нас в старинный зал, обшитый деревянными панелями. В огромном камине уютно потрескивали поленья. Нашим глазам предстала очаровательная картинка: леди Ярдли с дочурками. Горделивая темноволосая голова матери склонялась над двумя светлыми детскими головками. Лорд Ярдли стоял рядом и улыбался.

— Мсье Пуаро и капитан Гастингс, — объявил дворецкий.

Леди Ярдли вздрогнула, ее муж неуверенно шагнул вперед, его глаза взывали к Пуаро о помощи. Маленький бельгиец не растерялся.

— Тысяча извинений, мадам! Дело в том, что я все еще расследую то дельце мисс Марвелл. Она ведь приедет к вам в пятницу, если я не ошибаюсь? Вот я и решил предпринять небольшое путешествие, дабы убедиться, что здесь ей ничто не угрожает. И я хотел бы уточнить у леди Ярдли: а были ли вообще почтовые штемпели на письмах, которые она получила?

Леди Ярдли с сожалением покачала головой.

— Боюсь, я не могу вспомнить. Это так глупо с моей стороны! Но понимаете, в то время я не воспринимала их всерьез.

— Заночуете у нас? — спросил лорд Ярдли.

— О, милорд, не хотелось бы вас беспокоить.

Мы остановились в деревенской гостинице.

— Никакого беспокойства, уверяю вас. — Лорд Ярдли уже полностью вошел в роль гостеприимного хозяина. — Мы немедленно пошлем за вашими вещами. Нет-нет, я настаиваю.

Пуаро быстро дал себя уговорить, уселся рядом с леди Ярдли и немедленно нашел общий язык с детьми. Вскоре все они затеяли довольно бурную игру, в которую втянули и меня. Мы резвились, пока не явилась непреклонная няня и не увела отчаянно упиравшихся девчушек спать.

— Вы замечательная мать, мадам, — заметил Пуаро, глядя им вслед.

Леди Ярдли пыталась пригладить волосы, растрепавшиеся в пылу игры.

— Я их обожаю, — сказала она с легкой дрожью в голосе.

— Еще бы! А они вас — и не даром! — Пуаро был как всегда галантен.

Прозвучал гонг к переодеванию, и мы встали, чтобы разойтись по своим комнатам. В этот момент вошел дворецкий с телеграммой на подносе. Лорд Ярдли, коротко извинившись, разорвал конверт. Читая, он заметно встревожился.

С коротким возгласом он передал телеграмму жене и повернулся к моему другу.

— Задержитесь на минутку, мсье Пуаро. По-моему, вам тоже следует знать все. Депеша от Хоффберга. Кажется, он нашел покупателя на бриллиант. Какой-то американец, который уже завтра отплывает в Штаты. Хоффберг послал к нам эксперта, чтобы проверить подлинность камня. Ей-богу, если бы не… — Его голос пресекся.

Леди Ярдли отвернулась, все еще сжимая телеграмму в руке.

— Я бы предпочла, чтобы ты не продавал его, Джордж, — тихо сказала она. — Он так долго принадлежал нашей семье! — Какое-то время она будто ожидала ответа, но когда его не последовало, передернула плечами: — Что ж, пойду наряжаться. Полагаю, твоему товару потребуется роскошная витрина. — Леди Ярдли повернулась к Пуаро, ее губы искривила горькая усмешка: — Вам предстоит увидеть одно из самых уродливых ювелирных изделий на свете. Джордж сто раз обещал отдать его переделать, да, видно, не судьба. — С этими словами она вышла из комнаты.

Через полчаса мы втроем ждали нашу единственную даму в просторной гостиной. Вот уже настало время ужина. Прошло еще несколько минут.

Внезапно послышался тихий шорох. В дверном

проеме, точно портрет в раме, возникла леди Ярдли — в длинном платье из белой парчи. Одной рукой она касалась шеи, вокруг которой струился ручеек переливчатых ярких огней.

— Жертва перед вами! — весело воскликнула она. От ее огорчения будто не осталось и следа. — Погодите, я включу верхний свет и вы полюбуетесь на самое безобразное ожерелье в Англии.

Выключатели находились прямо за дверью, но когда хозяйка дома протянула к ним руку, случилось невероятное. Внезапно все лампы в комнате погасли, дверь захлопнулась, а из коридора донесся пронзительный женский вопль.

— Господи, это голос Мод! — вскричал лорд Ярдли. — Мод, что с тобой?

Натыкаясь друг на друга в темноте, мы на ощупь добрались до выхода, но нашли его не сразу. В коридоре нашим глазам предстало шокирующее зрелище. Леди Ярдли лежала на мраморном полу без сознания, алый рубец отчетливо выделялся на белой коже — там, где с ее шеи сорвали ожерелье.

Склонившись над ней, мы пытались отыскать признаки жизни, и тут ее веки дрогнули, она прерывисто прошептала:

— Китаец… Китаец… в боковую дверь…

Лорд Ярдли с проклятьями вскочил на ноги, я помчался следом за ним, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди. Опять этот китаец!

Маленькая боковая дверь, о которой говорила леди, находилась немного дальше по коридору, буквально в нескольких ярдах. Добежав до нее, я невольно вскрикнул. У самого порога лежало сверкающее ожерелье — очевидно, вор, спасаясь бегством, в панике обронил его. Вне себя от радости я схватил добычу — и тут же издал еще более громкий крик, которому эхом вторил лорд Ярдли. Ибо в центре оправы зияла огромная дыра. «Звезда Востока» исчезла.

— Теперь все ясно! — выдохнул я. — Это были не обычные грабители! Они хотели украсть только этот камень!

— Но как им удалось проникнуть внутрь?

— Через эту дверь!

— Но она же всегда заперта!

Я покачал головой:

— Только не сегодня! Смотрите сами. — И в подтверждение своих слов я легко ее открыл.

В этот миг что-то упало на пол. Я нагнулся и подобрал обрывок шелковой ткани. Вышивка неопровержимо свидетельствовала: лоскут вы-

рван из одеяния китайца.

— Его, видно, прищемило дверью, — пояснил я. — Скорее, нельзя мешкать! Он не мог уйти далеко.

Но наша погоня и розыски ни к чему не привели. В кромешной тьме вору удалось скрыться незамеченным. Нам пришлось вернуться с пустыми руками. Лорд Ярдли поспешил отрядить одного из лакеев за полицией.

С помощью Пуаро, который в подобных ситуациях проявляет просто-таки женскую деликатность, леди Ярдли уже совсем оправилась и смогла рассказать нам, что произошло.

— Я как раз собиралась включить верхнее освещение, и вдруг на меня сзади напал какой-то человек. Он с такой силой рванул ожерелье, что я рухнула на пол. Падая, я успела увидеть, как он убегает в боковую дверь. Заметив вышитый халат и косичку, я поняла, что это был китаец. Потом я лишилась чувств.

Голос ее задрожал, он замолчала.

Вошел дворецкий и вполголоса обратился к лорду Ярдли.

— Джентльмен от мистера Хоффберга, милорд. Он говорит, вы его ожидаете.

— Бог мой! — оторопело воскликнул пэр. — По-

лагаю, я должен его принять. Нет, Маллингс, не здесь. Проводите его в библиотеку.

Я отвел Пуаро в сторонку.

— Послушайте, дружище, не лучше ли нам вернуться в Лондон?

— А почему вы считаете, что мы должны уехать?

— Ну, — я деликатно кашлянул, — дела-то обернулись не лучшим образом, верно? Сами посудите: вы уговариваете лорда Ярдли довериться вам, обещая, что все будет хорошо, и тут — бац! Бриллиант крадут прямо у вас под носом.

— Верно, — произнес Пуаро удрученным тоном. — Боюсь, это дело нельзя причислить к самым блистательным моим триумфам.

Подобная трактовка событий вызвала у меня мысленную улыбку, но я сдержался и продолжил:

— Что ж, после того как вы, простите за выражение, сели в лужу, нам стоило бы проявить деликатность и незаметно исчезнуть.

— А как же ужин — без сомнения, великолепный — приготовленный прославленным поваром лорда Ярдли?

— Ах, да мне кусок в горло не полезет! — проворчал я.

Пуаро в ужасе воздел руки.

— Мон дьё! В этой стране с преступным равнодушием относятся к гастрономическому искусству.

— Есть и еще одна причина, по которой мы должны вернуться в Лондон как можно скорее, — продолжил я.

— И что же это за причина, мой друг?

— Другой бриллиант, — сказал я, понизив голос. — Камень мисс Марвелл.

— Э бьен, а что с ним?

— Да разве вы не понимаете? — Это тугодомие, обычно совершенно не свойственное Пуаро, сводило меня с ума. Что случилось с блистательным интеллектом моего друга? — Они украли один, теперь отправятся за вторым!

— Скажите на милость! — Пуаро отступил на шаг, чтобы с восхищением оглядеть меня с головы до ног. — Ваш мозг начинает творить чудеса, мой друг! Как же мне стыдно, что я сам не мог прийти к такому простому выводу! Но у нас еще есть время. Полнолуние не наступит раньше пятницы.

Я скептически покачал головой, полагая что это полнолуние преступники приплели просто для отвода глаз. Но все-таки я добился своего, и мы с Пуаро безотлагательно покинули поместье,

оставив для лорда Ярдли записку с объяснениями и извинениями.

Я считал, что нам следует немедленно отправиться в «Магнифисент» и рассказать мисс Марвелл о том, что случилось. Пуаро забраковал этот план, настояв на том, что все это можно сделать и утром. Я был вынужден сдаться, оставшись при своем мнении.

Утром Пуаро почему-то медлил и тянул со сборами, и я начал подозревать, что, напортачив в самом начале расследования, он попросту не желает продолжать дело. Когда я намекнул на это, мой друг, в очередной раз проявив свой замечательный здравый смысл, указал, что подробности происшествия уже попали в утренние газеты, и, стало быть, мистер и миссис Рольф знают ровно столько, сколько и мы. Я нехотя согласился.

Вскоре мои дурные предчувствия оправдались. Где-то около двух часов дня зазвонил телефон, и Пуаро ответил. Послушав пару минут, он кратко сказал: «Хорошо, все понял», повесил трубку и повернулся ко мне.

— Как вы думаете, мон ами, что произошло? — Он выглядел одновременно взволнованным и смущенным. — Похищен бриллиант мисс Марвелл!

— Что? — завопил я, вскакивая с места. — А как насчет «подождем до полнолуния»?! — Пуаро пристыженно потупился. — Когда это случилось?

— Как я понял, сегодня утром.

Я в отчаянии покрутил головой:

— Если бы вы только послушали меня! Теперь вы видите, что я был прав?!

— Очень похоже на то, мон ами, — кротко сказал Пуаро. — Не будем делать поспешных выводов, но, кажется, все вышло так, как вы и предсказывали.

Пока мы мчались в такси к отелю «Магнифисент», я растолковывал моему другу хитроумный план злоумышленников.

— Они специально заморочили нам голову этим полнолунием, чтобы мы готовились отразить удар в пятницу и не предприняли необходимых мер безопасности заранее. Жаль, что вы этого не поняли.

— Та-та-та! — беспечно сказал Пуаро, который, казалось, уже оправился от непродолжительного приступа раскаяния. — От промахов никто не застрахован, мой друг.

Мне стало его жаль. Он так ненавидит любые неудачи!

— Не огорчайтесь, — примирительно сказал я. — В следующий раз повезет!

В «Магнифисенте» нас сразу же препроводили в кабинет управляющего. Там уже сидел Грегори Рольф в компании двух сыщиков из Скотленд-Ярда, которые допрашивали какого-то гостиничного клерка и уже запугали беднягу до полусмерти.

Когда мы вошли, Рольф приветствовал нас кивком.

— Мы как раз подбираемся к сути, — сказал он. — Но это просто невероятно! И как только у этого типа хватило наглости!

Нам вкратце изложили основные факты. Этим утром мистер Рольф покинул отель в 11:15. А уже в 11:30 некий господин, до того на него похожий, что никто не усомнился, что это и есть мистер Рольф, вошел в отель и потребовал принести ему хранившуюся в сейфе шкатулку с драгоценностями. Согласно принятой процедуре, он подписал квитанцию, небрежно заметив при этом: «Прищемил руку дверцей такси, поэтому почерк немного другой». Клерк с улыбкой заметил, что не видит никакой разницы. Тогда Рольф-де рассмеялся и сказал: «Ну, не подавайте на меня в суд за мошенничество. Какие-то китайцы пишут мне письма с

угрозами и хуже всего, что я и сам немного похож на китайца. Дело в моем разрезе глаз, говорят».

— Я пригляделся к нему, и тогда понял, что он имеет в виду, — запинаясь, рассказывал клерк. — Глаза у него были слегка раскосыми, как у азиата. Прежде я этого не замечал.

— Черт возьми, приятель! Взгляни мне в глаза и повтори свои слова! Ты и сейчас принимаешь меня за китаёзу? — взревел Рольф, придвигаясь к нему вплотную.

Несчастный клерк задрожал.

— Нет, сэр, ни в коем случае!

И в самом деле карие глаза, которые с чистосердечным возмущением уставились на нас, даже отдаленно не напоминали о Востоке.

Один из детективов хмыкнул:

— Дерзкий тип. Решил, что кто-то может заметить разрез глаз, и взял быка за рога, чтобы сходу отмести все возможные подозрения. Должно быть, он следил за вами, сэр, и провернул свой трюк, как только вы удалились на порядочное расстояние от отеля.

— А что насчет шкатулки с драгоценностями? — спросил я.

— Ее обнаружили в холле. Украдено было лишь одно украшение — «Звезда Запада».

Мы потрясенно переглянулись — все это звучало слишком неправдоподобно.

Пуаро резко поднялся на ноги.

— Боюсь, от меня вам будет мало толку, — произнес он извиняющимся тоном. — Вы позволите мне повидать мадам?

— Она все еще не отошла от шока, — покачал головой Рольф.

— Тогда мне стоит сказать вам пару слов наедине, мсье. Вы не против?

— Конечно, нет.

Они вышли, а минут через пять Пуаро появился вновь. Вид у него был сияющий.

— Ну, друг мой, а теперь поспешим на почту! Я должен отправить телеграмму! — воскликнул он.

— Кому?

— Лорду Ярдли!

Он предотвратил дальнейшие вопросы, энергично схватив меня под руку.

— Идемте, идемте, мон ами. Я уже знаю ваше мнение об этом злополучном деле. Я потерпел крах! Вы бы на моем месте не сплоховали! Бьен! Ну, и выкинем все из головы. Я угощу вас обедом.

Было уже около четырех часов, когда мы вошли

в кабинет Пуаро. Из кресла у окна нам навстречу поднялся какой-то человек. Это был лорд Ярдли. Он выглядел удрученным и растерянным.

— Я выехал сразу, как только получил телеграмму. Слушайте, по пути заглянул к Хоффбергу. Они понятия не имеют, что за человек приезжал к нам от их имени. Они никого не посылали. Вы можете объяснить, что…

Пуаро остановил его, воздев руку.

— Милль пардон! Это я отправил ту телеграмму и это я нанял джентльмена, посетившего вас вчера.

— Вы! Но почему? Зачем?! — Изумленный вельможа барахтался в словах.

— У меня появилась маленькая идея: как нам все уладить, — ободряющим тоном пояснил Пуаро.

— Уладить! Боже правый! — пыхтел лорд Ярдли.

— И мой маневр удался, — с улыбкой до ушей объявил Пуаро. — Поэтому, милорд, я с превеликим удовольствием возвращаю вам вашу собственность. — Эффектным жестом он извлек из кармана огромный бриллиант, и тот засверкал всеми гранями.

— «Звезда Востока»! — выдохнул лорд Ярдли. —

Но я не понима…

— Нет? — прервал его Пуаро. — Это уже не имеет значения, Просто поверьте моим словам: для того, чтобы ваша фамильная реликвия вернулась, необходимо было дождаться ее похищения! Я обещал вам сохранить ваш камень и сдержал обещание, а вы должны позволить мне сохранить мой маленький секрет. Прошу вас, передайте леди Ярдли мои заверения в глубочайшем почтении и сообщите, что я безмерно счастлив вернуть ее сокровище. Отличная установилась погода, не правда ли? Всегда к вашим услугам, милорд.

И, улыбаясь не переставая болтать о пустяках, мой потрясающий друг ловко выпроводил ошеломленного пэра. Вернулся он, мягко потирая руки.

— Пуаро, — окликнул я. — Я что же, окончательно спятил?

— Нет, мон ами, вы в обычном для вас состоянии ментального тумана.

— Как к вам попал бриллиант?

— Мне отдал его мистер Рольф.

— Рольф?!

– *Мез уи*! Письма с предупреждениями, загадочный китаец, статья в «Светском сплетнике» — все это порождение изобретательно ума мистера

Рольфа. Два бриллианта, столь чудесно схожие — ба, да возможно ли такое в реальной жизни? С начала и без конца существовал лишь один бриллиант, мой дорогой друг — единственный в своем роде! Много лет он был собственностью рода Ярдли, но последние три года им владел мистер Рольф. Он похитил его сегодня утром из шкатулки жены, чуточку изменив разрез глаз с помощью гримировального карандаша. Ах, я должен непременно посмотреть фильмы с его участием, должно быть, он непревзойденный мастер перевоплощения!

Я оторопел.

— Но зачем ему воровать собственный бриллиант?

— Причин предостаточно. Прежде всего, леди Ярдли уже начала терять терпение.

— Леди Ярдли?

— Поймите, в Калифорнии она была одинока и подавлена. Муж пренебрег ею, нашел развлечения на стороне. И тут появляется красавец мистер Рольф, окутанный романтическим флером. Хотя, по правде сказать, он очень себе на уме, этот смазливый господинчик! Он закрутил роман с леди Ярдли, а потом принялся ее шантажировать. Оставшись вчера наедине с нашей леди, я добил-

ся чистосердечного признания. Она клянется, что была всего лишь неосторожна, и я склонен ей верить. Вот как обстояло дело: у Рольфа имеются письма, которые, будучи неверно истолкованы, погубят репутацию леди Ярдли. Ей грозит развод, потеря детей. В ужасе она соглашается на все требования Рольфа. Собственных средств у нее нет, пришлось позволить корыстолюбивому возлюбленному заменить бриллиант из ожерелья стразом такой же величины и огранки. Меня сразу же насторожил тот факт, что алмаз «Звезда Запада» вынырнул на свет божий именно во время пребывания четы Ярдли в Америке. Что ж, молодой авантюрист добился своего и все вроде бы все успокоилось. Лорд Ярдли решил остепениться, осел в родовом гнезде, занялся хозяйством. И тут впервые возникает угроза продажи бриллианта. Леди Ярдли в ужасе — ведь подмена сразу же будет обнаружена! В отчаянии она пишет Грегори Рольфу, который как раз приехал в Англию. Он успокаивает ее, обещая все уладить — и разрабатывает гениальный план двойного ограбления. Рольфу этот план сулит одни лишь выгоды! Леди Ярдли, которая уже готова во всем признаться мужу, теперь обезврежена. Сам Рольф получает пятьдесят тысяч фунтов стра-

ховки (ага, Гастингс, держу пари, об этом-то вы и забыли!), и еще у него остается бриллиант! Тут-то я сунул свой любопытный нос, и мое вмешательство принесло плоды! Сообщается о приезде эксперта-ювелира. Как я и ожидал, леди Ярдли немедленно разыгрывает сцену ограбления — и блестяще справляется с ролью! Но Эркюля Пуаро не обманешь театральными эффектами, он видит только факты. Что же происходит на самом деле? Миледи выключает свет, хлопает дверью, швыряет ожерелье в коридор и поднимает крик. Поддельный бриллиант она заранее извлекла из оправы чем-то вроде щипчиков…

— Но мы видели ожерелье у нее на шее! — вскричал я.

— Нет уж, прошу прощения, мой друг. Мы видели прекрасную руку прижатую к прекрасной груди именно в том месте, где в оправе ожерелья была пустота! Что же касается шелкового лоскутка, застрявшего в двери — проще простого сунуть его туда заблаговременно. Разумеется, как только Рольф прочел в газетах об ограблении в Ярдли-Чейзе, он немедленно приступил к постановке собственной маленькой комедии. И сыграл он просто виртуозно!

— А что же вы ему сказали? — Я сгорал от лю-

бопытства.

— Сказал, что леди Ярдли во всем призналась мужу, что я уполномочен вернуть драгоценность, не поднимая лишнего шума, но если он не согласен, огласки не избежать. Ну и еще я использовал кое-какие приемчики, известные только мне, и Рольф не устоял. Он был как воск в моих руках.

Я глубоко задумался.

— Мне кажется, все это несправедливо по отношению к Мэри Марвелл. Она ни в чем не провинилась, а между тем лишилась своего бриллианта навсегда!

Но Пуаро проявил невиданную черствость.

— Ба! Она получила великолепную рекламу. Поверьте, для нее это куда важнее! А вот та, другая — несчастная жена, любящая мать — действительно заслуживала сочувствия.

— Возможно, — сказал я с изрядной долей сомнения, ибо наши вкусы в отношении женщин никогда не совпадали. — Я так понимаю, Рольф посылал ей такие же письма, что и своей жене?

— Да никаких писем он ей не посылал! Она поделилась своей бедой с Мэри Кавендиш, и та посоветовала обратиться ко мне за помощью. Придя к нам, леди Ярдли услышала, что ее соперница уже побывала здесь, передумала откровенни-

чать, ухватившись за легенду, которую вы, мой друг, так услужливо ей предоставили, и подыграла вам! Мне хватило пары вопросов, чтобы понять, что именно *вы* рассказали ей историю о таинственных письмах, а вовсе не наоборот! Она воспользовалась вашей наивностью.

— Не верю! — вскричал я, уязвленный до глубины души.

— Ах, мон ами, как жаль, что вы не разбираетесь в психологии. Она сказала вам, что уничтожила письма? О-ля-ля! Да никогда в жизни! Ни одна нормальная женщина нипочем не расстанется добровольно ни с одним письмом! Даже если в будущем это сулит ей сплошные неприятности!

— Пусть так, — сказал я, потихоньку начиная закипать, — но меня-то вы по каким-то соображениям выставили полным кретином! Вы с начала и до конца водили меня за нос! Вместо того, чтобы сразу все объяснить, вы разыграли этот фарс! Ну, знаете, это уж слишком!

— Милый Гастингс, вы были так счастливы, так довольны собой, у меня не хватило духу развеять ваши иллюзии.

— Это подло! Нет, на этот раз вы перешли все границы! Да как вы могли!

— Мон дьё! Зачем же так расстраиваться из-за

сущих пустяков, мой добрый друг!

— С меня хватит! — И я выскочил из кабинета, хлопнув дверью. Не позволю потешаться над собой! Я решил преподать Пуаро урок. Пусть помучается какое-то время, прежде чем я его прощу. Надо же, по его милости я вел себя как настоящий болван!

II. Трагедия в Марсдон-Мэноре

Мне пришлось уехать из города на несколько дней, а по возвращении я застал Пуаро за укладкой его маленького саквояжа.

— Наконец-то, Гастингс! Я уже боялся, что вы опоздаете, и не сможете составить мне компанию.

— У вас новое дело?

— Да, хотя, должен признать, по первому впечатлению оно не представляет интереса. Страховая компания «Нозерн Юнион» поручила мне расследовать обстоятельства смерти мистера Мальтраверса, несколько недель назад застраховавшего у них свою жизнь на кругленькую сумму в пятьдесят тысяч фунтов.

— Вот это да! — Я не на шутку заинтересовался.

— Конечно, в полисе была стандартная оговорка насчет самоубийства. Если в течение года после заключения договора клиент покончит с собой, страховые выплаты аннулируются. Мистер Мальтраверс прошел надлежащее обследование у медицинского эксперта компании. По заключе-

нию врача, для своего уже преклонного возраста он отличался отменным здоровьем. Тем не менее, в прошлую среду — то есть, позавчера — тело мистера Мальтраверса было обнаружено в парке его эссекского поместья Марсдон-Мэнор. Если верить свидетельству о смерти, он скончался в результате внутреннего кровотечения, вызванного неизвестными причинами. И все же в этом не усмотрели бы ничего подозрительного, если бы не слухи, которые начали распространяться незадолго до трагедии — поговаривали, что мистер Мальтраверс испытывает серьезные денежные затруднения. После его кончины страховщики из «Нозерн Юнион» доподлинно установили, что покойный джентльмен находился на грани разорения. А это в корне меняет дело. Поскольку Мальтраверс не так давно обзавелся молоденькой красавицей-женой, логично предположить, что он собрал всю наличность, которую только смог наскрести, оплатил страховой взнос в пользу супруги, а затем свел счеты с жизнью. Такое частенько случается. В общем, мой друг Альфред Райт, директор-распорядитель «Нозерн Юнион», просит выяснить обстоятельства этого дела, хотя я сразу предупредил, чтобы он не слишком рассчитывал на успех. Если бы причиной смерти

указали сердечную недостаточность, я бы насторожился. За подобным вердиктом зачастую скрывается полная неспособность местного эскулапа установить, от чего именно скончался его пациент. Однако «внутреннее кровотечение» — куда более четкий и определенный диагноз. Тем не менее, приглядеться на месте и собрать сведения будет не лишне. Пять минут на сборы, Гастингс, а потом берем такси.

Примерно час спустя поезд «Грейт Истерн»* [* *«Грейт Истерн» — английская железнодорожная компания, владевшая путями, составами и осуществлявшая перевозки в восточном и юго-восточном направлении. Сейчас эти участки железной дороги являются частью Лондонского метрополитена. (Здесь и далее — прим. перев.)*] домчал нас до местечка Марсдон-Ли. Наведя справки на крошечной станции, мы узнали, что поместье Марсдон находится примерно в миле отсюда и решили прогуляться.

— Ну, какой у нас план действий? — бодро спросил я, когда мы зашагали по главной деревенской улице.

— Сперва навестим доктора. Я выяснил, что в Марсдон-Ли имеется лишь один врач. А вот, кстати, и его дом.

Дом этот был больше похож на комфортабельный сельский коттедж и стоял поодаль дороги. Медная табличка на воротах и впрямь извещала, что он принадлежит доктору медицины Ральфу Бернарду. Мы прошли по дорожке и позвонили в дверь.

Как выяснилось, мы заглянули в удачное время. У доктора были приемные часы, а страждущих пациентов пока что не наблюдалось. Доктор Бернард был уже немолод и сильно сутулился, а его манеры отличались благодушной рассеянностью. Представившись, Пуаро изложил цель нашего визита, пояснив, что страховые компании обязаны в подобных случаях предпринимать самое тщательное расследование. Доктор воспринял это довольно флегматично.

— Ну, разумеется, разумеется, — пробормотал он. — Такой состоятельный человек, должно быть, застраховал свою жизнь на внушительную сумму.

— По-вашему, доктор, он был богат?

Доктор, казалось, удивился.

— А как же иначе? У него, знаете ли, было целых два автомобиля, а Марсдон-Мэнор — довольно большая усадьба, и содержание ее обходится недешево. Хотя, если не ошибаюсь, в свое время

Мальтраверс купил поместье практически за бесценок.

— Насколько мне известно, незадолго до его смерти дела пришли в упадок, — и Пуаро пристально взглянул на доктора, но тот лишь скорбно покачал головой.

— Да что вы говорите! Что ж, если это правда, хорошо что у его жены есть эта страховка. Прелестная молодая особа, очень милая и обаятельная, однако это ужасное происшествие пагубно отразилось на ее здоровье. Нервы никуда не годятся. Я сделал все, что мог, но бедное создание еще не оправилось.

— Когда мистер Мальтраверс в последний раз наблюдался у вас?

— Мой дорогой сэр, да ведь он вовсе не был моим пациентом!

— Как же так?!

— Насколько я понял, мистер Мальтраверс был адептом Христианской науки* [* *Христианская наука — религиозное течение, возникшее в США в 1879 г. Адепты отказывают злу и болезням в реальности и верят в возможность физического исцеления посредством молитвы и самовнушения*], или что-то в этом роде.

— Но это ведь вы осматривали тело?

— Конечно. За мной прислали одного из младших садовников.

— И вы сразу же определили причину смерти?

— У меня не было ни малейших сомнений. На губах выступила кровь, но совсем немного, значит, кровотечение было внутренним.

— Покойный находился там же, где его обнаружили?

— Да, тело никто не передвигал. Оно лежало на опушке небольшой рощи. Рядом валялось ружье. Должно быть, он отправился пострелять грачей, тут-то с ним и случилось несчастье. Вне всяких сомнений, это прободение язвы желудка.

— А не мог его кто-нибудь подстрелить?

— Помилуйте, сэр! Что вы такое говорите?

— Простите мне мое невежество, — смиренно сказал Пуаро. — Но если память мне не изменяет, не так давно врач диагностировал у жертвы убийства сердечную недостаточность и упорствовал в своем заключении, пока местный констебль не указал ему на дыру от пули в голове покойника.

— Вы не обнаружите на теле мистера Мальтраверса никаких пулевых ранений, — сухо сказал доктор Бернард. — И если у вас все, джентльмены…

Намек был весьма прозрачным.

— Всего вам доброго, доктор, не смеем более отрывать вас от работы. Последний вопрос: вы не сочли необходимым провести вскрытие?

Лицо доктора медленно наливалось кровью.

— Конечно, нет! Причина смерти была очевидна, а этический кодекс врача не позволяет доставлять неоправданные страдания родственникам умершего!

И, повернувшись к нам спиной, доктор захлопнул дверь у нас перед носом.

— Ну, Гастингс, что вы думаете о докторе Бернарде?

— Самодовольный старый осел!

— В точку. Ваши характеристики отличаются исключительной меткостью и глубиной, мой друг.

Я с подозрением покосился на Пуаро. Он казался совершенно серьезным, но потом добавил с лукавым огоньком в глазах:

— Разумеется, в тех случаях, когда речь не идет о красивой женщине!

Я смерил его ледяным взглядом.

По прибытии в усадьбу Пуаро вручил открывшей нам дверь пожилой горничной визитную карточку и рекомендательное письмо от страховой компании. Она проводила нас в малую

гостиную и удалилась, чтобы передать все это своей хозяйке. Минут через десять дверь открылась и на пороге появилась стройная женщина во вдовьем трауре.

— Мсье Пуаро? — неуверенно произнесла она.

— Мадам! — Пуаро галантно вскочил и поспешил к ней. — Не могу передать вам, как я сожалею о том, что вынужден тревожить вас в это скорбное время. Но что поделаешь? Деловые вопросы, увы, не терпят проволочек и никого не щадят.

Миссис Мальтраверс позволила ему усадить ее в кресло. Глаза вдовы покраснели от множества пролитых слез, но временный недостаток не мог испортить ослепительную красоту этой платиновой блондинки с огромными голубыми глазами и изящным рисунком пленительных губ. На вид ей было лет двадцать семь — двадцать восемь.

— Это что-то по поводу страховки моего мужа? Неужели так уж необходимо обсуждать все это сейчас… так скоро?

— Кура́ж, ма шери́ мадам. Мужайтесь! Видите ли, ваш покойный супруг застраховал свою жизнь на довольно солидную сумму, а в таких случаях компания, которую я представляю, всегда проводит основательное расследование. Но обещаю приложить все силы, чтобы доставить

вам как можно меньше беспокойства. Не могли бы вы вкратце рассказать о событиях той злосчастной среды?

— Я переодевалась к чаю, когда постучала горничная и сказала, что один из садовников только что прибежал в дом… он обнаружил…

Ее голос дрогнул. Пуаро сочувственно сжал ее руку.

— Я понял, мадам, довольно об этом! А незадолго до этого вы разговаривали с вашим супругом?

— Нет, я не видела его с самого обеда. Я ходила в деревню за почтовыми марками, а он, по-видимости, отправился побродить по парку.

— И пострелять по грачам, так ведь?

— Да, обычно он брал с собой ружье, и я действительно слышала несколько отдаленных выстрелов.

— А где теперь это ружье?

— Думаю, в холле.

Она вышла из комнаты и через пару минут вернулась и вручила Пуаро небольшое охотничье ружье. Тот бегло осмотрел его и протянул обратно, заметив:

— Насколько я могу судить, было сделано два выстрела. А сейчас, мадам, я хотел бы взглянуть на…

Он сделал деликатную паузу.

— Вас проводят, — прошептала вдова, поникнув головой.

Явившаяся на звонок горничная повела Пуаро наверх. А я остался подле этой прелестной, удрученной горем женщины. Я не мог решить, что лучше — начать непринужденную беседу или молчать, поэтому сделал пару замечаний общего характера, на которые она рассеяно ответила, и на этом наш разговор иссяк. А через несколько минут Пуаро вновь присоединился к нам.

— Благодарю, что так любезно согласились уделить нам время, мадам. Не думаю, что придется снова беспокоить вас по этому поводу. Кстати, вам было известно что-то о финансовом положении вашего мужа?

Она покачала головой.

— Ровным счетом ничего. В деловых вопросах я совершенно беспомощна!

— Понимаю. Значит, вы не имеете ни малейшего представления, почему он вдруг решил застраховать свою жизнь? Как я понял, раньше он ни о чем подобном не задумывался.

— Ну, мы же поженились совсем недавно, всего год назад. А застраховаться он решил из-за предчувствия неминуемой кончины. Им овладела

навязчивая идея, будто ему не суждено жить долго. Кажется, у него уже было одно внутреннее кровотечение, и он убедил себя, что следующее повлечет роковой исход. Я пыталась, как могла, развеять эти мрачные мысли, но все напрасно. И увы, его опасения сбылись!

Со слезами на глазах она в сдержанных, исполненных благородного изящества выражениях распрощалась с нами. Когда мы уже шагали по дорожке, Пуаро выразительно пожал плечами.

— Э бьен, мой друг, придется возвращаться в Лондон — похоже, здесь нам не на кого расставлять ловушки. И все же…

— И все же *что*?

— Маленькое несоответствие — и только. Вы его заметили? Нет? Однако жизнь полна несоответствий и, разумеется, это никакое не самоубийство — не существует яда, из-за которого рот человека наполняется кровью. Нет, по-видимому, я должен смириться с тем, что тут все чисто… А это еще кто?

Навстречу по дорожке шел высокий молодой человек. Он миновал нас, не удостоив внимания, но я успел рассмотреть его привлекательное худощавое лицо, покрытое сильным загаром — свидетельство жизни в тропическом климате.

Заметив садовника, сгребавшего в кучу листву и решившего немного передохнуть, Пуаро резво подскочил к нему.

— Умоляю, скажите мне, кто этот джентльмен? Он часто здесь бывает?

— Имени его я не помню, сэр, но здесь он не впервой. Гостил на прошлой неделе, оставался ночевать. Во вторник это было.

— Быстрее, мон ами! Нам нужно следовать за этим молодым человеком.

Мы пустились в погоню. На террасе слева мелькнула фигурка в черном крепе. Увидев, что наш незнакомец свернул туда, мы поспешили за ним и стали свидетелями встречи.

Миссис Мальтраверс пошатнулась и едва не осела на землю. Ее лицо заметно побледнело.

— Вы! — выдохнула она. — Я думала, вы давно уже в море, на пути в Восточную Африку!

— Меня задержало письмо от моих юристов, — пояснил молодой человек. — Скончался мой старый шотландский дядюшка и оставил мне немного денег. Нужно было вступить в права наследства, и я решил отменить поездку. Затем я узнал из газет трагическую новость и поспешил сюда. Может, я могу быть как-то вам полезен? Помочь… присмотреть… просто быть рядом!

В этот момент молодые люди обнаружили, что не одни. Пуаро шагнул вперед и, рассыпаясь в извинениях, пояснил, что забыл в холле свою трость. Миссис Мальтраверс представила ему своего собеседника — довольно неохотно, как мне показалось:

— Мсье Пуаро — капитан Блэк.

В ходе непродолжительной беседы Пуаро выяснил, что капитан Блэк остановился в гостинице «Якорь». Пропавшая трость так и не нашлась (меня это ничуть не удивило), Пуаро в очередной раз извинился и мы покинули усадьбу.

В деревню мы вернулись чуть ли не бегом, и по настоянию Пуаро, направились прямиком в гостиницу «Якорь».

— Тут мы и обоснуемся, поджидая возвращения нашего друга капитана, — заявил маленький бельгиец. — Вы обратили внимание, Гастингс — в разговоре я несколько раз упомянул, что мы намерены вернуться в Лондон первым же поездом? Жаль, если вы приняли мои слова за чистую монету. Нет, вы обратили внимание на лицо миссис Мальтраверс, когда перед ней предстал этот молодой красавец Блэк? Она явно была в ужасе, а он… что ж, кажется, он очень преданный друг, как по-вашему? И он ночевал в Марсдон-Мэноре

со вторника на среду — накануне смерти мистера Мальтраверса! Нам следует познакомиться с капитаном Блэком поближе, Гастингс.

Примерно через полчаса наблюдений за дорогой мы увидели, что наша ничего не подозревающая жертва приближается к гостинице. Пуаро перехватил его у входа и вскоре они вместе переступили порог комнаты, где мы расположились.

— Я рассказал капитану Блэку о миссии, которая привела нас сюда! — пояснил мой друг. — Как вы сами понимаете, мсье капитан, я должен выяснить, в каком душевном состоянии находился мистер Мальтраверс незадолго до своей кончины, и в то же время мне не хотелось бы причинять лишние огорчения миссис Мальтраверс, задавая неудобные вопросы. А поскольку вы были здесь как раз накануне трагедии, вы точно так же можете предоставить нам необходимую информацию.

— Разумеется, я к вашим услугам, — ответил молодой офицер, — но, боюсь, что не заметил ничего, что могло бы вас заинтересовать. Видите ли, хотя Мальтраверс был старым другом моих родителей, сам я не слишком хорошо его знал.

— Когда вы приехали в Марсдон?

— Во вторник днем. А в среду ранним поездом

укатил в Лондон — мое судно отплывало из Тилбери в полдень. Но полученные известия заставили меня изменить планы — кажется, вы слышали, как я рассказывал об этом миссис Мальтраверс.

— Как я понял, вы живете в Восточной Африке и возвращались домой?

— Да, я осел там сразу после войны. Грандиозная страна!

— Согласен. Вернемся к вашему визиту в Марсдон-Мэнор. О чем вы беседовали с хозяевами за ужином?

— Ну… так сразу и не припомню. Обычная застольная болтовня. Мальтраверс справился о моих родителях, потом мы обсуждали вопрос о германских репарациях, потом миссис Мальтраверс расспрашивала меня о жизни в Восточной Африке, ну, я и рассказал пару историй, вот, собственно и весь разговор.

— Благодарю вас.

После непродолжительной паузы Пуаро мягко сказал:

— С вашего разрешения, я хотел бы провести маленький эксперимент. Вы чистосердечно поведали обо всем, что сохранилось в вашей памяти. А теперь я хотел бы учинить допрос вашему подсознанию.

Блэк явно занервничал:

— Это что же, какой-то психоанализ?

— Нет-нет, — поспешно сказал Пуаро. — Это что-то вроде игры: я говорю слово, а вы отвечаете первое, что пришло вам на ум, и так далее. Начнем.

— Хорошо, — согласился Блэк, хоть и без особого энтузиазма — по-видимому, Пуаро не до конца его успокоил.

— Пожалуйста, Гастингс, записывайте все, что мы говорим, — сказал Пуаро. Затем достал свои солидные часы-луковицу и положил на стол возле себя. — Ну, поехали. *День*.

Помедлив, Блэк ответил:

– *Ночь*.

Пуаро продолжал, ускоряя темп, и Блэк не отставал.

– *Имя*, — бросил Пуаро.

– *Адрес*.

– *Бернард*.

– *Шоу*.

– *Вторник*.

– *Ужин*.

– *Путешествие*.

– *Корабль*.

– *Деревня*.

– Уганда.
– Рассказ.
– Львы.
– Ружье.
– Ферма.
– Выстрел.
– Самоубийство.
– Слон.
– Бивень.
– Деньги.
– Юристы.

— Спасибо, капитан Блэк. Сможете уделить нам еще несколько минут — скажем, примерно через полчаса?

— Конечно, извольте! — Молодой человек с любопытством покосился на него, облегченно вытер лоб и встал.

Когда дверь за ним закрылась, Пуаро повернулся ко мне, расплываясь в улыбке.

— Что ж, Гастингс, разгадка у вас в руках!

— Не понимаю, о чем вы.

— Разве этот список слов ничего вам не говорит?

Я внимательно изучил свои записи, но был вынужден отрицательно покачать головой.

— Что ж, я вам помогу. Прежде всего, молодой

Блэк отвечал быстро, не задумываясь, стало быть, у него нет никаких причин скрывать что-то или намеренно лгать. «День» и «Ночь», равно как и «Имя» и «Адрес» — совершенно естественные ассоциации. Я подкинул ему слово «Бернард», в надежде, что если он как-то связан с местным эскулапом, то выдаст себя ответом «доктор». Но этого не случилось. Ассоциацией к слову «вторник» становится «ужин» — что неудивительно, учитывая, что именно об ужине во вторник мы говорили всего несколько минут назад. «Путешествие» связано у него с «кораблем», а услыхав «деревня», он вспоминает Уганду. Очевидно, что предстоящее отплытие в Африку, где он проживает в сельской местности, для него куда важнее поездки сюда, в Марсдон. При слове «рассказ» ему на ум приходит одна из экзотических историй о львах, которыми он развлекал хозяев поместья за ужином. Я сказал «ружье» и Блэк совершенно неожиданно отвечает «ферма». Услышав слово «выстрел» он без колебаний произносит: «самоубийство». Итак, все ясно. Кто-то из его знакомых застрелился из ружья на какой-то ферме. Не забудьте, что его мысли в тот момент были все еще заняты африканскими байками, которые он рассказывал в Марсдон-Мэноре за ужином во

вторник, и согласитесь, что будет логично попросить капитана Блэка повторить для нас одну из этих историй, а именно: рассказ о человеке, застрелившемся необычным способом.

Блэк, присоединившийся к нам повторно по просьбе Пуаро, сразу припомнил эту историю и выложил ее без обиняков.

— Да, я действительно рассказывал об этом Мальтраверсам. Один парень у нас на ферме застрелился из малокалиберного ружья. Пулька угодила прямо в мозг и врачи не сразу поняли, в чем причина смерти — не было никаких следов выстрела, только немного крови на губах. Но причем тут…

— Вы хотите спросить, какое отношение этот рассказ имеет к смерти мистера Мальтраверса? Значит, вам неизвестно, что когда обнаружили тело, рядом с ним лежало ружье для стрельбы по грачам?

— Вы имеете в виду, что я мог подсказать ему идею… Господи, какой ужас!

— Не огорчайтесь, здесь нет вашей вины. А теперь прошу меня простить, я должен позвонить в Лондон.

Телефонный разговор длился долго, и вернулся Пуаро в глубокой задумчивости. Всю вторую

половину дня он разгуливал в одиночестве, а около семи вечера вдруг встрепенулся, заявил, что откладывать больше нельзя, он должен сообщить новости молодой вдове. К тому времени все мои симпатии безоговорочно принадлежали ей. Как же это тяжко — остаться без гроша, да еще со страшным бременем вины, ведь ее муж покончил с собой, чтобы обеспечить безбедное будущее любимой женщины! Втайне я надеялся лишь на то, что время исцелит ее раны, а молодой Блэк сможет ее утешить, ведь было очевидно, что он испытывает к ней чувства более сильные, нежели восхищение.

Разговор с молодой леди вышел мучительным для обеих сторон. Вдова категорически отказывалась верить фактам, которые сообщил Пуаро, а когда ему наконец удалось убедить ее, разразилась бурными рыданиями. Проведенная по просьбе Пуаро медицинская экспертиза превратила наши подозрения в уверенность. Маленький бельгиец безмерно сочувствовал горю бедной женщины, но руки у него были связаны — ведь он представлял интересы страховой компании! Уже собираясь уходить, он проникновенно обратился к миссис Мальтраверс:

— Не горюйте, мадам! Вам ли не знать, что

усопшие не покидают нас окончательно!

— Что вы имеете в виду? — выдохнула вдова, ее прекрасные глаза изумленно округлились.

— Разве вам не доводилось принимать участие в спиритических сеансах? Странно, ведь по всем признакам вы — прирожденный медиум!

— Да, мне часто это говорили. Но разве вы верите в существование мира духов?

— Мадам, мне доводилось сталкиваться с такими странными вещами, что я принял за правило ничему не удивляться. Вы же знаете, что в деревне поговаривают, будто в этом доме обитают привидения?

Она нерешительно кивнула. Вошла горничная и сообщила, что ужин готов. Миссис Мальтраверс попросила нас остаться, и мы с благодарностью приняли приглашение. Мне казалось, наше присутствие хоть немного поможет вдове отвлечься от своих горестей.

Не успели мы доесть суп, как за дверью раздался чей-то крик и звон бьющейся посуды. Мы вскочили из-за стола. На пороге, хватаясь за сердце, появилась горничная.

— В коридоре стоит какой-то человек!

Пуаро выбежал из столовой и тут же вернулся.

— Там никого нет.

— В самом деле, сэр? — пробормотала горничная. — Ах, я чуть не померла со страху!

— Но что вас так напугало?

Она понизила голос до шепота.

— Я решила… Я решила, что это хозяин… Этот человек был похож на него, сэр, ну просто один в один!

Я увидел, как миссис Мальтраверс содрогнулась от ужаса, и припомнил старое поверье, что дух самоубийцы долго не может обрести покой. Уверен, что наша хозяйка думала о том же, ибо спустя минуту она схватила Пуаро за рукав и вскрикнула:

— Слушайте! Разве вы не слышите? В окно постучали три раза! Это он! Он всегда стучал трижды, когда возвращался домой!

— Полно, это просто высохший плющ бьется о раму! — воскликнул я. Но всеми нами уже овладел какой-то суеверный трепет. У горничной, подававшей еду, тряслись руки, а когда трапеза подошла к концу, миссис Мальтраверс принялась умолять нас с Пуаро задержаться еще хоть ненадолго. Она явно боялась остаться одна. Из столовой мы перешли в малую гостиную. Тем временем ветер разгулялся. Он стонал за окнами, завывал в трубах, и от этих жутких звуков нам

стало окончательно не по себе. Дважды дверь распахивалась, будто бы от сквозняка — медленно, с устрашающим скрипом — и оба раза вдова прижималась ко мне, трепеща всем телом.

— Да что с этой дверью! Заколдовали ее что ли! — наконец в сердцах выпалил Пуаро. Он встал, снова закрыл дверь и повернул ключ в замке. — Посмотрим, что ты на это скажешь, волшебная дверь!

— Ах, не надо! — пролепетала миссис Мальтраверс. — Ведь если она опять откроется, значит…

И тут случилось нечто необъяснимое. Запертая дверь медленно распахнулась в третий раз. Со своего места мне не было видно, кто стоит за порогом, но миссис Мальтраверс и Пуаро сидели лицом к двери. Вдова издала протяжный вопль и вцепилась в моего друга.

— Вы видели его? Там, в коридоре! — кричала она.

Пуаро озадаченно покачал головой, не сводя глаз с ее лица.

— Но он стоял там! Мой муж! Вы не могли его не заметить!

— Мадам, я ничего не видел. Вы устали… пережили страшное потрясение… ваши нервы не в порядке…

— Я совершенно здорова. О, Боже!

Внезапно лампы в комнате замерцали и погасли. Из темноты донеслись три громких стука. Я услышал, как миссис Мальтраверс застонала.

И тут моим глазам предстало жуткое зрелище!

Мертвец, который, как я думал, лежал сейчас на кровати наверху, возник в дверном проеме, окруженный слабым призрачным свечением. На его губах была кровь. Он вскинул правую руку и указующий перст вспыхнул ослепительным сиянием. Луч света обшарил меня, Пуаро и остановился на миссис Мальтраверс. Я увидел ее бледное, испуганное лицо, а потом я увидел еще кое-что…

— Бог мой, Пуаро! — вскричал я. — Посмотрите на ее руку, на ее правую руку! Она красная!

Вдова опустила взгляд, рухнула на колени и забилась в истерике на полу.

— Кровь! Это кровь! — вопила она. — Я убила его! Это моя вина! Он хотел мне показать… а я положила палец на спусковой крючок и нажала. А теперь он вернулся! Спасите меня, спасите меня от него!

Она захлебнулась рыданиями.

— Свет! — коротко приказал Пуаро.

Лампы вспыхнули словно по волшебству.

— Дело закрыто, — вздохнул маленький бельгиец. — Вы всё слышали, Гастингс? А вы, Эверетт? Кстати, друг мой, позвольте представить вам мистера Эверетта, достойнейшего члена актерской гильдии. Это ему я звонил сегодня днем. Не правда ли, великолепный грим? Вылитый покойник! А фосфоресцирующая краска и карманный фонарик создали необходимый мистический эффект. Если хотите поднять вдову с пола, Гастингс, не касайтесь ее правой руки, эта красная краска довольно стойкая. Когда погас свет, я, как вы помните, сжал ее ладонь… Послушайте, нам нельзя опаздывать на последний поезд. Кстати, инспектор Джепп поджидает во дворе. Нелегко ему пришлось этим ненастным вечером, но он смог немного развлечься, время от времени постукивая в окна.

Помните, Гастингс, я упоминал маленькое несоответствие? — продолжил Пуаро, когда мы уже быстро шагали сквозь ветер и дождь к станции. — По словам доктора, покойный был приверженцем «Христианской науки». Но кто мог сказать об этом доктору, как не миссис Мальтраверс? Нам же она представила почившего супруга как человека мнительного, терзаемого страхом за собственное здоровье. Далее — с чего

бы это ее так ошеломило и напугало внезапное появление молодого Блэка? И, наконец, я знаю, что общественное мнение предписывает вдове неустанно оплакивать мужа, или хотя бы изображать надлежащую скорбь, но красить веки румянами — это уж слишком! Разве вы не поняли, от чего у нее так покраснели глаза, Гастингс? Нет? Как я и говорил, завидев красавицу, вы уже больше не замечаете ничего.

Но вернемся к смерти мистера Мальтраверса. Рассказ капитана Блэка о неожиданном способе самоубийства мог роковым образом повлиять на хозяина дома, а мог заинтересовать его жену, и я склонился к последнему варианту. Чтобы застрелиться из ружья, Мальтраверсу пришлось бы нажимать на курок пальцем ноги — герой африканской истории поступил именно так. Но если бы хозяин Мэрсдон-Мэнора был найден без одного ботинка, кто-нибудь обязательно упомянул бы о таком странном обстоятельстве.

Словом, как я уже сказал, я решил, что это дело об убийстве. Однако быстро сообразил, что у меня нет ни единого доказательства в подтверждение моей теории. Вот почему понадобилось разыграть маленькую комедию, которую вы, Гастингс, наблюдали этим вечером.

— Даже сейчас я все еще не понял, каким способом было совершено преступление, — признался я.

— Что ж, начнем с самого начала. Перед нами коварная, расчетливая интриганка. Ей смертельно наскучил старик, за которого она вышла только ради денег. Узнав о финансовых затруднениях супруга, она уговаривает его застраховать жизнь на большую сумму, а сама начинает подыскивать способы, как бы скорее добиться желанной цели. Случай приходит ей на помощь — молодой Блэк рассказывает свою необычную историю. И уже на следующий день, когда мсье капитан, по мнению миссис Мальтраверс, должен умчаться по волнам навстречу африканскому континенту, она приступает к осуществлению своего замысла. Она приглашает мужа прогуляться по парку. «Какую любопытную историю рассказал вчера вечером наш гость! — как бы невзначай роняет она. — Но я не верю, что человек может застрелиться таким образом из вот такого ружья!» Ах, бедная глупышка! Сейчас он ей покажет. Мальтраверс засовывает дуло ружья в рот, она наклоняется и, как бы в шутку, кладет палец на спусковой крючок. «А что будет, сэр, если я нажму сюда?»

Сказано — сделано, Гастингс! Именно так она

и поступила!

III. Подозрительно дешевая квартира

До сих пор я описывал случаи, в которых расследования Пуаро начинались с центрального и весьма громкого происшествия, будь то убийство или грабеж, а уже оттуда путем дедукции и логических умозаключений мой друг приходил к победе — установлению метода преступления и личности злодея. Но сейчас я собираюсь поведать о весьма нетривиальном деле, где криминальный фактор стал следствием вполне обычных на первый взгляд событий. Никто не обратил на них внимания — никто, кроме Эркюля Пуаро.

Как-то раз мой старый друг Джеральд Паркер пригласил меня на званый вечер. Помимо меня и хозяина дома на вечере было с полдюжины гостей. Зашел разговор о поисках подходящего жилья в Лондоне — так рано или поздно случалось везде, где оказывался Паркер. Это уже превратилось у него в манию. После окончания войны мой приятель сменил, должно быть, с полдесятка различных квартир и домов. Не успев устроиться на новом месте, он неожиданно на-

тыкался на куда более подходящие апартаменты и тотчас принимался паковать вещи. Разумеется, ему всегда удавалось что-то на этом выгадать, ибо Паркер был толковым дельцом, но поисками жилья он занимался исключительно из спортивного интереса. Какое-то время мы почтительно внимали разглагольствованиям Паркера — так новички благоговейно выслушивают знатока. Затем настала очередь гостей принять участие в беседе и каждый из нас принялся вносить свою лепту. Наконец слово перешло к миссис Робинсон, очаровательной новобрачной, которая пришла на ужин в сопровождении своего супруга. Я впервые встретил чету Робинсонов только сегодня, да и сам Паркер лишь недавно познакомился с молодоженами.

— Ах, мистер Паркер, — вскричала миссис Робинсон. — Вы еще не слышали о нашей потрясающей удаче? Мы наконец-то нашли квартиру! И знаете, где? В «Апартаментах Монтегю»!

— Что ж, я никогда не утверждал, что у нас в Лондоне недостаток подходящего жилья, но цена — Господи, помилуй!

— Ну, только не в нашем случае! Согласитесь, восемьдесят фунтов в год — это почти даром!

— Но помилуйте… Ведь доходный дом Монтегю

— это красивое многоэтажное здание в районе Найтсбриджа* [* *Найтсбридж — фешенебельный лондонский район, прилегающий к Гайд-парку*]? Или вы говорите о его бедном родственнике, позорящем благородное имя где-то в трущобах?

— Нет, это тот самый дом в Найтсбридже. Вот почему я говорю, что нам очень повезло!

— «Очень повезло»? Да это просто чудо! Боюсь, что где-то все-таки кроется подвох. Должно быть, вы заплатили колоссальный задаток?

— Ни пенни!

— Ни пенни! Кто нибудь, поддержите меня, я падаю в обморок, — простонал Паркер, хватаясь за голову.

— Впрочем, придется купить хозяйскую обстановку… — продолжала миссис Робинсон.

— Ага! — оживился Паркер. — Я знал, что где-то кроется подвох.

— … но мебель очень красивая и обойдется всего в пятьдесят фунтов.

Паркер сник.

— Сдаюсь! Должно быть, нынешние владельцы — душевнобольные, сдвинутые на почве благотворительности.

По-видимому, миссис Робинсон это замечание обеспокоило: легкая морщинка залегла между ее

безупречно выщипанными бровями.

— Вам это кажется сомнительным? Вы же не думаете, что нашу квартиру… что это место посещают призраки?

— В жизни не слыхал о городской квартире с привидениями, — решительно развеял ее опасения Паркер.

— Конечно… — Однако миссис Робинсон произнесла это без убеждения в голосе. — Но, понимаете, кое-что выглядело… ну, довольно-таки подозрительно.

Тут я решил принять участие в разговоре:

— Не могли бы вы уточнить? Что именно вас насторожило?

— Ого, вам удалось заинтересовать нашего великого эксперта по уголовным делам! Поведайте ему все как на духу, миссис Робинсон — Гастингс отлично разгадывает всякие тайны!

Я засмеялся, смущенный, но вовсе не расстроенный этой рекомендацией.

— Понимаете, капитан Гастингс, сказав «подозрительно», я вовсе не имела в виду что-то эдакое, просто когда мы обратились в агентство «Штоссер и Пауль» — раньше-то мы к с ними дела не имели, ведь они ведают только дорогим жильем в Мейфэре* [* *Мейфэр — аристократический квар-*

тал в центре Лондона, арендная плата в этом районе и по сей день остается самой высокой в Великобритании], а потом мы решили, ну, чем черт не шутит — так вот, сперва они предлагали варианты за четыре, а то и за пять сотен в год, но, когда мы приуныли и уже собрались откланяться, упомянули, что есть, мол, у них квартирка за восемьдесят, да только они сомневаются, стоит ли нам обращаться по этому адресу, она, мол, долгое время значится в их списках, и они с тех пор отправили на смотрины столько клиентов, что квартиру, без сомнений, давно уже сняли — как выразился служащий, «оторвали с руками», — просто некоторые люди так необязательны, что не считают нужным уведомить агентство, что жилье уже занято, зато клиенты, которые понапрасну туда наведались — они-то не поленились выразить свое недовольство!

Тут миссис Робинсон была вынуждена сделать паузу, чтобы набрать воздуха в легкие, а потом продолжала в том же темпе:

— Мы поблагодарили агента и сказали, что не питаем радужных надежд и, скорее всего, нам это не подойдет, но мы должны на всякий случай проверить, ведь никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, так что мы схватили такси и помча-

лись прямиком туда — ну, ведь правда, была не была! Апартаменты номер четыре располагались на третьем этаже и, ожидая лифта, мы увидели, как по лестнице поспешно спускается Элси Фергюсон — это моя подруга, капитан, Гастингс, они с мужем тоже, знаете ли, ищут пристанище. «Ну, милочка, на сей раз я тебя обскакала, — говорит она. — Только не слишком-то мне это помогло. Не трудитесь подниматься — они уже нашли жильцов». Нам стоило бы послушать ее, но… Джон сказал, что запрашивают очень уж недорого, меньше, чем мы можем себе позволить, так что, возможно, мы внесем солидный задаток, да и перехватим квартиру? Сознаюсь, это был некрасивый поступок и сейчас мне ужасно неловко, но вы же знаете, что такое погоня за жильем в Лондоне — в охотничьем азарте можно всякий стыд потерять!

Я заверил ее, что на личном опыте убедился, как часто в отчаянной борьбе за крышу над головой проявляются самые низменные стороны человеческой натуры, что все это часть естественного отбора и поговорку «своя рубашка ближе к телу» в этом случае надо применять как руководство к действию.

— Ну, словом, мы поднялись на третий этаж и

— вы не поверите! Оказалось, квартиру до сих пор не сдали! Горничная нам все показала, а потом мы встретились с хозяйкой и тут же ударили по рукам. Пятьдесят фунтов за обстановку и можно вселяться! На следующий день мы подписали договор и завтра же въезжаем! — с торжеством в голосе закончила рассказ миссис Робинсон.

— А почему миссис Фергюсон так оплошала? — спросил Паркер. — Ну-ка, выкладывайте ваше заключение, Гастингс.

— Элементарно, мой дорогой Ватсон, — с улыбкой ответил я. — Совершенно очевидно, что она ошиблась квартирой.

— Ах, капитан Гастингс, какой же вы умный! — с восхищением воскликнула миссис Робинсон.

И я невольно пожалел, что этого не слышит Пуаро. Порой мне кажется, что мой друг недооценивает мои способности.

* * *

Все это было настолько поразительно, что уже на следующее утро я изложил Пуаро историю миссис Робинсон и предложил разгадать сей курьез. Он неожиданно серьезно отнесся к моему рассказу и принялся дотошно расспрашивать о характеристиках и ценовых различиях недвижи-

мости в разных районах Лондона.

— Любопытный случай, — задумчиво сказал он. — Простите, Гастингс, я должен совершить небольшой променад.

Когда он вернулся примерно через час, его глаза блестели от затаенного возбуждения. Он аккуратно положил трость на стол, с обычной методичностью и деликатностью пригладил ворс на шляпе, и лишь потом заговорил.

— Что ж, мон ами, поскольку в данный момент у нас на руках нет никаких важных дел, мы можем полностью посвятить себя текущему расследованию.

— О каком расследовании вы говорите, Пуаро?

— Мы должны выяснить, почему вашей приятельнице миссис Робинсон досталась такая невероятно дешевая квартира.

— Пуаро, вы же это не всерьез!

— Я совершенно серьезен. Да будет вам известно, мой друг, что арендная плата апартаментов в этом доме составляет триста пятьдесят фунтов стерлингов — и ни пенсом меньше. Я только что узнал это от представителей домовладельца. И тем не менее эта конкретная квартира сдается в субаренду за жалкие восемьдесят. Почему?

— Должно быть, у квартиры есть некий изъян.

В конце концов, может, как и предположила миссис Робинсон, там действительно обитает призрак.

Пуаро фыркнул и покачал головой.

— А вас не удивляет следующий факт: подруга миссис Робинсон сообщает ей, что квартира уже сдана, и тем не менее, пару минут спустя выясняется, что это отнюдь не так?

— Но вы же, конечно, согласны с моим выводом? Эта женщина просто постучала не в ту дверь. Это единственное логичное объяснение.

— Может быть, вы и правы, а может быть и нет, Гастингс. Ведь остается еще необъяснимый факт — в списках агентов квартира значилась довольно долго и, несмотря на свою поразительную дешевизну и на то, что от желающих отбоя не было, оставалась на рынке недвижимости пока не появилась миссис Робинсон.

— Несомненно, произошла какая-то ошибка в документах.

— И она коснулась всех и каждого, за исключением миссис Робинсон! Разве это не любопытно? Гастингс, вам она показалась правдивой женщиной?

— Она показалась самым восхитительным созданием на свете!

– *Се натюрель*, раз вы утратили способность разумно отвечать на простейшие вопросы. Что ж, опишите мне ее.

— Высокая, стройная красавица, изумительные волосы великолепного каштанового оттенка с медным отливом…

— Вечно вы теряете рассудок при виде рыжевато-каштановых локонов, — пробормотал Пуаро. — Что ж, продолжайте.

— Голубые глаза, нежный цвет лица, — ну, вот, пожалуй и все, — заключил я, изрядно утратив первоначальный пыл.

— А как выглядит ее муж?

— Он довольно приятный парень, но не красавец, ничего особенного.

— Он брюнет или блондин?

— Ни то не се, вообще, у него довольно неприметная внешность.

Пуаро кивнул каким-то своим мыслям.

— Таких заурядных супружеских пар тысячи — да-да, именно заурядных, ибо вам нельзя доверять описание молоденьких женщин. Вы хоть что-то знаете об этих людях? А ваш друг Паркер давно с ними знаком?

— Н-нет, кажется, недавно. Но, Пуаро, не думаете же вы, что они…

Пуаро упреждающим жестом воздел ладонь.

— Тише, мон ами! Разве я сказал, что в чем-то их подозреваю? Я просто говорю, что случай довольно любопытный и пока что я не вижу ничего, что могло бы пролить свет на эту загадку, кроме, разве что, имени этой леди, а, Гастингс?

— Ее зовут Стелла, — сухо сказал я, — но не понимаю, какое отношение…

Пуаро прервал меня весьма раздражающим смешком. Не часто мне удавалось так его развеселить.

— А Стелла, как известно, означает «звезда»!

— Да, но какого черта…

— А звезды светят нам из тьмы! Ну-ну, Гастингс, хватит дуться. Успокойтесь. Я хочу навести кое-какие справки в доходном доме Монтегю, пойдете со мной?

Я охотно согласился.

«Апартаменты Монтегю» занимали целый квартал — комплекс был выстроен со вкусом и с учетом всех современных требований комфорта. На пороге парадного подъезда изнывал от безделья швейцар в безукоризненной ливрее. К нему-то Пуаро и решил первым делом подступиться с расспросами.

— Подскажите, любезный, проживают ли здесь

мистер и миссис Робинсон?

Швейцар, очевидно, был личностью немногословной и к тому же отличался весьма угрюмым нравом. Едва удостоив нас взглядом, он буркнул:

— Четвертый номер. Третий этаж.

— Благодарю вас. Давно они здесь обитают, не знаете?

— Шесть месяцев.

В изумлении я подался вперед, прямо-таки физически ощущая, как злорадно ухмыляется Пуаро за моей спиной.

— Этого не может быть! — вскричал я. — Вы, наверное, ошиблись!

— Шесть месяцев.

— Может быть, вы с кем-то их перепутали? Леди, о которой мы спрашиваем — рыжеватая шатенка, высокая, красивая…

— Вот именно, — угрюмо сказал швейцар. — Заселились аккурат после Михайлова дня* [* *Михайлов день католики празднуют 29 сентября*]. Полгода тому.

И, окончательно утратив к нам всякий интерес, степенно удалился в холл. Я вышел следом за Пуаро на улицу.

— Э бьен, Гастингс? Вы все еще уверены, что очаровательные женщины не могут лгать? —

поддразнил меня мой друг с лукавой улыбкой.

Я не удостоил этот выпад ответом.

Прежде чем я успел осведомиться, что Пуаро намерен делать дальше и куда мы идем, мой друг свернул на Бромптон-роуд.

— Нам требуется агентство по недвижимости, Гастингс. У меня возникла неодолимая потребность обзавестись жильем в «Апартаментах Монтегю». Интуиция подсказывает мне, что в ближайшее время там произойдет множество увлекательных событий.

Наши поиски быстро увенчались успехом — квартира номер восемь на четвертом этаже как раз сдавалась внаем за десять гиней в неделю. Пуаро немедленно арендовал ее, уплатив за месяц вперед, хотя я и пытался как мог его образумить. Уже на улице он привел свои оправдания:

— Но я в последнее время неплохо заработал и могу потакать своим капризам! Кстати, Гастингс, у вас есть револьвер?

— Где-то валяется, — я встрепенулся. — А вы думаете, что…

— Что нам понадобится оружие? Да, вполне возможно. Гляжу, у вас глаза загорелись. Я не удивлен. Вас всегда привлекали романтичные ситуации и драматические эффекты.

На следующий день мы переселились в свое временное обиталище — приятную, отлично обставленную квартирку. Ее планировка полностью соответствовала апартаментам Робинсонов, и располагалась она в том же крыле, только двумя этажами выше.

Субботу мы посвятили хлопотам, связанным с переездом, а потом наступило воскресенье. После обеда Пуаро приоткрыл входную дверь и приступил к слежке. Услышав, как где-то внизу хлопнула дверь, он выскочил на площадку и позвал меня взволнованным голосом:

— Посмотрите вниз — только осторожнее, чтобы вас не заметили. Ну, что — узнаёте своих новых друзей?

Я вытянул шею, вглядываясь в лестничный пролет.

— Они там! То есть, это они! — лихорадочно зашептал я, путаясь в словах.

— Отлично. Что ж, подождем еще немного.

Примерно через полчаса на площадке третьего этажа появилась молодая особа, разнаряженная в пух и прах.

— Вуаля! Кот из дома — мыши в пляс. И горничная туда же! Что ж, теперь квартира опустела.

— И что мы будем делать? — тревожно осве-

домился я.

Пуаро метнулся в кухню, распахнул дверь чулана и принялся резво выбирать из шахты канат кухонного подъемника.

— Мы спустимся по методу мусорных мешков, — весело сообщил он. — Со стороны соседей нам ничего не грозит: все они заняты своими воскресными делами. Воскресный концерт, воскресная загородная прогулка, в крайнем случае — беспробудный воскресный сон после типично английского воскресного обеда — ох уж этот ваш ле ростби́ф! Все это отвлечет внимание почтенных обитателей «Апартаментов Монтегю» от преступных деяний Эркюля Пуаро. За мной, мон ами.

Он шагнул в грубо сколоченную деревянную клеть и я опасливо последовал его примеру.

— Мы собираемся вломиться в чужую квартиру? — Признаться, я немного струхнул. И ответ Пуаро отнюдь не внушил мне бодрости:

— Может быть, но не сегодня.

Вытравливая трос вручную, мы медленно спускались, пока не достигли третьего этажа. Увидев, что деревянная дверца, ведущая в кладовую, не заперта, Пуаро удовлетворенно хмыкнул.

— Видите, мой друг, какое легкомыслие? Они

никогда не запирают днем дверцы кухонного лифта! И любой может подняться или спуститься куда угодно — так, как мы сейчас. Разве что по вечерам у прислуги порой возникают мысли принять меры предосторожности, так что стоит обеспечить безопасность нашего ночного вторжения.

С этими словами он извлек из кармана различные инструменты и принялся за работу. В результате его ловких манипуляций задвижку лифта теперь можно было с легкостью открыть изнутри. Операция заняла не более трех минут, затем Пуаро спрятал свои приспособления и мы снова вознеслись на подъемнике в нашу собственную кухню.

* * *

В понедельник Пуаро весь день где-то пропадал и вернулся лишь к ужину, усталый, но довольный. Поудобнее устроившись в кресле, он предложил:

— Хотите, расскажу интересную историю, Гастингс? Она вам понравится, эдакий сценарий в лучших традициях вашего обожаемого синематографа.

— В таком случае я охотно послушаю, — засме-

ялся я. — Но, надеюсь, вы поведаете о реальных событиях, не примешивая художественный вымысел?

— Конечно! Инспектор Джепп из Скотленд-Ярда может поручиться за правдивость моего рассказа. Благодаря его любезной помощи я и выяснил бóльшую часть деталей. Итак, Гастингс, слушайте внимательно. Примерно полгода назад из американского военно-морского ведомства были похищены исключительно важные документы. На этих планах было указано расположение ключевых оборонительных объектов в портах и гаванях, и правительство какой-нибудь иностранной державы — например, Японии — охотно заплатило бы за них немалую сумму. Подозрение пало на одного из служащих — молодого человека по имени Луиджи Вальдарно, итальянца по происхождению. Он занимал в департаменте незначительную должность и пропал в то же время, когда исчезли секретные документы. Был ли Луиджи Вальдарно замешан в краже — неизвестно, поскольку спустя два дня его нашли застреленным в нью-йоркском Ист-Сайде. Разумеется, бумаг при нем не обнаружили. Однако выяснилось, что какое-то время Луиджи Вальдарно встречался с мисс Эльзой Хардт, молоденькой

эстрадной певичкой. О прошлом ее ничего не известно, она снимала квартиру в Вашингтоне со своим братом или субъектом, выдававшим себя за такового, и бесследно сгинула в тот же день, когда убили Вальдарно. Есть основания полагать, что под личиной Эльзы Хардт скрывалась международная шпионка высочайшего класса, которая под разными именами совершила множество гнусных преступлений. Секретная служба США бросила все силы на то, чтобы выследить и схватить ее. Помимо прочего, велось пристальное наблюдение за наиболее подозрительными гражданами Японии, проживавшими в Вашингтоне. Агенты секретной службы не сомневались, что когда суматоха уляжется, Эльза Хардт вынырнет из своего укрытия и свяжется с кем-то из этих джентльменов. И вот, две недели назад, один из них неожиданно отбывает в Англию. Можно сделать вывод, что Эльза Хардт в данный момент прячется именно здесь. — Пуаро помолчал, а потом добавил извиняющимся тоном: — «Описание Эльзы Хардт: рост пять футов семь дюймов, глаза голубые, волосы золотисто-каштановые, правильные черты лица, нос прямой, особых примет не имеется».

— Миссис Робинсон! — выдохнул я.

— Во всяком случае, это вполне возможно, — решил смягчить удар Пуаро. — Мне сообщили, что некий смуглый джентльмен, по виду иностранец, сегодня утром расспрашивал о жильцах квартиры номер четыре. Увы, мон ами, оставьте всякую надежду выспаться этой ночью. Вам предстоит разделить со мной всенощное бдение двумя этажами ниже — разумеется, с вашим превосходным револьвером наготове!

— Можете на меня рассчитывать! — с энтузиазмом вскричал я. — Когда начнем?

— Традиционный полночный час — по-моему, не только испытанное классикой, но и довольно удобное время. Раньше все равно вряд ли что-то случится.

Ровно в двенадцать мы осторожно забрались в кухонный лифт и спустились на третий этаж. Пуаро совершил кое-какие манипуляции, дверца распахнулась и мы по очереди вылезли наружу. Из кладовой мы выбрались в кухню, где поудобнее расположились на стульях, оставив дверь в коридор полуоткрытой.

Ожидание казалось бесконечным. Я изо всех сил старался не уснуть. И когда я решил, что прошло, должно быть, уже часов восемь, не меньше (как выяснилось впоследствии, всего

лишь один час двадцать минут), до моего слуха донесся тихий скрежет. Пуаро предостерегающе коснулся моей руки. Мы поднялись со стульев и прокрались в коридор. Шум исходил оттуда. Пуаро прошептал мне на ухо:

— Вырезает замок на входной двери. По моей команде — не раньше! — нападайте на него сзади и держите покрепче. Будьте осторожны, у него наверняка при себе нож.

Вскоре послышался треск, в двери появился зияющий кружок света. Свет тут же погас, а дверь медленно и беззвучно открылась. Мы с Пуаро прижались к стене. Я услышал тяжелое дыхание, когда взломщик прошел мимо нас. Затем вспыхнул луч фонарика и Пуаро скомандовал мне на ухо:

– *Алле́*!

Мы прыгнули одновременно. Пуаро ловко набросил на голову незванного гостя свое кашне, а я выкрутил ему кисть, заставив выронить кинжал, и связал руки. Все это мы проделали быстро и почти бесшумно, затем Пуаро сдернул шарф с глаз злоумышленника и крепко завязал ему рот, а я продемонстрировал револьвер, дабы он убедился, что сопротивление бесполезно. Взломщик обмяк, а Пуаро принялся что-то ему нашептывать. Через

минуту тот согласно кивнул. Прижав палец к губам, Пуаро на цыпочках вышел из квартиры и стал спускаться по лестнице. Наш пленник следовал за ним, а я замыкал шествие с револьвером в руке. Когда мы оказались на улице, Пуаро повернулся ко мне.

— Такси ожидает за углом. Отдайте револьвер, он вам сейчас не понадобится.

— А вдруг этот тип попытается сбежать?

Пуаро улыбнулся.

— Не волнуйтесь, он будет паинькой.

Через минуту я вернулся, а за мной следовало такси. Пуаро развязал шарф, на лицо злоумышленника упал свет от фонаря и я вздрогнул от удивления.

— Он вовсе не японец! — шепнул я Пуаро.

— Наблюдательность всегда была вашей сильной стороной Гастингс! От вас ничто не ускользнет! Разумеется, он не японец. Он итальянец.

Мы сели в машину, Пуаро назвал водителю адрес в предместье Сент-Джонс-Вуд, и такси двинулось в северо-западном направлении. Я уже совсем ничего не соображал, а расспрашивать Пуаро в присутствии нашего пленника как-то не хотелось, так что мы ехали в полном молчании.

Такси свернуло с дороги и остановилось у

неприметного особняка. Запоздалый гуляка, нетрезвой походкой бредущий по тротуару, едва не сшиб Пуаро с ног. Мой друг сделал ему какое-то резкое замечание — слов я не разобрал, поскольку был занят наблюдением за своим подопечным. Втроем мы поднялись на крыльцо, Пуаро позвонил и жестом приказал нам посторониться. Никто не открыл. Пуаро позвонил снова, а затем схватил кольцо дверного молотка и застучал что было сил.

Внезапно за стеклом фрамуги вспыхнул свет и дверь осторожно приоткрылась.

— Какого черта вам тут надо?

— Мне нужен доктор. Моя жена больна.

— Нет здесь никаких докторов!

Грубиян уже собирался захлопнуть дверь, но Пуаро успел сунуть в ногу щель. и вдруг превратился в карикатурное воплощение разъяренного француза.

— Что вы такое говорите — нет доктора! Я буду применять закон против вас! Вы должны идти! Я останусь здесь и буду звонить и стучать целую ночь!

— Успокойтесь, сэр… — дверь снова открылась, на пороге стоял мужчина в халате и в домашних туфлях. Тревожно озираясь, он шагнул на крыль-

цо, очевидно, желая утихомирить Пуаро.

— Я вызову полицию! — И маленький бельгиец сделал вид, что собирается уходить.

— Нет-нет, бога ради, не делайте этого! — Мужчина бросился за ним, и Пуаро пинком отправил его в полет по ступенькам. В следующую минуту мы втроем оказались в доме за дверью, а дверь — на засове.

— Живо, сюда! — скомандовал Пуаро и устремился в ближайшую комнату, включив по дороге свет. — А вы спрячьтесь за портьерой.

— Си, синьор, — и наш итальянец послушно скользнул за тяжелые складки розового бархата, скрывавшие оконный проем.

Как раз вовремя. В ту же минуту в комнату вбежала женщина. Она была высокой, волосы отливали медью, алое кимоно облегало стройную фигуру.

— Где мой муж? — вскричала она, испуганно глядя нас. — Кто вы?

Пуаро шагнул вперед и поклонился.

— Надеюсь, мадам, ваш супруг не простудится — как я заметил, халат и тапочки на нем довольно теплые.

— Кто вы такие? Что вы делаете в моем доме?

— Увы, мадам, вы правы — никто в этой комнате

не имел удовольствия быть вам представленным. А ведь один из нас примчался из самого Нью-Йорка только ради того, чтобы с вами познакомиться!

Шторы раздвинулись, итальянец шагнул на ковер, и я с ужасом увидел, что он размахивает моим револьвером. Должно быть, Пуаро обронил его в такси и не заметил! Какая оплошность!

Женщина завизжала и повернулась, чтобы бежать прочь, но Пуаро был тут как тут — захлопнул дверь и преградил ей путь.

— Пустите! Он убьет меня! — завопила она.

— Кто пришил Луиджи Вальдарно? — с угрозой прохрипел итальянец, водя дулом револьвера туда-сюда и поочередно беря нас на мушку. Мы застыли, не смея пошевелиться.

— Силы небесные, Пуаро, что за кошмар тут творится? — воззвал я.

— Гастингс, вы окажете мне огромное одолжение, если какое-то время будете помалкивать. Заверяю вас, наш приятель не выстрелит, пока я этого не позволю.

— Не слишком ли ты в этом уверен? — неприятно прищурился итальянец.

Это не очень-то убедило меня в нашей безопасности, но женщина поверила словам Пуаро и

кинулась к нему.

— Чего вы хотите?

Пуаро отвесил поклон.

— Не стану оскорблять ответом сообразительность мисс Эльзы Хардт, гения шпионажа.

Стремительным движением женщина сдернула с телефона бархатный чехол, изображавший черную кошку.

— Я зашила их за подкладку!

— Умно, — пробормотал Пуаро и посторонился, давая ей дорогу. — Всего доброго, мадам. Я задержу вашего нью-йоркского друга, пока вы не уйдете.

— Ну уж дудки! — взревел итальянский громила и прицелился, чтобы застрелить убегающую женщину в спину. Я прыгнул на него, понимая, что не успею.

Но вместо выстрела прозвучал лишь безобидный щелчок, а затем раздался укоризненный голос Пуаро.

— Ах, Гастингс, когда же вы начнете доверять старому папе Пуаро? Если я даже друзьям не разрешаю носить при себе заряженное оружие, неужто я позволю случайному знакомцу завладеть опасной игрушкой? Не сердитесь, мон ами, — повернулся он к итальянцу, изрыгающе-

му потоки хриплых ругательств. — Подумайте, какую услугу я вам оказал — я же спас вашу шею от петли! Не бойтесь, нашей красотке не удалось улизнуть — дом окружен со всех сторон, и она угодит прямо в объятья полицейских. Разве не утешительная мысль? Да-да, согласен, нам пора расстаться, но будьте осторожны, смотрите, не попади… Ах! Он растворился в ночи! И мой добрый друг Гастингс смотрит на меня с немым укором. Но вы уже давно должны были обо всем догадаться! Ведь сразу же стало ясно, что из множества — вероятно, нескольких сотен — претендентов лишь Робинсонов сочли достойными квартиры номер четыре в «Апартаментах Монтегю». Что же так выделяло их из толпы соискателей? Их внешность? Вряд ли, ведь в ней нет ничего необычного. Значит, их фамилия!

— Но Робинсон — абсолютно заурядная фамилия! И даже весьма распространенная! — воскликнул я.

– *Бьен сюр*, друг мой, в том-то и дело! Эльза Хардт и ее муж, брат, или кем там он ей приходится на самом деле, прибывают из Нью-Йорка и арендуют квартиру, представившись мистером и миссис Робинсон. Внезапно они узнают, что некое тайное общество — *мафия*, или *каморра*, словом,

преступная организация, членом которой, без сомнения, состоял Луиджи Вальдарно — вышла на их след. Как же им быть? Придуманный план прост до гениальности. Очевидно, преследователи не могли знать их лично — только по описанию. Они предлагают свою квартиру внаем по смехотворно низкой цене. Из тысяч молодых пар, рыскающих по Лондону в поисках жилья, не может не отыскаться несколько Робинсонов — достаточно взглянуть, сколько их в телефонном справочнике. Ну, а среди множества миссис Робинсон рано или поздно попадется рыжеволосая. Что же дальше? Приезжает мститель. У него есть адрес, у него есть фамилия. Он наносит удар! Все кончено, месть свершилась, а Эльза Хардт в очередной раз вышла сухой из воды. Кстати, Гастингс, вы непременно должны меня представить подлинной миссис Робинсон, этому очаровательному и правдивейшему в мире созданию. Что они с мужем подумают, обнаружив, что их квартиру взломали? Мы должны немедленно вернуться! Тем более, что Джепп и его компания, кажется, уже здесь.

Дверной молоток выбивал нетерпеливую дробь.

— Как вы узнали этот адрес? — спросил я, вы-

ходя следом за Пуаро в коридор. — А, понимаю! Вы проследили за первой миссис Робинсон, когда она съезжала с квартиры.

— Ура, Гастингс, наконец-то вы решили воспользоваться своими серыми клеточками! А сейчас — маленький сюрприз для Джеппа.

Бесшумно приоткрыв дверь, он сунул в щель голову бархатной кошки и пронзительно замяукал.

Инспектор Скотленд-Ярда стоявший на крыльце с каким-то незнакомцем, подскочил от неожиданности.

— А, это просто очередная шуточка мсье Пуаро, — проворчал он, когда следом за кошачьей головой появилась голова маленького бельгийца. — Ну-ка, мусью, впустите нас.

— Вы позаботились о наших общих друзьях?

— Да, птички в клетке. Но добычи при них не оказалось.

— И вы пришли пошарить в их гнездышке? Что ж, мы с Гастингсом не станем вам мешать, однако перед уходом хочу прочесть вам маленькую лекцию на тему «История и происхождение кошки домашней обыкновенной».

— Господи помилуй, да вы, гляжу, окончательно спятили!

Пуаро проигнорировал это замечание.

— Кошкам, — начал он назидательным тоном, — поклонялись еще древние египтяне. До сих пор там видят добрый знак, если черная кошка перебегает вам дорогу. Эта кошка сегодня перебежала дорогу вам, Джепп. Знаю, в Англии считается неделикатным копаться в душе человека и даже животного. А нутро этой кошки исполнено особых тайн. Если заглянуть за подкладку…

Внезапно незнакомец издал приглушенный вопль и выхватил кошку из рук Пуаро.

— Не успел представить вас друг другу, — сказал Джепп. — Мистер Пуаро, познакомьтесь с мистером Бертом из секретной службы правительства Соединенных Штатов.

Опытные пальцы разведчика уже нащупали сквозь подкладку зашитые бумаги. Замерев на мгновение, он, похоже, утратил дар речи. Но потом мистер Берт оказался на высоте.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — поклонился он Пуаро.

IV. Загадка «Охотничьего приюта»

— В конце концов, — слабым голосом произнес Пуаро, — возможно, на этот раз я и не умру.

Поскольку это исполненное оптимизма замечание исходило от больного гриппом, я приветствовал его, как первый признак выздоровления. Сам я уже переболел, но не успел толком окрепнуть, как слег мой друг и компаньон. Впрочем, сейчас он уже полусидел в постели — обложенный подушками, с головой, укутанной шерстяной шалью, и потягивал омерзительный отвар, который я приготовил собственноручно, следуя его указаниям. Оглядывая комнату, Пуаро с одобрением остановил взор на каминной полке, где пузырьки с лекарствами и микстурами были выстроены в линеечку и строго по ранжиру.

— Да-да, — продолжал маленький сыщик. — Немного усилий, и я вновь стану самим собой — великим Эркюлем Пуаро, грозой преступного мира! Подумайте, мон ами, даже такой почтенный печатный орган, как «Светский сплетник» уделил мне местечко на своих страницах! Где

же оно? Сейчас, секундочку… а, вот, нашел! «Возрадуйтесь, злодеи всех мастей — пришел ваш час! Великий Эркюль Пуаро — а он, уж поверьте, милочки мои, истинный Геркулес — лучший в мире детектив, любимец нашего общества — не сможет вас схватить! Почему? Да потому что он схватил инфлюэнцу!»

Я засмеялся.

— Браво, Пуаро, вы настоящая знаменитость! К счастью, за время болезни вы не пропустили ничего интересного — ни одного громкого преступления!

— Ваша правда. Из тех немногих дел, от которых мне пришлось отказаться, я ни капли не сожалею ни об одном.

В кабинет заглянула наша квартирная хозяйка.

— Там внизу джентльмен, хочет видеть мсье Пуаро, или вас, капитан. Он в таком переполохе — и по всему видно, господин вполне приличный — что я согласилась доложить.

Она протянула мне визитную карточку.

— «Мистер Роджер Хэверинг», — прочитал я вслух. И, повинуясь кивку моего друга, направился к книжному шкафу за справочником «Кто есть кто». Выхватив его у меня из рук, Пуаро стреми-

тельно перелистал страницы.

— «Второй сын пятого барона Виндзора. В тысяча девятьсот тринадцатом сочетался браком с Зои, четвертой дочерью Уильяма Крабба».

— Припоминаю, — хмыкнул я. — Тогда ее звали Зои Кэррисбрук. Она выступала в ревю «Фриволите», а накануне войны выскочила за какого-то молодого повесу-аристократа.

— Не сочтите за труд, Гастингс, спуститесь к нашему посетителю, принесите извинения от моего имени и выслушайте его историю.

Роджер Хэверинг оказался отлично сложенным, элегантным мужчиной лет сорока. Однако, лицо его было бледным и осунувшимся, отмеченным печатью мучительной тревоги.

— Капитан Гастингс? Вы ведь работаете с мсье Пуаро? Я за ним — мы незамедлительно отправимся в Дербишир.

— Боюсь, это невозможно. У Пуаро грипп, он лежит в постели.

Лицо мистера Хэверинга омрачилось еще сильнее.

— Боже правый, какой это удар для меня!

— Проблема, которую вы хотели с ним обсудить, настолько безотлагательна?

— Еще бы! Мой дядя, самый близкий и лучший

мой друг, был злодейски убит прошлой ночью!

— Это случилось в Лондоне?

— Да нет же, в Дербишире. Я в городе по делам. Нынче утром получил телеграмму от жены и, как только опомнился от первого потрясения, помчался сюда, чтобы умолять мсье Пуаро безотлагательно взяться за это дело.

Внезапно меня осенила блестящая идея.

— Обождите минутку, пожалуйста, — попросил я и побежал наверх. В нескольких кратких словах я обрисовал Пуаро ситуацию, а он договорил за меня.

— Всё ясно, я уже все понял. Вы хотите отправиться в Дербишир и сами провести расследование? Ну, а почему бы и нет? Вы уже должны были досконально изучить мою *мето́ду*. Все, о чем я прошу — ежедневный подробный отчет и беспрекословное следование инструкциям, которые я сочту нужным телеграфировать.

Я охотно дал свое согласие.

* * *

Час спустя я уже сидел напротив мистера Хэверинга в купе первого класса, и поезд Мидлендской железнодорожной компании стремительно уносил нас прочь от Лондона.

— Прежде всего, капитан Гастингс, вы должны уяснить, что «Охотничий приют», куда мы с вами направляемся, и где, собственно, и случилась трагедия — это и в самом деле охотничий домик, затерянный в глубине дербиширских болот. Настоящий наш дом расположен в окрестностях Ньюмаркета, а на зиму мы снимаем квартиру в Лондоне. За «Охотничьим приютом» приглядывает экономка — на случай, если нам вздумается нагрянуть туда на уик-энд. Ну, а на время охотничьего сезона мы, разумеется, приезжаем вместе с прислугой из ньюмаркетского особняка. Три года тому назад к нам переселился мистер Харрингтон Пейс — брат моей покойной матушки (возможно, вы знаете, что моя мать — урожденная мисс Пейс из Нью-Йорка). Дядя Харрингтон рассорился с моим отцом и старшим братом, но меня он всегда любил. А поскольку я в нашем семействе тоже в некотором роде пария, как блудный сын из притчи, это, видимо, лишь усилило его привязанность. С женой моей они быстро поладили, и как только мы приспособились к невинным дядюшкиным причудам, мы втроем зажили очень дружно. Два дня тому назад дядя решил, что лондонские развлечения его утомили, и предложил съездить в Дербишир на пару дней. Жена телеграфировала

нашей теперешней экономке, миссис Миддлтон и мы тотчас туда отправились. Вчера вечером дела вновь призвали меня в город, но жена и дядя оставались в «Охотничьем приюте». А сегодня получил вот эту телеграмму, — он передал мне бланк.

возвращайся немедленно дядя харрингтон убит прошлой ночью привези хорошего детектива если сможешь но обязательно приезжай тчк зои

— И больше вам ничего не известно? — спросил я.

— Нет, но, полагаю, подробности будут в вечерних газетах. Без сомнений, полиция уже занимается этим делом.

Около трех часов дня мы прибыли на полустанок Элмерс-Дейл. Еще пять миль по проселочной дороге — и показался небольшой дом из серого камня, одиноко стоящий посреди неприветливых вересковых пустошей.

— Уединенное, однако, местечко, — сказал я, невольно содрогнувшись.

Хэверинг кивнул.

— Постараюсь поскорее от него избавиться. Я уже никогда больше не смогу здесь жить.

Мы отперли ворота и зашагали по узкой дорожке к дубовой двери. Вдруг она распахнулась и

нам навстречу вышел человек, которого я мигом узнал.

— Джепп! — обрадовался я.

Инспектор Скотленд-Ярда одарил меня дружелюбной ухмылкой, прежде чем обратиться к моему спутнику.

— Полагаю, вы мистер Хэверинг? Меня прислали из Лондона расследовать это дело. С вашего позволения, сэр, хотел бы задать вам несколько вопросов.

— А моя жена разве…

— Леди уже любезно дала показания сэр, и с экономкой мы тоже побеседовали. Вас я надолго не задержу — надо поспешить в деревню, здесь я уже видел все, что требовалось.

— Но поймите, я же пока и сам толком не знаю, в чем тут….

— Вот и славно, сэр, — благожелательно кивнул Джепп. — Значит, вы без всякой предвзятости ответите на парочку вопросов, которые я хотел бы прояснить. Капитан Гастингс — мы старые знакомые — отправится в дом и сообщит вашим домашним, что вы скоро будете. Кстати, капитан Гастингс, что вы сделали с нашим коротышкой?

— Он лежит в постели, болен гриппом.

— Ах вот как? Досадно это слышать. Без него

вы тут, конечно, будете как пятое колесо при телеге, верно?

И, отпустив эту довольно плоскую остроту, он потерял ко мне интерес. Я направился к дому и позвонил в дверь. Открыла мне женщина средних лет, облаченная в черное.

— Мистер Хэверинг появится с минуты на минуту, — пояснил я. — Его ненадолго задержал инспектор. Я приехал с вашим хозяином из Лондона, чтобы провести частное расследование. Не могли бы вы рассказать мне вкратце, что произошло вчера вечером?

— Пожалуйста, пройдите в дом, сэр. — Экономка закрыла за мной дверь, и я оказался в тускло освещенной прихожей. — Все случилось сразу после ужина, сэр. Появился какой-то человек и сказал, что ему нужно увидеться с мистером Пейсом. Понимаете, сэр, выговор у него был точь-в-точь как у самого мистера Пейса, вот я и рассудила, что это, должно быть, какой-то его друг из Америки. Провела его в оружейную, а сама побежала доложить. Теперь-то думаю, сразу надо было мне насторожиться, имени-то он не назвал. Сказала мистеру Пейсу, а он словно бы удивился, говорит хозяйке: «Извини, Зои, схожу узнаю, чего хочет этот тип». Я вернулась на кухню, а спустя

какое-то время слышу громкие голоса, вроде как ссорятся они. Ну, я и выскочила в прихожую, и хозяйка тоже забеспокоилась, спустилась. А тут как раз выстрел грянул. Кинулись мы обе к оружейной комнате, а она заперта изнутри. Пришлось бежать в сад, чтобы забраться в комнату через окно. Оно было открыто, а внутри на полу лежал мистер Пейс, весь в крови, застреленный насмерть.

— А куда же делся человек, который к нему приходил?

— Должно быть, сэр, он сразу удрал через окно — когда мы подоспели, его уже и след простыл.

— Что было потом?

— Миссис Хэверинг отправила меня в деревню за полицией, пять миль пришлось протопать. Назад они меня подвезли, и на ночь с нами остался констебль. Ну, а утром приехал этот детектив из Лондона.

— Опишите, пожалуйста, человека, который приходил к мистеру Пейсу.

Экономка призадумалась.

— У него была черная борода, сэр. Из себя вроде бы не молодой и не старый, одет в легкое пальто. Помимо того, что он говорил, как американец, я мало что запомнила, сэр.

— Ясно. Как вы думаете, могу я сейчас повидаться с миссис Хэверинг?

— Она наверху, сэр. Доложить ей о вас?

— Будьте так добры. Скажите, что мистер Хэверинг в саду с инспектором, а джентльмен, которого он привез с собой из Лондона, очень хотел бы с ней поговорить сейчас же.

— Слушаюсь, сэр.

Мне не терпелось как можно скорее выяснить все обстоятельства дела. Джепп получил фору в два или даже три часа, а мне невыносимо было думать, что он обскачет меня в этом расследовании.

Миссис Хэверинг не заставила долго себя ждать. Спустя несколько минут я услышал на лестнице легкие шаги и, подняв глаза, увидел, что ко мне приближается очаровательная молодая женщина. Пунцовый джемпер облегал ее по-мальчишески стройную фигуру, кожаная шляпка такого же пламенного оттенка украшала темноволосую головку. Даже недавняя трагедия не смогла укротить брызжущую через край жизненную энергию этого прелестного существа.

Я представился, и она понимающе кивнула.

— Разумеется, я наслышана о вас и вашем коллеге — мсье Пуаро. Вы вдвоем блестящим образом

распутали столько громких дел! Какое счастье, что муж ухитрился так быстро заручиться вашей помощью. Сейчас вы будете задавать мне вопросы? Вам ведь нужно выяснить все, что касается этого ужасного происшествия!

— Благодарю за понимание, миссис Хэверинг. В котором часу вас посетил таинственный незнакомец?

— Было что-то около девяти вечера. Мы отужинали и сидели в гостиной за кофе и сигаретами.

— А ваш муж к тому времени уже уехал в Лондон?

— Да, на поезде в шесть пятнадцать.

— На станцию он отправился пешком или в автомобиле?

— Нашего собственного авто здесь нет. Муж позвонил в гараж — в Элмерс-Дейл, оттуда прислали машину.

— Мистер Пейс вчера держался как обычно?

— Без сомнения. Он был таким же, как всегда.

— Вы можете описать посетителя, которого он принимал?

— Дело в том, что я вообще его не видела. Миссис Миддлтон проводила его прямиком в оружейную, потом доложила дядюшке, что у него гость.

— И как он отреагировал?

— Кажется, он разозлился. Но сразу же поспешил вниз. Минут через пять я услышала, что они кричат друг на друга, побежала в прихожую и столкнулась с миссис Миддлтон. Тогда-то мы и услышали выстрел. Дверь оружейной оказалась заперта изнутри, мы побежали в сад. Конечно, за это время убийца успел улизнуть. Бедный дядюшка, — ее голос дрогнул, — лежал на полу с простреленной головой. Я сразу же поняла, что он мертв, послала миссис Миддлтон за полицейскими и постаралась ничего не трогать в комнате до их прихода.

Я одобрительно кивнул.

— А из какого оружия был убит ваш дядя?

— Что ж, капитан Гастингс, тут я могу только предполагать. На стене в оружейной висели револьверы моего мужа. Один из них исчез. Я сообщила полиции об этом, и они забрали второй, парный к нему. Должно быть, после вскрытия, когда извлекут пулю, мы будем знать наверняка.

— Можно мне заглянуть в оружейную?

— Конечно. Полиция там уже все осмотрела. А тело сразу же забрали.

Миссис Хэверинг сопроводила меня к месту преступления. В это время появился хозяин дома,

и она, наскоро извинившись, кинулась навстречу мужу. Я был предоставлен самому себе и решил действовать обстоятельно.

Впрочем, должен признать, результаты моих изысканий оказались неутешительными. Если бы действие происходило в каком-нибудь детективном романе, я бы вмиг обзавелся множеством улик, но поскольку это была реальная жизнь, я не нашел абсолютно ничего интересного — ну, разумеется, кроме огромного пятна крови на ковре, где, судя по всему, упал убитый. Я все очень тщательно осмотрел и сделал несколько снимков портативной фотокамерой, которую прихватил с собой. Осмотрел я и клумбу под окном, но там потопталось столько народу, что различить следы представлялось делом совершенно безнадежным. Похоже, я увидел все, что мог предъявить к осмотру «Охотничий приют», надо было возвращаться в Элмерс-Дейл и встретиться с Джеппом. Посему я простился с Хэверингами и укатил в том же деревенском такси, которое доставило нас от станции.

Джеппа я нашел на местном постоялом дворе «Мэтлок». Он сразу же отвел меня взглянуть на труп. Харрингтон Пейс был невысоким, худощавым, чисто выбритым, по виду — типичный

американец. Его застрелили в затылок, практически в упор, по-видимому, из револьвера.

— На мгновение отвернулся, — пояснял инспектор, — а тот, другой парень схватил револьвер и выстрелил. В револьвере, который отдала нам миссис Хэверинг, был полный барабан — ну, стало быть, и второй был полностью заряжен. Просто поразительно, какие идиотские поступки совершают порой люди! Держать на стене оружие, которое в любой момент может выстрелить!

— Что вы думаете об этом деле? — спросил я, когда мы покинули жутковатую комнату с мертвецом, лежащим на столе.

— Прежде всего я присмотрелся к Хэверингу. Да-да, не удивляйтесь, — предвосхитил инспектор мою реакцию. — Его прошлое не безупречно, имеется пара-тройка пятен на репутации — к примеру, учась в Оксфорде он подделывал отцовскую подпись на чеках. Конечно, тогда дело замяли. Зато сейчас он по уши в долгах, и это такие долг, о которых ему вряд ли хотелось бы сообщить дядюшке. И разумеется, по завещанию покойного именно Роджер Хэверинг наследует все состояние. Конечно, я его заподозрил. И постарался допросить до того, как он сговорится с женой, но увы — их показания совпадают вплоть

до мельчайших подробностей, да и на станции я наводил справки — Хэверинг действительно уехал на поезде в шесть пятнадцать. В Лондон он прибыл в половине одиннадцатого и отправился прямиком в свой клуб — следовательно, никак не мог в девять вечера стрелять в своего дядю, предварительно нацепив черную бороду.

— Кстати, инспектор, я как раз собирался спросить ваше мнение об этой бороде.

Джепп подмигнул мне.

— Думаю, она подозрительно быстро выросла — за время, которое занимает дорога от Элмерс-Дейла до «Охотничьего приюта». Большинство американцев, которых я встречал, были чисто-начисто выбриты. Да, именно среди американских дружков мистера Пейса нам и придется разыскивать убийцу. Я расспросил экономку и хозяйку дома, и в ключевых моментах их рассказы сходятся, но какая досада, что миссис Хэверинг не взглянула на этого парня! Она женщина толковая и наверняка заметила бы что-нибудь, что навело бы нас на след.

После разговора с инспектором я засел за подробный отчет для Пуаро. Пока я писал письмо, поступили различные дополнительные сведения. Пришлось покорпеть, прежде чем удалось

расположить по порядку все факты и детали.

Пулю извлекли и установили, что она идентична пулям из парного револьвера, реквизированного полицией. Алиби мистера Хэверинга в роковой вечер было проверено, а все его передвижения подтверждались показаниями свидетелей — вне всяких сомнений, он действительно находился в Лондоне. И, наконец, утром некий почтенный обитатель Илинга* [* *Илинг — во время написания рассказа — пригород Лондона*], торопясь на пригородный поезд до столицы, сделал сенсационную находку — пакет в оберточной бумаге, застрявший в ограждении железнодорожного перрона. Развернув пакет, он нашел там револьвер и поспешил сдать его в местный полицейский участок. К вечеру выяснилось, что этот револьверу, отданному властям миссис Хэверинг, а в барабане не хватает одного патрона.

Все это я добросовестно изложил в отчете. На следующее утро, во время завтрака, мне принесли телеграмму от Пуаро.

разумеется чернобородый мужчина никак не мог быть хэверингом зпт только вам или джеппу могла взбрести голову такая нелепость тчк телеграфируйте описание внешности экономки одежды которая была на ней вчера зпт

то же касается миссис хэверинг не тратьте время фотографирование интерьеров снимки передержаны художественной ценности не представляют тчк

Саркастический тон послания пришелся мне не по душе, очевидно, мой друг просто позавидовал моим успехам в расследовании — ведь я находился непосредственно на месте событий и располагал всеми преимуществами такой ситуации. Требование описать, во что были одеты обе женщины, показалось мне нелепым. Но я подчинился — обещание есть обещание.

В одиннадцать пришел ответ от Пуаро:

посоветуйте джеппу немедленно арестовать экономку

Ошеломленный до глубины души, я передал телеграмму Джеппу. Тот тихо выругался под нос.

— Он ведь парень не промах, наш мсье Пуаро. И раз он так уверен, значит в этом что-то есть. Я ведь едва обратил внимание на эту женщину! Не уверен, что у меня есть основания для ареста, но надобно за ней приглядывать.

Но было уже слишком поздно. Миссис Мидлтон, такая скромная, такая респектабельная, исчезла без следа! Все ее вещи остались на месте, но в них не обнаружилось ничего, что могло бы

навести нас на ее след, или хотя бы намекнуть на ее подлинную личность.

Из миссис Хэверинг мы попытались выудить максимум сведений, но она мало что могла рассказать.

— У нас она работала всего три недели. Когда уволилась наша предыдущая экономка, миссис Эмери, эту миссис Миддлтон направили из агентства миссис Селборн с Маунт-стрит — очень почтенная контора по найму домашней прислуги. Я всегда обращаюсь к ним, и они ни разу меня не подводили. На место было несколько претенденток, но миссис Миддлтон меня просто очаровала. У нее были такие приятные манеры и такие отличные рекомендации, что я тут же сообщила в агентство, чтобы больше никого не присылали. Поверить не могу, что с ней что-то неладно, она была такая милая и тихая женщина!

Что и говорить, все это было весьма загадочно. Невзирая на подозрительные обстоятельства ее исчезновения, экономку никак нельзя было обвинить в преступлении — ведь в момент, когда раздался выстрел, миссис Хэверинг находилась рядом с ней в прихожей. Но если миссис Миддлтон не причастна к убийству, с чего вдруг она так

внезапно ударилась в бега?

Я отбил свежий отчет для Пуаро и предположил, что мне лучше бы вернуться в Лондон и навести справки в агентстве по найму прислуги.

Пуаро незамедлительно телеграфировал в ответ:

посещать агентство бессмысленно они никогда ней слыхом не слыхивали тчк выясните как экономка добралась охотничьего приюта приехав самый первый раз

Я был озадачен, но добросовестно исполнил поручение. Транспортные возможности деревни Элмерс-Дейл были довольно ограничены — гараж располагал двумя потрепанными фордиками, а на станции можно было нанять пролетку — к услугам проезжающих было два экипажа. Ни одно из этих средств передвижения не было арендовано в интересующий нас день. Миссис Хэверинг сообщила, что оплатила экономке проезд до Дербишира и добавила сверху сумму, достаточную, чтобы добраться до «Охотничьего приюта» деревенским таксомотором — один из них всегда дежурит на станции, ожидая прибытия лондонского поезда. В день, когда убили мистера Пейса, никакого незнакомца, ни с черной бородой, ни без всяких признаков оной, там не заметили.

Единственный логичный вывод — он прибыл на собственном автомобиле, и этот автомобиль поджидал его, чтобы умчать от места преступления. Вероятно, эта же машина привезла женщину, представившуюся экономкой. Запрос Пуаро подтвердил его предположения, миссис Миддлтон оказалась самозванкой и в списках агентства по найму никогда не значилась. Миссис Хэверинг действительно требовалась экономка, и агентство направило к ней несколько претенденток, но она не удосужилась уведомить контору, на ком остановила свой выбор.

В Лондон я вернулся в довольно-таки подавленном настроении. Пуаро дожидался меня, устроившись в кресле у камина и укутавшись в красочный стеганный халат. Встретил он меня выражениями самой нежной и искренней привязанности.

— Мон ами Гастингс! До чего же я рад вас видеть, мой преданный и любимый друг! Вы от души повеселились? Поразнюхивали, бегая туда-сюда в компании нашего доброго Джеппа? Порасследовали и подопрашивали всласть?

— Пуаро! — в отчаянии простонал я. — Это какой-то дьявольский ребус! Никому не под силу его разгадать!

— А мы все же разгадаем, чтобы удовлетворить собственное самолюбие.

— Вряд ли! Этот орешек даже вам не по зубам.

— Дорогой друг, вы же знаете — я отлично колю любые орехи! Я сущая белка! Сейчас меня заботит вовсе не установление личности преступника — я ведь давно сообразил, кто убил мистера Харрингтона Пейса.

— Сообразили? Каким же образом!

— Ваши восхитительно исчерпывающие отчеты снабдили меня всей необходимой информацией. Садитесь, Гастингс, и давайте во всем разберемся. Рассмотрим факты методично и последовательно. Мистер Харрингтон Пейс — состоятельный джентльмен, всем известно, что его деньги после смерти достанутся племяннику. Пункт номер один. Племянник отчаянно нуждается в деньгах. Пункт номер два. Своим поведением племянник уже продемонстрировал, что не брезгует неблаговидными средствами на пути к цели. Пункт номер три…

— Но, Пуаро, доказано, что Роджер Хэверинг в момент убийства сидел в вагоне лондонского поезда!

— Как удобно, правда? И поскольку алиби его столь неопровержимо — ведь врач довольно

точно установил время смерти — мы совершенно определенно заключаем, что мистер Хэверинг не стрелял в своего дядюшку. Что ж, Гастингс, остается миссис Хэверинг.

— Да что вы такое говорите! Ведь когда раздался выстрел, рядом с ней находилась экономка!

— Ах, эта загадочная экономка! Но где же она?

— Ее ищут.

— И, уверяю вас — никогда не найдут. Гастингс, ну неужели вы не видите, что эта фальшивая экономка обвела вас вокруг пальца? Я сразу обо всем догадался.

— Ну, видимо она сыграла свою роль, а в последний момент улизнула.

— В чем же, по-вашему, заключалась ее роль?

— Впустить сообщника, чернобородого американца!

— О нет, вы глубоко заблуждаетесь! От экономки требовалось лишь одно: обеспечить миссис Хэверинг алиби на время убийства. И никто ее никогда не найдет, милый Гастингс, потому что ее не существует. «Такой особы и вовсе на свете нет», как говорил ваш великий Шекспир.

— Это Диккенс говорил, — пробормотал я, не удержавшись от улыбки*. [* *«Такой особы и вовсе на свете нет» — цитата из романа Чарльза Дик-*

кенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (рус. пер. Н.Л. Дарузес).] — Но растолкуйте мне, Пуаро, в чем же тут дело?

— Да в том, что до замужества Зои Хэверинг была актрисой, и еще в том, что когда вы с Джеппом беседовали с экономкой, в полумраке прихожей вы могли разглядеть лишь смутную фигуру в черном платье, женщину неопределенного возраста, которая говорила приглушенным голосом. И, самое главное — ни вы, ни Джепп, ни деревенские полицейские никогда не видели миссис Миддлтон и хозяйку дома вместе. Хитрой и смелой авантюристке ничего не стоило обвести вас вокруг пальца. Под каким-то предлогом она бежит наверх, быстро облачается в яркий джемпер и шляпку с пришпиленными черными локонами. Немного косметики — серая мышка превращается в красавицу, и к вам спускается ослепительная Зои Хэверинг с молодым и звонким голосом. Экономка никого не интересует — да и с чего бы вдруг подозревать эту почтенную особу? С семьей убитого ее ничего не связывает. К тому же у нее ведь тоже есть алиби!

— А как же обнаруженный в Илинге револьвер? Ведь у миссис Хэверинг не было возможности подбросить его туда!

— Нет, это сделал Роджер Хэверинг. Тут-то они и прокололись — мне сразу стало ясно, что человек, совершивший убийство из револьвера, который подвернулся ему под руку, не станет везти его с собой в Лондон, а бросит тут же, на месте преступления. Убийцам не терпелось поскорее убрать сыщиков из окрестностей «Охотничьего приюта» и переключить их внимание на место, далекое от Дербишира. И, кстати, мистера Пейса застрелили вовсе не из этого револьвера. Роджер Хэверинг выпустил из него одну пулю, прихватил оружие с собой в Лондон, обеспечил себе алиби, появившись в клубе, а потом быстренько направился в Илинг — на дорогу ушло минут двадцать. Сунул пакет между прутьями заграждения и был таков. А прелестная Зои, подкравшись к пожилому родичу после ужина — вы же помните, что его застрелили в затылок? — убила его. Сунув в барабан недостающий патрон, вешает револьвер на место и начинает разыгрывать свой невероятно дерзкий спектакль.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал я, завороженный рассказом моего друга, — и все же…

— И всё же это правда. *Бьен сюр*, друг мой, так все и было. Однако отыскать доказательства, притянуть эту лихую парочку к ответственно-

сти… это совсем другое дело. Конечно, я отписал Джеппу во всех подробностях о том, как именно было совершено преступление, но боюсь, милый Гастингс, что правосудие придется оставить в руках всевидящего Рока — ну, или, доброго боженьки, *ле бон дьё* — как вам больше нравится.

— «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву»* [* *Псалтирь 36:35*], — процитировал я.

— Но воздаяние неминуемо, Гастингс, уж вы мне поверьте!

Предсказание Пуаро оправдалось. Джепп, хотя и полностью убежденный в том, что Хэверинги виновны, не смог собрать достаточно доказательств, чтобы передать дело в суд.

Огромное состояние мистера Пейса перешло в руки его убийц. Однако им не удалось избежать возмездия. Прочитав в газете, что достопочтенный Роджер и миссис Хэверинг были в числе пассажиров, погибших при крушении воздушного экспресса в Париж, я понял, что Правосудие все-таки свершилось.

V. Кража на миллион долларов

— Такое впечатление, что в последнее время пишут только о похищении ценных бумаг и облигаций! — заметил я одним прекрасным утром и отложил газету. — Пуаро, давайте оставим благородную науку сыска и вместо расследования преступлений займемся их совершением!

— Друг мой, вас манят… как это называется — шальные денежки! Жажда легкой наживы вскружила вам голову?

— Сами видите, как быстро они обогащаются, эти ловкачи! Взять хоть вот последнюю громкую аферу, — я снова потянулся за газетой. — Похищен миллион долларов в облигациях «Либерти»* [* *Для оплаты огромных военных расходов в 1917 г. Конгресс США выпустил ряд долговых обязательств, известных как облигации «Либерти» или «Облигации Статуи Свободы»*]. «Лондонский и Шотландский банк» перевозил эти боны в Нью-Йорк на борту «Олимпии», и они таинственным образом исчезли прямо во время рейса.

— Я читал об этом деле. Ах, если бы не злополучная маль де мер — морская болезнь! Метод

Лавержье превосходно себя зарекомендовал, но годится только для пересечения Ла-Манша, практиковать его в течение нескольких дней слишком затруднительно. Если бы не страх перед недугом, я и сам с удовольствием совершил бы путешествие через океан на одном из этих великолепных лайнеров! — мечтательно вздохнул Пуаро.

— Еще бы! — горячо подхватил я. — Ведь зачастую это настоящие дворцы — бассейны, рестораны, кинотеатры, концертные и бальные залы в атриумах, окруженных пальмами — ей-богу, пассажиры, должно быть, порой забывают, что находятся в море, а не на суше!

— Поверьте, мой друг, уж если *мне* выпадает несчастье находиться в море — я об этом ни на миг не забываю, — уныло сказал Пуаро. — А вся эта мишура и суетные развлечения, которые вы с таким восторгом перечисляете, в моих глазах не имеют ровно никакой ценности. Зато вообразите, Гастингс, сколько преступных замыслов созревают и реализуются на борту ваших плавучих дворцов. Вот уж где рассадник гениев зла, элиты криминального мира!

Я расхохотался.

— Понятно, куда устремились ваши честолю-

бивые мечты! Вам хотелось бы скрестить шпаги с разбойником, похитившим облигации «Либерти»?

Нашу беседу прервала квартирная хозяйка.

— К вам юная леди, мистер Пуаро. Вот ее карточка.

Надпись гласила: «Мисс Эсме Фаркуар».

Нырнув под стол, чтобы поднять заблудшую соринку, Пуаро переместил ее в корзину для бумаг и кивнул хозяйке, приглашая впустить посетительницу.

Через минуту порог кабинета переступила одна из самых очаровательных девушек, что мне когда-либо доводилось встречать. На вид лет двадцать пять, идеальная фигурка и бархатные карие глаза. Она была одета по последней моде и обладала безукоризненными манерами.

— Сделайте одолжение, мадемуазель, садитесь. Позвольте представить моего друга, капитана Гастингса. Он помогает мне в решении различных пустяковых задач.

— Боюсь, мсье Пуаро, я явилась к вам с задачей неразрешимой, — девушка с милой улыбкой кивнула мне и опустилась в кресло. — дело касается кражи облигаций «Либерти» на борту «Олимпии». — Увидев изумление, отразившееся

на лице Пуаро, она заторопилась: — Конечно, вы задаетесь вопросом, что общего может быть у меня с таким почтенным учреждением как «Лондонский и Шотландский банк». Выскажусь напрямик: это дело глубоко затрагивает меня лично, мсье Пуаро. Видите ли, я помолвлена с мистером Фи́липом Риджуэем.

— А мистер Филип Риджуэй, стало быть…

— Это он отвечал за перевозку облигаций. Конечно же, никто не подозревает его в краже, фактически, на него даже нельзя возложить вину за их исчезновение. Однако он просто с ума сходит от косых взглядов. А его дядя, к примеру, утверждает, что Филип, должно быть, случайно проговорился кому-то, какую ценность он везет. Это поставит крест на карьере моего жениха!

— А кто его дядя?

— Мистер Вавасур — один из генеральных директоров «Лондонского и Шотландского банка».

— Что ж, мисс Фаркуар, может быть, поведаете мне всю историю от начала до конца?

— Да, разумеется. Как вы уже знаете, банк собирался открыть новые филиалы кредитования в Штатах. С этой целью туда было направлено свыше миллиона долларов в облигациях «Либерти». Мистер Вавасур поручил эту миссию

своему племяннику — он много лет проработал в банке и знал всю подноготную их финансовых операций в Нью-Йорке. «Олимпия» отплывала из Ливерпуля двадцать третьего числа, и утром того же дня облигации были переданы Филипу в присутствии обоих генеральных директоров банка — мистера Вавасура и мистера Шоу. Боны пересчитали, упаковали и опломбировали, а Филип тут же запер сверток в своем чемодане.

— Чемодан был с обычным замком?

— Нет, мистер Шоу настоял, чтобы на нем установили патентованный замок фирмы Хаббса. Итак, Филип уложил на дно чемодана драгоценный пакет. А за несколько часов до прибытия в Нью-Йорк пакет похитили. Корабль обыскали от рубки до трюма, но тщетно — облигации точно растворились в воздухе.

Пуаро скорчил гримасу.

— И всё же они не растворились в воздухе, мадемуазель, ведь всего через полчаса после прибытия «Олимпии» эти бумаги попали на нью-йоркскую фондовую биржу и были распроданы мелкими партиями. Что ж, несомненно, я должен прежде всего повидать мистера Риджуэя.

— Я как раз собиралась пригласить вас пообедать с нами в «Чеширском сыре». Филип меня

там дожидается, правда, он еще не знает, что я обратилась к вам за помощью.

Мы с готовностью согласились на это предложение и отправились в ресторан на такси.

Мистер Филип Риджуэй и вправду был немного обескуражен, увидев, что невеста явилась в сопровождении двух незнакомцев. Это был симпатичный молодой человек, высокий и ладный. Несмотря на то, что ему едва ли исполнилось тридцать лет, его виски́ уже посеребрила седина.

Мисс Фаркуар подбежала к жениху и положила руки ему на плечи.

— Не сердись, Филип, что я вмешалась в твои дела, не посоветовавшись с тобой. Познакомься, это мсье Пуаро — о котором ты, несомненно, наслышан — и его друг, капитан Гастингс.

Риджуэй выглядел очень удивленным.

— Разумеется, я знаю, кто вы, мсье Пуаро. — Он обменялся с нами рукопожатиями. — Но я и помыслить не мог, что Эсме вздумает делиться с вами рассказом о моей… о нашей беде.

— Я просто боялась, что ты не позволишь мне это сделать, милый, — смиренно опустила ресницы мисс Фаркуар.

— И поэтому решила подстраховаться, — сказал ее жених с вымученной улыбкой. — Надеюсь,

мсье Пуаро сможет пролить свет на эту невероятную тайну, ведь сам я уже окончательно сломал голову. Я вне себя от беспокойства.

Его лицо и вправду выглядело изможденным и осунувшимся. Было ясно, что на плечи молодого человека легла непосильная ноша.

— Ну-ну! — бодро воскликнул Пуаро. — Предлагаю перенести наше совещание за обеденный стол. На сытый желудок и думается легче. Мне хотелось бы еще раз выслушать всю историю из уст самого мистера Риджуэя.

Пока мы наслаждались великолепным ростбифом и пирогом с почками, Филип Риджуэй подробно изложил обстоятельства, при которых исчезли злополучные облигации. Его рассказ в точности совпал с историей, которую поведала нам мисс Фаркуар. Едва он закончил, как Пуаро приступил к расспросам.

— Что навело вас на подозрение, что облигации были похищены, мистер Риджуэй?

Он с горечью рассмеялся.

— Ну, знаете, улики были, что называется, налицо, мсье Пуаро. Я вошел в каюту и увидел, что чемодан наполовину вытащен из-под койки, да к тому же весь изрезан и исцарапан в том месте, где пытались взломать замок.

— И все же замок был открыт, а не взломан?

— Да, видимо, его удалось как-то разблокировать.

— Любопытно, — обронил Пуаро, и в его глазах засветились хорошо знакомые мне зеленые огоньки. — Весьма любопытно! Вор тратит массу усилий, пытаясь взломать замок, а потом — вуаля! — обнаруживает, что все это время владел дубликатом ключа от замка фирмы Хаббса. А ведь каждый из этих замков, насколько я знаю, абсолютно уникален.

— Потому-то у него и не могло быть ключа! Проклятье, когда я об этом думаю, у меня голова идет кругом!

— Вы уверены, что никто не мог подобраться к *вашему* ключу?

— Могу поклясться чем угодно! Да и потом, если у злоумышленника имелся ключ или дубликат, к чему было тратить время, орудуя отмычкой, если с первого взгляда было понятно, что этот замок не взломать?

— Ах, это действительно отличный вопрос! Осмелюсь выступить в роли пророка: когда мы найдем ответ на него, мы сразу распутаем дело! Умоляю, не применяйте ко мне физического насилия, но я просто не имею права не спросить:

а вы совершенно уверены, что не могли оставить чемодан незапертым?

Филип Риджуэй молча послал ему такой выразительный взгляд, что Пуаро моментально воздел руки, отрекаясь от своих предположений:

– *Экскьюзе муа*, поверьте, такое случается куда чаще, чем вы можете себе представить! Итак, сойдемся на том, что облигации были похищены из чемодана. Что же делает дальше наш похититель? Как ему удалось сойти с ними на берег?

— А-а-а! — простонал Риджуэй. — То-то и оно! Как?! Когда я поднял тревогу, о краже тут же уведомили нью-йоркскую таможню. Каждого пассажира, покидавшего судно, обыскали с ног до головы!

— А эти облигации, как я понимаю, представляли собой весьма увесистую пачку?

— Еще бы! Здоровенный сверток! Даже на борту немного мест, где его можно было спрятать. Да и никто его там и не прятал — ведь полчаса спустя после прибытия «Олимпии» боны «Либерти» уже выставили на торги, даже каблограмма с номерами и сериями еще не успела дойти до биржи! А один из брокеров клянется, что облигации начали продавать еще до того, как «Олимпия» причалила к берегу. Не могли же их отправить

по радио!

— Разумеется, нет. Но, возможно, «Олимпию» при входе в порт обогнала какая-нибудь яхта или буксир?

— Только катера береговой охраны и таможни. И это было уже после того, как на судне подняли тревогу, так что все были начеку. Я лично следил за тем, чтобы украденные облигации не могли покинуть «Олимпию» таким образом. Господи, мсье Пуаро, это сведет меня с ума! Уже поговаривают, будто я сам провернул эту кражу!

— Но вас ведь тоже обыскали по прибытии? — мягко спросил Пуаро.

— Да, конечно, но…

Молодой человек недоуменно посмотрел на маленького бельгийца.

— Вижу, вы не понимаете, к чему я клоню. — Пуаро загадочно улыбнулся. — Что ж, теперь я хотел бы побеседовать с кем-то из руководства вашего банка.

Риджуэй нацарапал несколько слов на своей визитной карточке.

— Передайте это моему дяде, и он немедленно примет вас.

Пуаро поблагодарил его, попрощался с мисс Фаркуар, и мы вдвоем отправились на Треднидл-

стрит, где находился главный офис «Лондонского и Шотландского банка». Стоило нам предъявить визитную карточку Риджуэя, и нас тут же провели через лабиринт конторок и столов, где не покладая рук трудились клерки и кассиры, в небольшой кабинет на втором этаже. Оба генеральных директора были на месте — солидные джентльмены, поседевшие на своей банковской службе. Различало их лишь одно — мистер Вавасур носил короткую белую бородку, а мистер Шоу был чисто выбрит.

— Верно ли я понял, что вы занимаетесь исключительно частными расследованиями? Отлично, отлично! — потер руки мистер Вавасур. — Впрочем, мы уже уведомили Скотленд-Ярд, дело взял инспектор Макнил. Кажется, весьма способный детектив.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — вежливо кивнул Пуаро. — Ваш племянник уполномочил меня задать несколько вопросов. Будьте добры, расскажите, кто именно заказал замок фирме Хаббса.

— Я лично этим занимался, — сказал мистер Шоу. — Я бы ни за что не доверил кому-то из служащих такое деликатное дело. Всего было три ключа — один у мистера Риджуэя, а два других

— у мистера Вавасура и у меня.

— И никто из персонала не имел к ним доступа?

Мистер Шоу вопросительно посмотрел на второго директора.

— Уверен, что с тех пор как мы положили облигации в сейф двадцать третьего числа, к нашим ключам никто не прикасался, — заявил мистер Вавасур. — К сожалению, две недели назад, в тот самый день, когда мы проводили Филипа, мой коллега заболел и лишь сегодня впервые вышел на работу.

— Обструктивный бронхит — не шутка для человека моего возраста, — вздохнул мистер Шоу. — Боюсь, я подвел мистера Вавасура — у него и так прибавилось работы из-за моего отсутствия, а тут еще этот внезапный скандал с облигациями.

Пуаро задал еще несколько вопросов — мне показалось, он пытается выяснить степень близости между дядей и племянником. Ответы мистера Вавасура были четкими и лаконичными. Насколько ему известно, у его племянника не было никаких денежных затруднений или долгов. Филип Риджуэй пользовался абсолютным доверием со стороны руководства банка и в прошлом уже

не раз успешно выполнял аналогичные поручения. Наконец нам вежливо намекнули, что пора бы и честь знать.

— Я крайне разочарован, — заявил Пуаро, когда мы вышли на улицу.

— Вы рассчитывали вытянуть из них побольше информации? Из этих косных старых тугодумов?

— Меня разочаровала не их косность, мон ами. Я вовсе не рассчитывал встретить в правлении банка «проницательного финансиста с ястребиным взором», персонажа ваших любимых литературных произведений. Просто дело оказалось неожиданно простым.

— Простым?!

— Ну, конечно! Даже ребенок смог бы это провернуть.

— Вы знаете, кто украл облигации?

— Разумеется.

— Но тогда мы должны… почему же мы тогда не…

— Умерьте свой пыл и успокойте чувство гражданского долга, Гастингс. В ближайшее время я не намерен что-либо предпринимать.

— Но почему? Чего же вы ждете?

— Прибытия «Олимпии», конечно! Она возвращается из Нью-Йорка во вторник.

— Но если вы знаете, кто украл облигации, зачем тянуть? Ведь вор может сбежать!

— На какой-нибудь остров в южных морях, откуда не выдают преступников? Нет, мон ами, думаю, такой человек не откажется от благ цивилизации. Хотите знать, почему я выжидаю? Э бьен, для меня, Эркюля Пуаро, дело выглядит кристально ясным, но другие, не столь щедро одаренные добрым боженькой — к примеру, какой-нибудь инспектор Макнил — другие потребуют доказательств. Надо быть снисходительным, приспосабливаться к уровню их интеллекта.

— Боже милостивый, Пуаро! Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть как вы хоть раз в жизни сядете в калошу! Ваше невыносимое тщеславие уже переходит все границы!

— Не злитесь, Гастингс. Право же, иногда мне кажется, что вы меня почти ненавидите! Увы, таков удел всех великих умов!

Маленький бельгиец так комично выпятил грудь и испустил вздох, полный такой искренней скорби, что я поневоле рассмеялся.

Когда во вторник мы мчались в Ливерпуль в вагоне первого класса, Пуаро упорно отказывался делиться со мной своими догадками. Вместо этого он предпочел изобразить удивление, что я не

сделал тех же выводов из известных мне фактов. Я решил не унижаться и скрыл свое любопытство за валом напускного равнодушия.

Едва ступив на причал, у которого был пришвартован громадный трансатлантический лайнер, маленький детектив развил небывалую энергию. Одного за другим он опросил четырех стюардов, причем предметом расспросов был некий приятель Пуаро, отплывший в Нью-Йорк 23-го числа.

— Пожилой джентльмен в очках. Полный инвалид, вряд ли он вообще выходил из своей каюты.

Оказалось, что под это описание подходит некий мистер Вентнор, занимавший каюту Си-24 по соседству с Филипом Риджуэем. Я сгорал от любопытства, каким образом Пуаро вообще узнал о существовании и внешнем облике мистера Вентнора.

— И, конечно, этот джентльмен постарался поскорее покинуть судно? — взволнованно обратился я к стюарду, но тот покачал головой.

— Нет, сэр, по правде сказать, он сошел на берег в числе последних пассажиров.

Я сник, а Пуаро одарил меня сочувственной усмешкой. Он поблагодарил стюарда, некая денежная купюра перешла из рук в руки, и мы

отправились в обратный путь.

— Все это, конечно, очень интересно, — не утерпел я, — но последний ответ стюарда не оставил камня на камне от вашей драгоценной теории. Так что ухмыляйтесь сколько угодно.

— Вы как всегда не видите дальше своего носа, Гастингс. Его ответ, напротив, стал краеугольным камнем моей теории.

Я в отчаянии всплеснул руками.

— Сдаюсь, делайте что хотите!

* * *

В поезде, мчавшем нас в Лондон, Пуаро несколько минут что-то деловито строчил на листке бумаги, потом запечатал результаты своих трудов в конверт.

— Это для милейшего инспектора Макнила. Закинем это письмецо в Скотленд-Ярд, а потом отправимся в ресторан «Рандеву». Я пригласил мисс Эсме Фаркуар на ужин.

— А как же Риджуэй?

Пуаро подмигнул:

— Что это вас так тревожит судьба Риджуэя?

— Вы же не можете… вы же не думаете…

— Меня начинает беспокоить ваша привычка то и дело мямлить, милый Гастингс. На самом де-

ле я *всегда* и обо всем думаю. Если бы облигации похитил Риджуэй — а я не отнюдь не исключал такую возможность — это была бы великолепно проделанная, виртуозная работа. Счастье для детектива соприкоснуться с таким шедевром!

— А вот мисс Фаркуар вряд ли была бы счастлива!

— Наверное, вы правы. Так что все к лучшему. Что ж, Гастингс, давайте разберем это дело по косточкам — я же вижу, что вы изнываете от любопытства. Итак, опломбированный пакет исчезает из чемодана и, по выражению мисс Фаркуар, «растворяется в воздухе». Современная наука отрицает возможность дематериализации, так что эту версию мы отбрасываем. Значит, нужно разобраться, что с ним случилось. Все, кто имел дело с этими облигациями, в один голос утверждают, что было невозможно тайком пронести пакет на берег.

— И всё же мы знаем…

— Пардон, но это *вы* знаете. Я ничего подобного не знаю. Я стою на позициях здравого смысла: если это невозможно сделать, значит, никто этого не делал. Остаются два варианта: пакет спрятали на борту — что, как мы знаем, тоже было довольно затруднительно — или же выкинули за борт.

— Обвязав пробковым поясом?

— Нет, безо всякого поплавка.

Я оторопело уставился на Пуаро.

— Но если облигации утонули, как же они попали на нью-йоркскую биржу?

— Восхищаюсь несокрушимой мощью вашей логики, Гастингс! Да, облигации были распроданы на торгах, стало быть, они не утонули. Понимаете, к чему мы пришли?

— К тому же, с чего и начали.

— Да ничего подобного! Если пакет был выброшен за борт, а облигации угодили на биржу, значит, в пакете их попросту не было! В самом деле, какие у нас доказательства того, что в этом свертке находились боны «Либерти»? Вспомните — мистер Риджуэй ни разу не открывал его и не видел содержимого с того момента, как ему торжественно вручили этот пакет в Лондоне.

— Да, но каким же образом…

Пуаро нетерпеливым жестом оборвал мои возражения.

— Позвольте мне продолжить. В последний раз пресловутые облигации видели в центральном офисе «Лондонского и Шотландского банка» утром двадцать третьего числа. В следующий раз они вынырнут на свет божий уже в Нью-Йорке

через полчаса после прибытия «Олимпии». А по словам одного человека, которого никто не стал слушать, даже *перед* прибытием судна. Предположим, что эти облигации вообще ни минуты не провели на борту «Олимпии». Могли они попасть в Нью-Йорк другим способом? Да, такой способ есть. «Гигантик» отчаливает из Саутгемптона в тот же день, что и «Олимпия», но именно «Гигантику» принадлежит рекорд в скоростном пересечении Атлантического океана. Облигации, отплывшие на этом судне появятся в Нью-Йорке за день до прибытия «Олимпии». Дело начинает проясняться. Запечатанный пакет — не более, чем фальшивка, копия, злоумышленник подменил им настоящую бандероль еще в центральном офисе банка. Это мог осуществить любой из трех человек, находившихся там в это время. Тре бьен! Злодей посылает облигации трансатлантической почтой сообщнику в Нью-Йорке с указаниями продавать сразу же, как только «Олимпия» войдет в порт. Однако кто-то должен был отправиться в плавание на «Олимпии», чтобы инсценировать кражу.

— Но зачем это понадобилось?

— Да потому что, если Риджуэй просто вскроет пакет и обнаружит подмену, подозрение сразу же

падет на сотрудников банка. Нет, таинственный сосед Риджуэя проникает в его каюту, уродует чемодан, чтобы создать впечатление, будто замок пытались взломать, затем открывает его собственным ключом, швыряет пакет за борт и до последней минуты не спешит покидать судно. Разумеется, он притворяется инвалидом и носит очки, скрывающие глаза — вдруг доведется случайно столкнуться с Риджуэем. Едва ступив на нью-йоркскую пристань, он мчится обратно на первом же подвернувшемся судне.

— Но кто… кто это был?

— Кто же, как не один из обладателей ключа, человек, заказавший замок, мнимый больной, на две недели затворившийся в поместье с бронхитом? Кто как не замшелый старый тугодум мистер Шоу? Друг мой, зачастую преступников можно найти в наивысших кругах! А, вот мы и пришли! Мадемуазель, я с честью выполнил ваше поручение. Разрешите?

И Пуаро расцеловал изумленную мисс Фаркуар в обе щеки!

VI. Проклятие египетской гробницы

Из множества увлекательных приключений, которые мне довелось разделить с моим другом Пуаро, самым драматичным и захватывающим я считаю расследование загадочной цепи смертей, последовавших за раскопками усыпальницы фараона Менхер-Ра.

Это случилось вскоре после эпохального открытия мистером Карнарвоном гробницы Тутанхамона. Вдохновленные его удачей, сэр Джон Уиллард и мистер Блайбнер из Нью-Йорка предприняли собственные исследования в окрестностях Каира, неподалеку от пирамид Гизы. Неожиданно экспедиция наткнулась на ряд любопытнейших захоронений. Наибольший интерес представляла гробница фараона Менхер-Ра — полулегендарного представителя Восьмой династии, с которой начался закат Древнего царства. Этот период почти не изучен историками, неудивительно, что пресса уделила много внимания новой археологической находке.

Однако вслед за этим случилось событие, ко-

торое вызвало настоящий переполох. Сэр Джон Уиллард скоропостижно скончался на месте раскопок от сердечного приступа.

Падкие до сенсаций репортеры тут же извлекли на свет божий все древние легенды о египетских сокровищах и зловещие предостережения насчет оных. Не оставили в покое даже несчастную мумию из Британского музея, перетрудившуюся на ниве суеверий. И хотя все эти байки давно были опровергнуты историками, замшелая диковинка снова стала любимицей публики — зеваки толпами повалили в Музей.

Две недели спустя умер от заражения крови второй руководитель экспедиции — мистер Блайбнер. Еще через несколько дней в Нью-Йорке застрелился его племянник. О «проклятии Менхер-Ра» судачили на каждом углу, и обыватели до такой степени уверовали в мистическое всевластие давно почивших правителей Древнего Египта, что уже готовы были поклоняться им и приносить жертвы.

В это самое время Пуаро получил короткую записку от леди Уиллард. Вдова покойного археолога просила навестить ее в особняке на Кенсингтон-сквер. Я вызвался сопровождать моего друга.

Леди Уиллард была облачена в глубокий траур. На измученном лице этой высокой худощавой женщины лежала печать неизбывного горя.

— Благодарю, что так быстро откликнулись на мою просьбу, мсье Пуаро.

— Буду рад оказаться вам полезным, леди Уиллард. Вы хотели о чем-то со мной посоветоваться?

— Я знаю, что вы расследуете преступления, но я обращаюсь к вам не как к сыщику. Говорят, вы человек широких взглядов, обо всем судите непредвзято, а главное — у вас есть не только жизненный опыт, но и воображение. Мсье Пуаро, верите ли вы в существование потусторонних сил?

Прежде чем ответить, Пуаро немного помедлил. Казалось, он что-то прикидывает и взвешивает в уме. Наконец он заговорил:

— Леди Уиллард, я хочу, чтобы мы предельно ясно понимали друг друга. Не будем пускаться в отвлеченные философские размышления — полагаю, ваш интерес отнюдь не праздный. Вопрос, который вы мне задали, касается кончины вашего супруга?

— Так и есть, — была вынуждена признать его собеседница.

— Вы хотите поручить мне расследование обстоятельств его смерти?

— Я хочу, чтобы вы установили, есть ли хоть крупица правды во всей этой газетной болтовне. Три смерти, мсье Пуаро — каждая из них сама по себе вроде бы не вызывает подозрений, но все они произошли в течение месяца после вскрытия гробницы. Такое совпадение кажется невероятным. Конечно, сейчас пишут много всякой чепухи, но что если древние проклятья обладают такой мощью и действуют такими способами, которые современная наука не может даже вообразить? Ведь три смерти, одна за другой — это факт, и от него не отмахнуться! И я боюсь, мсье Пуаро, я ужасно боюсь. Возможно, это еще не конец.

— За кого вы боитесь, леди Уиллард?

— За сына. Когда пришло известие о смерти мужа, я была больна. Наш сын, который только что окончил Оксфорд, отправился в Египет. Он доставил тело отца на родину, а после похорон, несмотря на мои протесты и мольбы, вернулся на место раскопок. Им овладела археологическая лихорадка, и он твердо намерен довести дело до конца. Считайте меня легковерной дурочкой, мсье Пуаро, но я вне себя от страха. Вдруг дух это-

го мертвого фараона еще не утолил жажду мести? Возможно, вам кажется, что я мелю вздор, но…

— Нет, леди Уиллард, отнюдь, — прервал ее Пуаро. — Я, как и вы, не пренебрегаю суевериями. Более того, считаю, что в нашем мире они обладают величайшим могуществом.

Я с изумлением воззрился на моего друга. Никогда не замечал за Пуаро тяги к сверхъестественному. Но, похоже, маленький детектив говорил вполне серьезно.

— Вы хотите поручить мне защиту вашего сына? Обещаю приложить все усилия, чтобы обеспечить его безопасность.

— Верю, что вы убережете его от земного зла. Но сможете ли вы противостоять могуществу оккультных чар?

— В средневековых трудах, леди Уиллард, найдется множество способов борьбы с черной магией. Возможно, кое в чем тогдашние мистики разбирались получше наших высоколобых и чересчур образованных современников. Но прежде чем взяться за дело, я должен вооружиться фактами. Итак, ваш муж был ученым-египтологом?

— Да, он увлекся этой наукой еще в ранней юности и впоследствии сделался признанным мировым специалистом, одним из главных ав-

торитетов.

— Тогда как мистер Блайбнер, насколько я понимаю, был, скорее, любителем?

— Совершенно верно. Этот миллионер швырял деньги направо и налево, повинуясь мимолетному капризу. У него было множество увлечений, но, к счастью, моему мужу удалось пробудить в нем интерес к Древнему Египту. Благодаря финансированию мистера Блайбнера и состоялась экспедиция.

— А его племянник интересовался археологией? Он принимал какое-то участие в раскопках?

— Не думаю. Я вообще не знала о существовании этого племянника, пока не прочла в газетах известие о его трагической кончине. Мистер Блайбнер никогда о нем не упоминал. Сомневаюсь, что они с дядей были близки.

— Можете назвать остальных участников команды?

— Доктор Тоссвилл — так, знаете ли, мелкая сошка из Британского музея, мистер Шнайдер, эксперт нью-йоркского музея Метрополитен. Обязанности секретаря экспедиции выполнял какой-то молодой американец, на должность врача пригласили доктора Эймса. Ах, да, еще Хасан — преданный слуга моего мужа, он египтянин.

— А как звали секретаря-американца, не припомните?

— Кажется, Харпер, но я не уверена. Он совсем недавно начал работать у мистера Блайбнера, очень приятный молодой человек.

— Спасибо, леди Уиллард.

— Если вам еще что-то потребуется…

— На данный момент — ничего, благодарю. Положитесь на меня и будьте уверены — я сделаю все, чтобы защитить вашего сына. Во всяком случае, все, что в человеческих силах.

Кажется, последние слова не слишком обнадежили леди Уиллард — услышав их, она поневоле вздрогнула. Однако тот факт, что Пуаро воспринял все ее опасения с величайшей серьезностью, явно доставил вдове большое облегчение.

На обратном пути я принялся подтрунивать над неожиданно проявившейся у Пуаро склонности к мистицизму. Однако мой друг отреагировал без тени улыбки.

— Оставьте насмешки, Гастингс. Я действительно убежден в силе суеверий. И *вам* не стоит недооценивать их могущество.

— И как же мы будем с ними бороться?

— Ах, мой добрый Гастингс! *Тужу́р практи́к*! Как всегда, хватаете быка за рога! Бьен, для на-

чала мы телеграфируем в Нью-Йорк и запросим более подробную информацию о смерти молодого мистера Блайбнера.

Ответная депеша пришла незамедлительно и содержала исчерпывающие сведения.

Руперт Блайбнер вот уже много лет, что называется, сидел на мели. Какое-то время он перебивался случайными заработками на островах южных морей и редкими денежными переводами с родины. Два года назад он приехал в Нью-Йорк и с тех пор катился по наклонной. Немаловажным, на мой взгляд, был тот факт, что недавно ему удалось одолжить сумму, достаточную для поездки в Египет. «Там у меня есть приятель, который ни в чем мне не откажет», — хвастал он. Однако его планы пошли наперекосяк. Молодой Блайбнер вернулся в Нью-Йорк, ругая на все корки скрягу-дядюшку, которого мощи каких-то дохлых фараонов заботят больше, чем его собственная плоть и кровь. Кстати, именно во время краткосрочного визита Руперта в Египет произошла смерть сэра Джона Уилларда. В Нью-Йорке наш вертопрах снова погрузился в пучину разврата, а потом ни с того ни с сего застрелился, оставив весьма любопытное письмо. Кое-какие фразы оттуда свидетельствуют, что молодым человеком

овладел приступ горького раскаяния. Он называл себя прокаженным, изгоем и заканчивал предсмертное послание словами, что такому, как он, лучше умереть.

Смутная догадка зашевелилась в моем мозгу. Я никогда не верил во всю эту чушь о разгневанном фараоне, несущем отмщение за свой потревоженный покой. Здесь попахивало вполне современным преступлением — причем довольно банальным. Предположим, молодой повеса решил отправить на тот свет богатого дядюшку с помощью неизвестного яда. Но в результате какой-то ошибки смертельную дозу получает сэр Джон Уиллард. В отчаянии и ужасе Руперт Блайбнер возвращается в Нью-Йорк. Тут его настигает весть о смерти дяди. Он понимает, насколько бессмысленным было его преступление, и, терзаемый муками совести, накладывает на себя руки.

Я изложил свою теорию Пуаро, и он очень заинтересовался.

— Мон ами, это просто гениально. Это так остроумно, что даже могло бы оказаться правдой. Одного вы не учли: рокового фактора вскрытой гробницы.

Я пожал плечами.

— Вы все еще думаете, что она как-то связана с преступлением?

— Я до такой степени в этом уверен, что завтра же мы с вами отправляемся в Египет.

— Что?! — вскричал я, пораженный до глубины души

— Именно то, что вы слышали. — Выражение героя, идущего на подвиг, появилось на лице Пуаро. Затем его сменила гримаса отчаяния и мой друг застонал: — Но море, мон дьё! Проклятое море!

* * *

Неделю спустя под нашими ногами золотился песок пустыни, а макушки припекало жаркое солнце. Пуаро рядом со мной являл картину воплощенного страдания. Маленький бельгиец всегда был никудышным мореплавателем, а четырехдневное путешествие из Марселя стало для него сущей пыткой. В александрийском порту на берег сошла блеклая тень прежнего Пуаро, исчезло даже присущее ему педантичное стремление к опрятности. По прибытии в Каир мы сразу же отправились в отель «Мина-Хаус», расположенный в тени великих пирамид.

Египет очаровал меня с первой минуты нашего

знакомства. Но Пуаро здесь поджидали лишь новые мучения. Не пожелав сделать уступку местному климату, он расхаживал повсюду в лондонском костюме со специальной щеточкой для одежды в кармане. С ее помощью он вел нескончаемую борьбу с песчаной пылью, моментально оседавшей на темном сукне.

— А мои штиблеты! — сокрушался он. — Увы, Гастингс, посмотрите на мои лакированные штиблеты, всегда такие ухоженные и нарядные! Песок внутри истязает мои ступни! Песок снаружи терзает мое зрение и заставляет сердце обливаться кровью! А мои усы! От этой адской жары они не просто обмякли — они обвисли!

Я тщетно пытался его отвлечь.

— Лучше взгляните на Сфинкса! Даже я ощущаю магическую ауру тайны, которую он несет сквозь века.

— И вид у него при этом не очень-то счастливый, — буркнул Пуаро, недовольно покосившись на древнего исполина. — Впрочем, я его понимаю — станешь веселиться, если тебя по самые подмышки закопали в этот проклятый песок!

— Бросьте, Пуаро, в Бельгии тоже песка хватает, — запротестовал я, припомнив свой отпуск в Кноккё-сюр-Мер, в путеводителе уклончиво

именуемом «уединенным местечком среди бескрайних дюн».

— Только не в Брюсселе! — отрезал Пуаро. На пирамиды он взглянул более благосклонно. — Похвально, что они хотя бы имеют правильную геометрическую форму, но вблизи видно, что поверхность их крайне неровная и неопрятная. А эти пальмы! Они вызывают у меня отвращение! Неужели нельзя было посадить их аккуратными рядами!

Я безжалостно прервал его стенания, предложив выдвигаться в путь. Верблюды, на которых мы должны были ехать в лагерь археологов, уже давно терпеливо стояли на коленях, пока живописные мальчишки-погонщики чесали языки с нашим словоохотливым драгоманом.

Не стану в подробностях описывать душераздирающее зрелище под названием «Пуаро на верблюде». Началось все со стонов и причитаний, а закончилось воплями, яростной жестикуляцией и отчаянными призывами к деве Марии и каждому святому, упомянутому в календаре. В конце концов Пуаро с позором был ссажен с верблюда и продолжил путешествие верхом на маленьком ослике. Впрочем, поездка на скачущем рысью верблюде — и впрямь развлечение на любителя.

Должен признаться, сам я еще несколько дней спустя не мог толком разогнуться.

Наконец мы достигли места, где проводились раскопки. Из лагеря нам навстречу вышел загорелый седобородый человек в белой одежде и пробковом шлеме.

— Мсье Пуаро и капитан Гастингс? Мы получили вашу каблограмму, но, к сожалению, никто не смог поехать в Каир, чтобы встретить вас там. Наши планы расстроило непредвиденное событие.

Пуаро побледнел. Его рука, подбиравшаяся к заветной платяной щеточке, застыла на полпути.

— Неужели еще одна смерть? — пробормотал он.

— Увы.

— Но это же не сэр Гай Уиллард? — воскликнул я.

— Нет, капитан Гастингс. Это мой американский коллега, доктор Шнайдер.

— А причина смерти? — резко спросил Пуаро.

— Столбняк.

Несмотря на жару, меня прошиб холодный пот. Воздух был словно пропитан злом, невидимым и неотвратимым. Ужасная мысль посетила меня: кто станет следующей жертвой? Быть может, я?

— Мон дьё, какой непостижимый ужас, — ти-

хонько произнес Пуаро. — Мсье, вы уверены, что это был столбняк?

— У меня нет оснований для сомнений. Но доктор Эймс, конечно, сможет рассказать куда больше.

— А! Так, стало быть, вы…

— Моя фамилия Тоссвилл.

Так вот он какой, эксперт из Британского музея, «мелкая сошка», как выразилась леди Уиллард. На меня он произвел иное впечатление– была во всем его облике какая-то затаенная скорбь, а в манере держаться нечто суровое и непреклонное, с первого взгляда внушавшее почтение.

— Соблаговолите следовать за мной, — продолжал доктор Тоссвилл, — я представлю вас сэру Гаю Уилларду. Он настаивал, чтобы его тотчас уведомили о вашем прибытии.

Нас провели через весь лагерь к самой большой палатке. Доктор Тоссвил поднял полог, и мы проскользнули внутрь.

— Сэр Гай, мсье Пуаро и капитан Гастингс благополучно добрались, — сообщил Тоссвилл.

Самый молодой из троих сидевших в палатке мужчин вскочил и кинулся здороваться. Поведению сэра Гая была свойственна некоторая порывистость, напомнившая мне его мать. Он

был не таким загорелым, как другие участники экспедиции, и эта бледность, а также глубокие тени вокруг глаз, делали его старше своих двадцати двух лет. Им явно владело какое-то сильное умственное напряжение, из-за которого ему постоянно приходилось сдерживать себя.

Он представил своих соратников — доктора Эймса, смышленого на вид человека лет тридцати с небольшим, но с рано поседевшими висками, и секретаря экспедиции мистера Харпера, симпатичного тощего паренька в очках в роговой оправе, по которым в любом уголке света можно опознать американского интеллектуала.

Поболтав с нами пару минут на отвлеченные темы, Харпер откланялся, доктор Тоссвилл последовал за ним. Остались мы, сэр Гай и доктор Эймс.

— Не стесняйтесь, мсье Пуаро, спрашивайте обо всем, что вас интересует, — сказал Уиллард. — Но, разумеется, цепь странных несчастий, поразивших нас, объясняется лишь роковым совпадением.

Впрочем, в поведении баронета чувствовалась нервозность, противоречащая его уверенным словам. Я заметил, что Пуаро пристально изучает молодого человека.

— Вы твердо намерены закончить работу вашего отца, сэр Гай? — спросил маленький бельгиец.

— Во что бы то ни стало! Что бы ни случилось, раскопки будут продолжаться, так и знайте!

Пуаро повернулся к другому участнику экспедиции:

— А вы что на это скажете, мсье доктор?

— Что ж, — пожал плечами доктор Эймс, — я не привык сдаваться без боя.

Пуаро скорчил одну из своих выразительных гримас.

— Ну, осталось выяснить, против кого мы сражаемся. Когда скончался мистер Шнайдер?

— Три дня назад.

— Вы уверены в том, что это был столбняк?

— Абсолютно уверен.

— А не могли бы вы принять за проявление столбняка, скажем, симптомы отравления стрихнином?

— Нет, мсье Пуаро. Я понимаю к чему вы клоните. Признаки действительно во многом схожи, но уверяю вас — это был классический случай столбняка.

— Вы впрыскивали больному анатоксин?

— Конечно. Я испробовал все, что могло бы ему помочь, — сухо сказал доктор.

— Вы привезли противостолбнячную сыворотку с собой?

— Нет, мы запаслись ею в Каире.

— Были в лагере еще случаи столбняка?

— Ни одного.

— А смерть мистера Блайбнера не могла быть вызвана этим заболеванием?

— Ни в коем случае. Он поранил большой палец, туда попала инфекция и начался обширный сепсис. Простите, может на взгляд дилетанта эти два заболевания и схожи, но профессионал ни за что их не спутает.

— В таком случае у нас имеются четыре смерти от совершенно разных причин: один сердечный приступ, одно заражение крови, одно самоубийство и один столбняк.

— Совершенно верно, мсье Пуаро.

— Вы уверены, что эти четыре случая абсолютно ничего не связывает?

— Кажется, я не совсем вас понимаю.

— Выскажусь напрямик. Не совершали ли эти четверо каких-либо поступков, которые могли быть сочтены неуважением к духу Менхер-Ра?

Доктор смерил Пуаро взглядом, в котором сквозило бесконечное изумление.

— Ну и ну, мсье Пуаро, что еще за бредни? Не

хотите ли вы сказать, что поверили газетным байкам о проклятии?

— Полная ерунда! — сердито пробормотал Уиллард.

Пуаро остался безмятежен, но в его глазах мерцали зеленые кошачьи искорки.

— Значит, вы не верите в проклятье, мсье лё докте́р?

— Нет, сэр, решительно не верю, — выпалил доктор. — Я человек просвещенный и верю лишь в то, что может объяснить наука.

— Но разве в Древнем Египте не существовало науки? — мягко спросил Пуаро. — Казалось, доктор Эймс на какое-то время лишился дара речи, и Пуаро замахал руками: — Нет-нет, не отвечайте. Лучше расскажите мне, что обо всем этом думают ваши рабочие, они ведь из местных?

— Если белые теряют голову, что уж говорить о туземцах, — буркнул доктор Эймс. — Признаю́, они, как говорится, напуганы до чертиков. Но никаких оснований для паники у них нет.

— Любопытная точка зрения, — заметил Пуаро.

Сэр Гай подался к нему.

— Не хотите же вы сказать… что всерьез воспринимаете эту чепуху? — недоверчиво спросил

он. — Абсурд! Если вы повторяете подобные измышления, значит вы ровным счетом ничего не знаете о Древнем Египте.

Вместо ответа Пуаро помахал у него перед носом маленькой книжкой — старинным томиком с ветхой обложкой, который он вытащил из кармана. Я успел прочитать название: «Магия египтян и халдеев». Затем Пуаро развернулся и вышел из палатки.

Доктор ошарашенно уставился на меня.

— У него что, есть какая-то особенная маленькая идея?

Я улыбнулся, услышав знакомое выражение — сколько раз мне доводилось слышать его от Пуаро!

— Точно не знаю, — признался я. — Кажется, он собирается изгонять из лагеря злых духов, или что-то в этом роде.

Я отправился на поиски Пуаро и обнаружил его в компании юного американца, секретаря покойного мистера Блайбнера.

— Нет, — говорил мистер Харпер. — С экспедицией я работаю всего шесть месяцев. Да, состояние дел мистера Блайбнера мне хорошо известно.

— А что вы можете рассказать о его племян-

нике?

— Однажды он появился здесь — как снег на голову. Вроде симпатичный парень. Я его в первый раз тогда увидел, но кое-кто из наших знавал его прежде — Шнайдер, и, по-моему, Эймс. Старикан, скажу я вам, был совсем не в восторге от встречи с племянником. Они моментально поцапались. «Ни единого цента!» — вопил старик. «Ты не получишь ни гроша — ни сейчас, ни после моей смерти! Я уже пообещал мистеру Шнайдеру, что все мои деньги пойдут на завершение главного дела моей жизни!» И так далее в том же духе. Молодой Блайбнер плюнул и повернул назад в Каир.

— Он выглядел здоровым в этот день?

— Кто, старик?

— Нет, племянник.

— Кажется, он действительно упоминал о каком-то недомогании, но ничего серьезного, иначе я бы запомнил.

— А скажите, мистер Блайбнер составил завещание?

— Насколько я знаю — нет.

— Вы остаетесь с экспедицией, мистер Харпер?

— Нет, сэр, вернусь в Нью-Йорк, как только приведу в порядок все дела. Можете смеяться

надо мной, но я вовсе не желаю попасть в лапы этого мстительного старикашки Менхер-Ра, а так и случится, если я буду торчать здесь.

Молодой человек вытер пот со лба.

Пуаро повернулся, чтобы уйти, но напоследок бросил через плечо с загадочной улыбкой:

— Помните, мистер Харпер: одну из своих жертв он настиг в Нью-Йорке.

— О, дьявол! — с чувством сказал американец.

Когда мы остались наедине, Пуаро задумчиво произнес:

— Этот молодой человек очень нервничает. Он уже на грани, поверьте мне на слово.

Я с любопытством взглянул на Пуаро, но его непостижимая улыбка ничего мне не сказала.

Вместе с сэром Гаем Уиаллардом и доктором Тоссвиллом мы обошли весь район раскопок. Главные находки уже переправили в Каир, но остались некоторые чрезвычайно любопытные предметы интерьера, найденные в гробнице. Молодой баронет явно горел энтузиазмом, но мне показалось, что его пыл даже несколько чрезмерен, словно он пытался заглушить смутное чувство тревоги. Направляясь к отведенной нам палатке, чтобы умыться перед ужином, мы столкнулись с высоким смуглым человеком в

белом бурнусе. Учтиво посторонившись, чтобы пропустить нас, он пробормотал арабское приветствие. Пуаро остановился.

— Вы ведь Хасан, слуга сэра Джона Уилларда?

— Я служил моему господину сэру Джону, теперь служу его сыну. — Приблизившись к нам на пару шагов, египтянин тихо сказал: — Говорят, вы мудрый, можете одолеть злых духов. Посоветуйте молодому хозяину уезжать. Здесь повсюду бродит зло.

И, не дожидаясь ответа, Хасан быстро зашагал прочь.

— Повсюду бродит зло, — пробормотал Пуаро. — Да, я тоже ощущаю его присутствие.

Обстановку, в которой прошел ужин, было трудно назвать жизнерадостной. Говорил в основном доктор Тоссвилл — очевидно, на излюбленную тему египетских древностей он мог рассуждать вечно. Когда мы уже собирались отправляться спать, сэр Гай неожиданно схватил Пуаро за руку и молча ткнул пальцем в проход между палаток. На фоне белой парусины двигалась темная фигура. Она принадлежала не человеку — на плечах существа я отчетливо различил собачью голову и вспомнил, что похожее изображение было высечено на стенах гробницы.

От этого зрелища у меня буквально кровь застыла в жилах.

— Мон дьё! — пробормотал Пуаро, усердно осеняя себя крестным знамением. — Анубис! Бог с головой шакала, который является за душами умерших!

— Кто-то нас морочит! — возмущенно вскочил на ноги доктор Тоссвилл.

— Он зашел в вашу палатку, Харпер, — пролепетал сэр Гай, лицо его было белым как мел.

— Нет, — покачал головой Пуаро. — В палатку доктора Эймса.

Врач недоверчиво на него посмотрел, а затем сказал в тон доктору Тоссвиллу:

— Нас кто-то дурачит. Давайте-ка поймаем этого типа.

Он погнался за таинственным существом, я последовал за ним, но сколько бы мы не рыскали по лагерю, нам не удалось обнаружить ни человека, ни привидения, ни малейших следов чьего-то присутствия. Посрамленные и сбитые с толку мы были вынуждены вернуться. Оказалось, что Пуаро за время нашего отсутствия развил бурную деятельность с целью обеспечить собственную безопасность. Он разрисовал песок вокруг нашей палатки таинственными значками и фигурами,

среди которых я узнал многократно повторенную пентаграмму. При этом Пуаро, по своему обыкновению, читал окружающим импровизированную лекцию о колдовстве и белой магии, которую он противопоставлял черной. Время от времени он с таинственным видом упоминал жизненную эманацию Ка и цитировал Книгу мертвых.

Все эти выходки вызвали нескрываемое презрение доктора Тоссвилла. Он отвел меня в сторону, буквально кипя от негодования.

— Вздор, сэр! Этот человек несет несусветную ахинею! — яростно шипел он. — Он просто шарлатан, который не знает разницы между средневековыми предрассудками и египетской религией. Никогда еще не сталкивался с такой вопиющей смесью невежества и суеверия!

Я, как мог, постарался успокоить возмущенного ученого и присоединился к Пуаро, который уже расположился в палатке, сияя от самодовольства.

— Теперь мы можем спать спокойно! — радостно заявил он. — А мне не помешает выспаться — ужасная мигрень! Ах, сейчас бы глоточек славного травяного настоя!

И, словно в ответ на его молитвы, полог палатки приподнялся и вошел Хасан с дымящейся чашкой

в руках. Это оказался чай из ромашки, который мой друг просто обожал. Поблагодарив Хасана и решительно отказавшись от предложения заварить еще чашечку для меня лично, я выпроводил слугу, и мы остались одни. Раздевшись, я еще какое-то время стоял на пороге, мечтательно вглядываясь в пустыню.

— Какое волшебное место! — сказал я вслух. — И до чего замечательная работа у этих людей! Жить в пустыне, проникать в самое сердце исчезнувшей цивилизации — сколько в этом очарования! Неужели вы его не чувствуете, Пуаро?

Не получив ответа, я повернулся, изрядно раздосадованный. Но мое раздражение тут же сменилось ужасом. Пуаро лежал навзничь поперек грубо сколоченного топчана, лицо искажено жуткой гримасой. Рядом валялась пустая чашка. Я кинулся к нему, а затем стрелой полетел через весь к лагерь к палатке доктора Эймса.

— Доктор! — заорал я. — Сюда, скорее!

— В чем дело? — спросил доктор, появляясь на пороге в пижаме.

— Мой друг… Он болен…. Умирает…. Настой из ромашки. Пусть кто-то проследит, чтобы Хасан не покидал лагерь…

Доктор побежал следом за мной к нашей па-

латке. Пуаро лежал в той же позе, в которой я его оставил.

— Как странно! — воскликнул Эймс. — Похоже на припадок. Вы сказали, он что-то выпил? — Он поднял пустую чашку.

— Да нет, я этого не пил, — раздался позади нас спокойный голос.

Мы обернулись и застыли от изумления. Пуаро сидел на своей койке и улыбался.

— Я этого не пил, — повторил он в самом благодушном расположении духа. — Пока мой добрый друг Гастингс наслаждался красотой египетской ночи, я, вместо того, чтобы выпить свой чай, вылил содержимое чашки в маленькую бутылочку. Она отправится на анализ в химическую лабораторию. Нет-нет, не стоит! — предупредил он порыв доктора Эймса, — вы же человек разумный, и понимаете, что насилие тут не поможет. За время краткого отсутствия Гастингса я успел припрятать бутылочку. Боже мой, Гастингс, скорее, держите его!

Я неправильно истолковал тревогу в голосе Пуаро. В стремлении спасти друга, я загородил его собой, но резкий жест доктора Эймса имел другую цель. Его рука коснулась рта, по палатке разлился горький запах миндаля, доктор пошат-

нулся и упал лицом вниз.

— Еще одна жертва, — вздохнул Пуаро. — Но на сей раз последняя. Возможно, для него это был лучший выход, ведь на его совести три смерти.

— Так всему виной доктор Эймс? — вскричал я, выйдя из ступора. — Зачем же вы притворялись, что верите в некие оккультные силы?

— Вы неправильно меня поняли, Гастингс. Я сказал, что убежден в ужасающей силе суеверий. Стоит пустить слух, что серия смертей связана с потусторонним миром, и вы можете творить что угодно, буквально прикончить человека среди бела дня — всё спишут на древнее проклятье. Вот до чего укоренился в человеческой расе инстинкт преклонения перед сверхъестественным. Я с самого начала подозревал, что кто-то воспользовался этой слепой верой. Идея, конечно, родилась после внезапной кончины сэра Джона Уилларда. Сразу же поползли слухи, что здесь не обошлось без проклятья фараона. Как я выяснил, смерть сэра Джона никому не могла принести особой выгоды. Другое дело — мистер Блайбнер, обладатель огромного состояния. В досье на его племянника, которое мы получили из Нью-Йорка, было много примечательной информации. Прежде всего, заявление молодого Блайбнера

о том, что он рассчитывает на помощь друга, который находится в Египте. По умолчанию все решили, что он имеет в виду своего дядю, но мне показалось, что в таком случае у Руперта не было никаких оснований выражаться обиняками. Нет, скорее всего, речь действительно шла о каком-то друге, причем довольно близком. Далее — нам известно, что молодой человек еле-еле наскреб денег на поездку в Египет, а дядя наотрез отказался раскошелиться. И все же Руперт ухитрился как-то вернуться в Нью-Йорк. Кто-то должен был оплатить его проезд.

— Все это только догадки, — возразил я.

— Но есть и факты, Гастингс. Очень часто люди говорят что-то в переносном смысле, а их слова истолковываются буквально. Однако случается и обратное! В данном случае человек высказался буквально, а его слова сочли метафорой. Молодой Блайбнер написал четко и ясно: «Я прокаженный». Но никто не понял, что он застрелился, потому что считал себя обреченным на медленную смерть от неизлечимой болезни.

— Что?! — завопил я.

— Искусная выдумка дьявольского ума, Гастингс. Молодой Блайбнер страдал безвредным кожным заболеванием, он подцепил его где-то

на островах южных морей, там подобное не редкость. Ему и в голову не пришло бы подвергать сомнению страшный диагноз Эймса — опытного врача, да к тому же давнего друга. Когда мы приехали сюда, в своем выборе подозреваемых я колебался между доктором Эймсом и Харпером, но вскоре понял, что только врач мог совершить два убийства в лагере и подстроить еще одну смерть в Нью-Йорке. Затем я узнал от Харпера, что доктор был знаком с молодым Блайбнером. Вне всяких сомнений, Руперт написал завещание, или застраховал свою жизнь в пользу Эймса. Последний увидел шанс разбогатеть. Сделать мистеру Блайбнеру инъекцию смертоносного штамма было проще простого. Племянник, выслушав от друга свой приговор, застрелился сам. Мистер Блайбнер, хоть и преисполненный филантропических намерений, завещания не оставил. Его миллионы наследовал племянник, а после его кончины — доктор.

— А для чего было убивать мистера Шнайдера?

— Тут мы не можем быть уверены. Но вспомните: он тоже был знаком с молодым Блайбнером и, увидев их вместе с Эймсом, мог что-то заподозрить. А с другой стороны, возможно, убийца хотел добавить новое звено в цепь зловещих

событий, подкрепив тем самым легенду о проклятии фараона. Помимо всего прочего, Гастингс, существует любопытный психологический феномен. Совершив преступление и избежав разоблачения, убийца испытывает непреодолимое желание повторить свой успех. Вот почему я всерьез опасался за жизнь молодого Уилларда. Жуткого Анубиса, которого вы видели сегодня вечером, по моему приказу изображал Хасан. Я хотел проверить, не выдаст ли себя доктор. Но у него слишком крепкие нервы, сверхъестественными явлениями его не проймешь. Не обманул его и маленький спектакль, который я разыграл с целью убедить его в своей вере в оккультные силы. Сомнений не было — именно я стану новой жертвой! Ах, друг мой, несмотря на морскую болезнь, невыносимую жару и засилье песка, мои серые клеточки все еще функционируют!

Разумеется, Пуаро оказался совершенно прав. Следователи обнаружили завещание молодого Блайбнера, составленное несколько лет тому назад в пьяном угаре — должно быть, тогда этот документ казался ему очень остроумным. «Моему доброму другу Роберту Эймсу, за то, что спас меня, когда я тонул, оставляю мой портсигар, которым он так восхищается, и все, чем буду владеть на

момент смерти, хотя, боюсь, это будут сплошные долги».

Дело не стали предавать огласке. Так что досужие болтуны и по сей день повторяют историю о массовой гибели несчастных археологов, осквернивших гробницу фараона Менхер-Ра. Эту историю приводят в доказательство могущества египетских царей, способных и с того света покарать тех, кто дерзнет потревожить их покой и посягнет на их сокровища. Впрочем, Пуаро охотно объяснит всем желающим, что подобные байки совершенно противоречат всем верованиям и учениям древних египтян.

VII. Переполох в отеле «Гранд-Метрополитен»

— Пуаро, старина, — сказал я, — смена обстановки пойдет вам на пользу.

— Вы так думаете, мон ами?

— Я в этом уверен.

— А-а-а! — Мой друг расплылся в улыбке. — Стало быть, вы уже все устроили?

— Поедете со мной?

— Куда вы хотите меня отвезти?

— В Брайтон. Один приятель в Сити уговорил меня вложиться в очень выгодную сделку, и теперь у меня завелись лишние деньги, которые, в полном соответствии с народной мудростью, жгут мне карман. Вот я и решил, что неплохо бы нам провести уик-энд в «Гранд-Метрополитене».

— С большой благодарностью принимаю ваше приглашение. У вас доброе сердце — как великодушно с вашей стороны позаботиться о старине Пуаро. А доброе сердце, в конце концов, куда важнее, чем миллионы серых клеточек. Да-да! Хоть я порой и забываю об этом, каюсь.

Комплимент не то чтобы пришелся мне по

вкусу. Иногда мне кажется, что Пуаро намеренно занижает оценку моих интеллектуальных способностей. Но сейчас его радость была так очевидна, что я без труда поборол легкое раздражение и поспешно сказал:

— Что ж, значит, договорились.

В субботу вечером мы наслаждались ужином в «Гранд-Метрополитене» в окружении нарядной и оживленной публики. Зал ресторана был переполнен. Похоже, все лондонские шишки съехались в Брайтон, прихватив с собой жен. Туалеты дам были роскошны, а драгоценности ослепительны, хотя их обилие свидетельствовало скорее о богатстве, чем о хорошем вкусе.

— Вот это зрелище! — пробормотал Пуаро. — Друг мой, вам не кажется, что мы угодили на какой-то шабаш спекулянтов и прощелыг?

— Похоже на то, — ответил я. — Остается надеяться, что среди постояльцев все же затесались люди из приличного общества.

Пуаро беззастенчиво рассматривал посетителей ресторана.

— Знаете, при виде такого количества драгоценностей я начинаю сожалеть, что обратил свои гениальные умственные способности к раскрытию преступлений, вместо того чтобы их

совершать. Сколько возможностей для вора-виртуоза! Взгляните на корпулентную даму, которая сидит возле вон той колонны, Гастингс! Ни дать, ни взять — рождественская елка!

Я проследил за его взглядом и воскликнул:

— Да это же миссис Опалсен!

— Вы с ней знакомы?

— Немного. Ее муж — биржевой брокер, сколотил целое состояние во время последнего нефтяного бума.

После ужина мы столкнулись с Опалсенами в гостиной и я представил им моего друга. Мы поболтали о том о сем и решили вместе выпить кофе.

Пуаро похвалил несколько особенно крупных дорогих камней, сверкавших на пышной груди миссис Опалсен, и та буквально растаяла от счастья.

— Это моя единственная страсть, мистер Пуаро! Я просто обожаю украшения. Эд знает мою слабость, и всякий раз, провернув удачную сделку, он покупает мне подарок. А вы хорошо разбираетесь в ювелирных изделиях?

— Доводилось пару раз иметь с ними дело, мадам. Моя профессия позволила мне свести близкое знакомство с кое-какими драгоценными

камнями, знаменитыми на весь мир.

Используя прозрачные намеки и вымышленные имена, Пуаро поведал увлекательную историю о похищении исторического украшения, красы и гордости одного из королевских домов. Миссис Опалсен слушала затаив дыхание.

— Боже мой, это похоже на волшебную сказку! — восхищенно ахнула она, дослушав до конца. — А знаете, у меня есть жемчуг, о котором тоже можно рассказать много чего интересного. Я считаю, что мое колье — одно из самых красивых в мире, жемчужины идеально подобраны по размеру и по оттенку. Я сейчас же принесу его и покажу вам!

— Умоляю, мадам, не утруждайтесь ради меня, — запротестовал Пуаро.

— Нет-нет, вы непременно должны на него взглянуть!

И тучная леди на всех парусах понеслась к лифту. Ее муж прервал беседу со мной и вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Мадам ваша супруга была так любезна, что решила позволить мне полюбоваться ее жемчужным ожерельем, — пояснил маленький бельгиец.

— А, жемчуг! — Опалсен расплылся в само-

довольной улыбке. — Да уж, там есть на что посмотреть! Надо сказать, эта безделушка обошлась мне в кругленькую сумму! Но это все равно что положить деньги в банк — в любой момент я могу выручить за это колье столько же, сколько заплатил, а то и подзаработать! Если дела и дальше так пойдут, возможно, этого не избежать. Сейчас в Сити туго с монетой — а все из-за чертова налога на сверхприбыль! — и он продолжил изливать свои жалобы, так густо пересыпанные специальным биржевым жаргоном, что я уже не мог понять ни слова.

Нескончаемые разглагольствования прервал мальчик-посыльный: он подбежал к Опалсену и что-то быстро зашептал ему на ухо.

— Э… что такое? Немедленно иду наверх. Надеюсь, она не заболела? Прошу прощения, джентльмены.

И он тотчас нас покинул. Пуаро устроился в кресле поудобнее и закурил одну из своих любимых русских папиросок. Затем очень тщательно выстроил пустые кофейные чашки в аккуратный ряд и с удовлетворением обозревал дело рук своих.

Время шло, но Опалсены не показывались.

— Странно все это, — не выдержал я. — Когда,

интересно, они собираются вернуться сюда?

Пуаро поглядел на восходящие к потолку спирали табачного дыма и неторопливо произнес:

— А они не вернутся.

— Почему это?

— Видите ли, мой друг, что-то произошло.

— Что могло произойти? И откуда вы об этом узнали?

Пуаро снисходительно усмехнулся.

— Несколько минут назад из своего кабинета выскочил управляющий и с неприличной для его возраста и положения скоростью припустил вверх по лестнице. Мальчик-лифтер, забыв о своих обязанностях, о чем-то болтает с одним из рассыльных, да так увлеченно, что не обращает внимания на сигналы подъемника, а ведь звонок прозвучал уже трижды. И наконец, даже у наших официантов крайне взволнованный вид, а уж для того, чтобы официанты такого класса утратили обычную невозмутимость… — Пуаро с важностью покачал головой… — Должно случиться нечто из ряда вон выходящее. Да, я так и думал. Вот и полиция.

В холл гостиницы вошли двое — один в форме, другой в штатском. Они переговорили с посыльным, и их немедленно проводили наверх. Через

несколько минут тот же парнишка сбежал по лестнице и направился к нашему столику.

— Мистер Опалсен со всем почтением просит вас, джентльмены, подняться к ним.

Пуаро словно только того и ждал — мигом вскочил на ноги. Я ринулся за ним с не меньшим азартом.

Апартаменты четы Опалсенов находились на втором этаже. Постучав в дверь, посыльный ретировался, а мы, услышав «Войдите!», тотчас последовали приглашению. В комнате, которая, без сомнения, являлась спальней миссис Опалсен, царил настоящий бедлам. Хозяйка безудержно рыдала, полулежа в кресле. Потоки слез произвели непоправимые разрушения на ее лице, проложив глубокие борозды в толстых пластах пудры. Мистер Опалсен сердито расхаживал взад-вперед. Сотрудники полиции стояли посреди комнаты, один держал в руке блокнот. До смерти перепуганная гостиничная горничная сжалась в уголке у камина, а на другом конце спальни причитала и заламывала руки молодая француженка, по всей видимости, камеристка миссис Опалсен. Она явно вознамерилась превзойти госпожу в роли убитой горем жертвы.

И вот посреди этого хаоса с улыбкой на устах

явился Пуаро — воплощение элегантности и хладнокровия. С потрясающей для ее комплекции резвостью миссис Опалсен выскочила из глубин своего кресла и бросилась к маленькому бельгийцу.

— О, какое счастье… Пусть Эд говорит что угодно, но я верю в перст Судьбы! Мне было предначертано встретиться с вами нынче вечером, и я твердо знаю, что если вы не сможете вернуть мне мой жемчуг — то и никто не сможет!

— Мадам, умоляю, возьмите себя в руки! — И Пуаро ободряюще похлопал ее по пухлому предплечью. — Успокойтесь, прошу вас. Все будет хорошо. Эркюль Пуаро непременно вам поможет.

Мистер Опалсен повернулся к инспектору полиции.

— Полагаю, у вас не будет возражений, если я… э-э… привлеку к делу этого джентльмена?

— Ни малейших, сэр, — ответил детектив вежливо, но с полным безразличием. — А теперь, если ваша леди немного оправилась, может быть, она расскажет, что именно случилось?

Миссис Опалсен с мольбой посмотрела на Пуаро. Он взял ее под руку и препроводил на прежнее место.

— Садитесь, мадам, и поведайте нам все. Спокойно и по порядку.

Эти уговоры возымели действие. Миссис Опалсен осушила слезы платочком и приступила к рассказу.

— После ужина я поднялась наверх за жемчужным колье, которое обещала показать мистеру Пуаро. В спальне находились горничная и Селестина– как обычно.

— Пардон, мадам, но что вы имеете в виду под словами «как обычно»?

Тут вмешался мистер Опалсен.

— Я распорядился, чтобы никто из служащих отеля не входил в эту комнату без сопровождения Селестины. Горничная убирает в спальнях по утрам и готовит постели вечером лишь при условии, что здесь находится наша служанка, в противном случае персоналу запрещено появляться в комнате.

— Значит, как я уже говорила, я зашла в спальню, — продолжала миссис Опалсен, — и открыла вот этот ящик. — Кивком она указала на нижнее отделение в левой тумбе туалетного столика. — Достала шкатулку с драгоценностями, отперла замок. Все на месте, а жемчужное колье исчезло!

Инспектор лихорадочно строчил в блокноте.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросил он.

— Перед тем, как спуститься к ужину.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я еще подумывала надеть его, но потом остановила выбор на гарнитуре с изумрудами и положила жемчуг назад в шкатулку.

— А кто запер шкатулку?

— Я сама. Я всегда ношу ключ от замка на цепочке. — Миссис Опалсен извлекла из недр декольте ключик и продемонстрировала его нам.

Инспектор, осмотрев его, пожал плечами.

— Должно быть, вор сделал дубликат. Это не составило труда, замок довольно примитивный. А что вы сделали со шкатулкой после того, как заперли ее?

— Положила в этот ящик, как всегда.

— Ящик вы тоже заперли?

— В этом не было нужды. Селестине запрещено выходить из спальни до моего возвращения.

Инспектор нахмурился.

— Правильно ли я вас понял, мэм? Когда вы отправились ужинать, колье оставалось в спальне, а служанка не покидала комнату ни на минуту?

Селестина как будто лишь сейчас осознала до конца весь ужас своего положения. Внезапно она

испустила пронзительный вопль и подбежала к Пуаро, изливая поток бессвязных восклицаний на французском.

Что за гнусное обвинение! Они смеют подозревать ее — ее, Селестину! — в том, что она обокрала мадам! Безграничная тупость этих английских полицейских известна всему миру! Но, разумеется, мсье, будучи истинным французом…

— Бельгийцем, — ввернул Пуаро, — но Селестину было не смутить такими мелочами.

… мсье, конечно, не станет стоять в стороне пока ее, Селестину, несправедливо оговаривают, и не позволит выйти сухой из воды этой нахалке горничной — ведь всем известно, что гостиничные слуги тащат все, что не прибито! Она, Селестина, сразу поняла, с кем имеет дело — посмотрите на эту краснорожую англичанку, прирожденная воровка! Уж она-то, Селестина, всегда была настороже, пока эта девка прибиралась в спальне мадам! Пусть болваны-полицейские немедленно ее обыщут, и провалиться ей, Селестине, на месте, если ожерелье мадам не обнаружится за пазухой этой прохиндейки!

Хотя все эти обвинения излагались яростной французской скороговоркой, благодаря красноречивой жестикуляции от горничной не укрылся

смысл монолога Селестины. Она покраснела и сердито выкрикнула:

— Если эта иностранка утверждает, что я украла жемчуг, она *л*жет! Я в глаза его не видела!

— Обыщите ее! — завопила француженка! — И тогда мы узнаем, кто из нас лгунья!

— Да уж, давай-ка разберемся, — горничная с угрожающим видом приблизилась к ней вплотную. — Может, это ты стибрила побрякушки и хочешь все повесить на меня? Я ведь пробыла в спальне минуты три, не больше, и тут же появилась леди. А ты все время караулила, точно кошка у мышиной норки!

Инспектор вопросительно посмотрел на Селестину:

— Это правда? Вы не покидали спальню?

— Ну, надолго я ее не оставляла, — неохотно признала француженка. — Но я дважды выходила в свою комнату — за катушкой ниток, а потом за ножницами. Должно быть, тогда-то она все и провернула.

— Ты даже минуты там не пробыла! — взвилась горничная. — Выскочила, и снова тут как тут. Впрочем, дело за полицией. *Я-то* не стану возражать против обыска. *Мне-то* бояться нечего.

Раздался стук в дверь, и инспектор отправился

открывать.

— А вот и вы! Наконец-то! — Он повернулся к нам с просветлевшим лицом. — Я послал за одной из наших сотрудниц, она поможет нам в этом деликатном деле. Будьте так добры, мисс, пройдите в соседнюю комнату.

Он выразительно посмотрел на горничную, та гордо вздернула подбородок и проследовала в указанном направлении в сопровождении сыщицы.

Француженка рухнула в кресло и снова зашлась в плаче. Пуаро тем временем внимательно разглядывал спальню.

— Куда она ведет? — он кивком указал инспектору на дверь возле окна.

— Должно быть, в соседний номер, — сказал инспектор. — Впрочем, какая разница, ведь с этой стороны она все равно заперта.

Пуаро подошел к двери, попытался открыть, переместил задвижку, и снова подергал ручку.

— И с той стороны тоже, — заметил он. — Этот путь можно исключить.

Он подошел к окнам и внимательно осмотрел рамы и шпингалеты.

— Отсюда тоже не пробраться. Даже балкона нет…

— А если бы и был, — оборвал его инспектор, — не вижу, как бы преступник сумел им воспользоваться, если служанка безвылазно сидела в спальне.

— Да, я и забыл, — отозвался Пуаро, ничуть не смущенный этой отповедью. — Конечно, раз мадемуазель утверждает, что не покидала комнату…

Тут вошли горничная и женщина-констебль.

— Ничего, — лаконично объявила сыщица.

— Что и требовалось доказать! — фыркнула горничная с видом оскорбленной добродетели. — Эта французская потаскушка еще поплатится за то, что возвела поклеп на честную девушку!

— Ну-ну, дитя мое, все уже позади. Никто тебя ни в чем не обвиняет, примирительно сказал инспектор и распахнул перед ней дверь. — Иди, займись своими делами.

Горничная не торопилась уходить.

— А её вы не собираетесь обыскать? — она ткнула пальцем в Селестину.

— Да-да, непременно! — И, захлопнув за ней дверь, инспектор с облегчением запер ее на ключ.

Настала очередь Селестины проследовать в смежную комнату под конвоем женщины-кон-

стебля. Через несколько минут они вернулись — с тем же отрицательным результатом.

Лицо инспектора омрачилось.

— Боюсь, мисс, вам все же придется проехать с нами. — Он повернулся к миссис Опалсен: — Простите, мадам, но многие обстоятельства свидетельствуют против этой молодой особы. Раз жемчуг не нашли при личном обыске, стало быть, он спрятан где-то в номере.

Селестина издала очередной душераздирающий вопль и вцепилась в рукав Пуаро. Он наклонился и что-то зашептал ей на ухо. Девушка перестала плакать и с недоумением посмотрела на маленького детектива.

— Да-да, дитя мое, не спорьте, так будет лучше, — кивнул Пуаро и обратился к инспектору: — Мсье, позвольте мне провести небольшой эксперимент? Просто любопытства ради.

— Ну, смотря что вы собираетесь сделать, — заколебался инспектор.

Пуаро снова обратился к Селестине:

— Вы сказали, что ходили в свою комнату за катушкой ниток. Где у вас лежат нитки?

— В комоде, мсье.

— А ножницы?

— Там же.

— Вас не слишком затруднит повторить для нас оба эти действия, мадемуазель? Итак, вы сидите вот здесь и занимаетесь рукоделием…

Селестина послушно села. Затем, по знаку Пуаро, поднялась с места, прошла в свою комнату, взяла из ящика комода нитки и вернулась в хозяйскую спальню.

Пуаро попеременно следил то за ее действиями, то за стрелкой своих часов-луковицы, которые он держал на ладони перед собой.

— И еще раз, пожалуйста, мадемуазель.

После показательного похода служанки за ножницами он сделал пометку в своем блокноте и сунул часы обратно в жилетный карман.

— Большое спасибо, мадемуазель. И вам, мсье, — он поклонился инспектору, — я тоже бесконечно благодарен за вашу любезность и проявленное терпение.

Инспектора эта церемонность, кажется, изрядно позабавила. Женщина-констебль и полицейский в штатском увели всхлипывающую Селестину.

Затем, бегло извинившись перед миссис Опалсен, инспектор приступил к тщательному обыску спальни. Он выдвинул все ящики, заглянул во все шкафчики, переворошил постель и простучал

половицы паркета. Мистер Опалсен следил за его действиями с весьма скептическим выражением лица.

— Вы и впрямь рассчитываете обнаружить украденное колье здесь?

— Это же очевидно, сэр. Раз ни у одной из девиц не было возможности вынести его из номера, значит, воровка припрятала его здесь. И, как по мне, маловероятно, что это была горничная.

— Не то, что маловероятно — попросту невозможно! — ввернул Пуаро.

— А? — Инспектор уставился на него с дурацким видом.

Пуаро скромно улыбнулся.

— Сейчас вы сами все поймете. Гастингс, дорогой, возьмите мои часы — только ради бога, не уроните, это семейная реликвия! Я засекал время передвижений мадемуазель камеристки — первый раз она отсутствовала двенадцать секунд, второй — пятнадцать. Мадам, доверьте мне ненадолго ключик от вашей шкатулки с драгоценностями. Благодарю вас. А теперь внимание! Следите за моими действиями. Мой добрый друг Гастингс отдаст команду «Вперед!»

— Вперед! — сказал я.

С почти сверхъестественной быстротой Пуа-

ро выдвинул ящик туалетного столика, достал шкатулку, вставил ключ в замок, выхватил один из футляров, извлек из него украшение, снова запер шкатулку и поместил ее в ящик — все это он проделал молниеносно.

— Ну, что, мон ами? — спросил он, пытаясь отдышаться.

— Сорок шесть секунд! — провозгласил я.

— Теперь-то вам все ясно? — Пуаро с победоносным видом оглядел нас по очереди. — Горничная не могла украсть колье, и тем более его спрятать — она даже не успела бы достать его из шкатулки!

— Значит, это француженка, — инспектор явно был очень доволен и тут же приступил к обыску комнаты камеристки.

Пуаро свел брови на переносице, размышляя о чем-то. И вдруг выпалил, обращаясь к мистеру Опалсену.

— А колье, конечно, было застраховано?

Биржевой делец, кажется, удивился вопросу.

— Ну да, — сказал он нерешительно.

— Да какое это имеет значение? — со слезами на глазах вмешалась миссис Опалсен. — Я хочу получить назад свое ожерелье! Оно уникально! Никакие деньги мне его не заменят!

— Понимаю вас, мадам, — успокаивающе сказал Пуаро. — Прекрасно вас понимаю. Для женщины самое главное — чувства, не так ли? Но представителя сильного пола, который не может похвастаться такой восприимчивостью, компенсация несомненно утешит.

— Конечно-конечно, — все еще не очень уверено произнес мистер Опалсен. — Но, с другой стороны…

В это время раздался торжествующий возглас инспектора. Он вошел в спальню, с его пальцев свисала сверкающая вещица.

Миссис Опалсен вскрикнула и вскочила с кресла. В нее словно вдохнули новую жизнь.

— О, мое колье!

Она выхватила ожерелье у инспектора и нежно прижала к груди обеими руками. Все столпились вокруг нее

— Где же оно было? — спросил Опалсен.

— В кровати служанки, среди пружин матраса. Должно быть, она спрятала его до прихода горничной.

— Разрешите, мадам? — мягко сказал Пуаро. Он взял колье, внимательно осмотрел, и с поклоном вернул владелице.

— Боюсь, мадам, на время следствия нам при-

дется его изъять, — предупредил инспектор. — Оно понадобится как улика. Но, разумеется, мы постараемся как можно скорее его вернуть.

Мистер Опалсен нахмурился.

— Это так необходимо?

— Боюсь, что да, сэр. Такова процедура.

— Пусть возьмет его, Эд! — воскликнула жена брокера. — В полиции колье будет в большей безопасности! Я глаз не могла бы сомкнуть теперь, думая, что его опять могут украсть! Боже мой, бедная девушка! Никогда бы не подумала, что она способна на это!

— Ну-ну, милая, не стоит так переживать.

Я почувствовал, как кто-то тихонько пожал мне локоть. Это был Пуаро.

— Друг мой, может быть, нам улизнуть? Кажется, наши услуги больше не требуются.

Но, очутившись в коридоре, он, к моему огромному удивлению, заметил:

— Я хотел бы заглянуть в соседний номер.

Дверь была незаперта, и мы вошли. Номер состоял из двух больших комнат и сейчас в нем никто не жил. На мебели лежал довольно толстый слой пыли и мой болезненно чувствительный к таким вещам друг, скривившись, провел пальцем по столу, стоявшему у окна.

— Однако, уровень обслуживания оставляет желать лучшего, — сухо заметил он.

Он задумчиво смотрел в окно. Казалось, какая-то мысль не дает ему покоя.

— Ну? — не выдержал я наконец. — Зачем мы сюда пришли?

Пуаро очнулся.

— Пардон, мон ами, — извинился он. — Хотел проверить, действительно ли дверь заперта с этой стороны

— Что ж, — сказал я, взглянув на дверь, ведущую в номер, который мы только что покинули. — Она заперта.

Пуаро кивнул, но мысли его все еще витали где-то далеко.

— Да и вообще, — продолжал я, — какое это имеет значение? Дело-то кончено. Жаль, конечно, что у вас не вышло блеснуть на этот раз. Но случай настолько простой, что справился даже этот осел-инспектор.

Пуаро покачал головой.

— Дело отнюдь не кончено, мой друг. И не закончится, пока мы не выясним, кто украл жемчуг.

— Но это же сделала служанка!

— Почему вы так решили?

— Ну, как «почему»? — растерялся я. — Колье же нашли в ее матрасе!

— Та-та-та, — раздраженно сказал Пуаро. — Да только это не настоящее колье!

— Что вы такое говорите?

— Подделка, мон ами.

Я онемел от удивления. Пуаро безмятежно улыбался.

— Наш добрый инспектор совершенно не разбирается в драгоценностях. Ну и шум поднимется, когда все выяснится!

— Пойдемте скорее! — я вцепился в его рукав.

— Куда?

— Мы должны немедленно сообщить Опалсенам.

— Зачем?

— Но ведь эта бедная женщина…

— Э бьен, эта «бедная женщина», как вы ее называете, будет спать гораздо спокойнее, думая, что ее украшение в безопасности.

— Но вор может сбежать с настоящим ожерельем!

— Вы, мой друг, как всегда, говорите, не подумав. Откуда нам знать, что жемчуг, который миссис Опалсен этим вечером спрятала под замок, не был фальшивкой? Может быть, кража

была совершена давным-давно?

— Ой! — я растерялся.

— Вот именно, — сказал Пуаро, лучезарно улыбаясь. — Надо начинать с самого начала.

Он вышел из номера, помедлил мгновение, о чем-то размышляя, а потом направился в конец коридора. Там находилось подсобное помещение для обслуги этажа. Сейчас там, окруженная толпой благодарных слушателей, стояла наша горничная и рассказывала о том, что ей довелось пережить. Завидев нас, она умолкла на полуслове. Мой друг, неизменно вежливый, отвесил ей поклон.

— Простите за беспокойство. Не могли бы вы отпереть номер мистера Опалсена?

Девушка охотно согласилась, и в ее сопровождении мы вновь двинулись по коридору. Номер мистера Опалсена был как раз напротив номера его жены. Горничная отперла замок и мы вошли.

Девушка хотела уйти, но Пуаро ее задержал.

— Минуточку! Скажите, видели ли вы среди вещей мистера Опалсена вот такую карточку?

Он протянул ей странный картонный прямоугольник, покрытый глянцевой пленкой. Горничная взяла его и внимательно осмотрела с обеих сторон.

— Нет, сэр, я раньше ее не видела. Но вообще-то комнаты джентльменов обслуживает лакей.

— Ну, разумеется. Благодарю вас.

Пуаро сунул карточку в карман, горничная удалилась. Пуаро снова о чем-то задумался, потом резко тряхнул головой.

— Не сочтите за труд позвонить, Гастингс. Три раза, чтобы вызвать коридорного.

Я послушно исполнил просьбу, снедаемый любопытством. Тем временем Пуаро перевернул вверх дном корзину для бумаг, высыпал содержимое на пол и принялся в нем копаться.

Спустя пару минут появился лакей. Пуаро вручил ему белую карточку и задал тот же вопрос, что и горничной. Но получил такой же ответ. Лакей никогда не видел ничего подобного среди вещей мистера Опалсена. Пуаро поблагодарил его, и коридорный удалился, напоследок кинув любопытный взгляд на опрокинутую корзину и мусор на полу. И несомненно он не мог не услышать слова маленького бельгийца, задумчиво складывавшего бумажные обрывки назад.

— А ведь ожерелье было застраховано на кругленькую сумму…

— Пуаро! Я все понял! — вскричал я.

— Ничего вы не поняли, мой друг, — нетерпе-

ливо сказал Пуаро. — Уверяю, вы по-прежнему блуждаете в потемках. Давайте вернемся к себе.

Оказавшись в своем номере, Пуаро, к моему изумлению, начал переодеваться.

— Я еду в Лондон вечерним поездом, — объяснил он. — Это необходимо.

— Но зачем?

— Говорю вам, так надо. Началась настоящая работа, работа славных серых клеточек! Ах! Я еду искать подтверждение своим догадкам и я его отыщу! Эркюля Пуаро не проведешь!

— Надеюсь, вы потерпите неудачу и поумерите вашу спесь! — сказал я, кипя от негодования.

— Мон ами, умоляю, не гневайтесь! Я рассчитываю, что вы окажете мне услугу ради нашей старой дружбы.

— Конечно, — я устыдился своей вспыльчивости. — Что надо сделать?

— Взгляните на рукав пиджака, который я только что снял — его необходимо почистить! Видите следы белого порошка? Вы ведь заметили, как я провел пальцем по бокам ящика туалетного столика мадам Опалсен?

— Нет, не обратил внимания.

— Вам следует быть наблюдательнее, мой друг, и следить за моими действиями. На пальце оста-

лись следы белого порошка, и я, занятый своими мыслями, машинально вытер его о рукав — поступок, идущий вразрез с моими жизненными принципами.

— Но что это был за порошок? — нетерпеливо спросил я. Жизненные принципы Пуаро меня не особо интересовали.

— Ну, уж конечно, не яд Борджиа, — подмигнул Пуаро. — Укротите свое воображение, а то я уже вижу, как у вас загорелись глаза. Я вас разочарую — это был французский мелок.

— Французский мелок?

— Ну да, им еще пользуются краснодеревщики. Чтобы ящики легко скользили в полозьях.

Я рассмеялся.

— Ах вы, старый плут! Я-то думал, вы сообщите нечто невероятное!

— Мне надо бежать, мой друг! До свидания!

Дверь закрылась. С насмешкой на устах и умилением в душе я поднял с кровати пиджак и потянулся за платяной щеткой.

* * *

На следующее утро, не получив никакой весточки от Пуаро, я вышел размяться, встретил старых приятелей и отобедал в отеле в их компании.

После обеда мы отправились на автомобильную прогулку. Нас задержала проколотая шина. В «Гранд-Метрополитен» я вернулся уже около восьми.

Первое, что предстало моим глазам — Пуаро, выглядевший совсем крошечным, ибо он был зажат между внушительными тушами Опалсенов. Мой друг был не просто доволен — он светился от гордости.

— Мон ами Гастингс! — кинулся он ко мне. — Обнимите меня, мой друг! Все разъяснилось чудесным образом!

К счастью, на этот раз объятия были чисто символическими — имея дело с Пуаро никогда не знаешь, чего ожидать.

— Вы хотите сказать… — начал я.

— Я считаю, это просто потрясающе! — Сдобное лицо миссис Опалсен расплылось в счастливой улыбке. — Я ведь говорила, Эд, что если он не сможет вернуть мой жемчуг — никто не сможет этого сделать?

— Да, дорогая, именно так ты и говорила и оказалась права.

Я растерянно взглянул на Пуаро, и он решил сжалиться надо мной.

— Мой друг Гастингс, как выражаетесь вы,

англичане, плывет без руля и без ветрил. Садитесь, Гастингс, и узнайте, чем закончилась эта история.

— А она закончилась?

— Конечно. Они арестованы.

— Кто арестован?

— Ну, разумеется, горничная и лакей. А вы так ничего не поняли? И пропустили мимо ушей мой намек насчет французского мелка?

— Вы сказали, им пользуются краснодеревщики.

— Конечно, чтобы ящики легко выдвигались. Ну, а еще им пользуются те, которые хотят достать что-то без лишнего шума. Кто бы это мог быть? Никто иной, как наша горничная. План был до того остроумный, что даже Эркюль Пуаро не сразу смог его разгадать. Вот как было дело. Коридорный затаился в номере по соседству, ждет. Камеристка-француженка выходит из спальни. Горничная молниеносно выдвигает ящик, достает шкатулку, отпирает задвижку и сует шкатулку сообщнику. Лакей, не торопясь, открывает ее — они заранее запаслись дубликатом ключа — достает колье и снова ждет подходящего момента. Селестина опять выходит из номера и — вуаля! Шкатулка возвращается в ящик. Появ-

ляется хозяйка, кража обнаружена. Горничная настаивает, чтобы ее немедленно обыскали, и преисполненная праведного негодования выходит из комнаты полностью оправданная. Копия ожерелья еще утром, во время уборки, была припрятана в матрасе камеристки.

— Но зачем вы ездили в Лондон?

— Помните белую карточку?

— Конечно. Я еще ломал голову — для чего она понадобилась. Я-то подозревал что… — и я, немного смущенный, краем глаза глянул на мистера Опалсена.

Пуаро от души рассмеялся.

— Вы опять не догадались, в чем дело! К счастью, как и наш коридорный! У этой карточки специальное покрытие — на ней остаются превосходные отпечатки пальцев! Я направился прямиком в Скотленд-Ярд и попросил нашего доброго друга инспектора Джеппа кое-что проверить. Как я и подозревал, отпечатки пальцев принадлежали парочке похитителей драгоценностей, которых уже давно разыскивала полиция. Джепп прокатился со мной до Брайтона, преступников арестовали, ожерелье нашли в комнате лакея. Смышленые мошенники, но у них была неверная *мето́да*. Я раз тридцать говорил вам,

Гастингс, что без правильной *мето́ды*…

— Не тридцать, а как минимум тридцать тысяч раз! — прервал его я. — Но где же они прокололись?

— Сама по себе идея устроиться в штат обслуги отеля превосходна, но было неосмотрительно с их стороны пренебрегать своими прямыми обязанностями. Они не вытирали пыль в пустующем номере, а когда лакей поставил шкатулку на стол, остался след…

— Теперь припоминаю! Я его видел! — вскричал я.

— До этого я лишь подозревал. А увидев отметину, я уже знал и …

Воцарилась тишина.

— … И вот мой жемчуг вернулся ко мне, — провозгласила миссис Опалсен на манер хора из древнегреческой пьесы.

— Что ж, — сказал я, — пора бы поужинать.

Пуаро решил составить мне компанию.

— А слава в этом деле достанется не вам, — заметил я, когда мы уже сидели за столом.

— Пустяки, — отмахнулся мой друг. — Пусть пожинают лавры Джепп и местный инспектор. А мне… — он похлопал по карману, — … мне достался чек от мистера Опалсена, и знаете, что,

друг мой? Мы провели эти выходные совсем не так, как планировали. Давайте приедем сюда на следующий уик-энд — и на этот раз за мой счет!

VIII. Похищение премьер-министра

Сейчас, когда война позади и все ее тревоги остались в прошлом, я, пожалуй, рискну поведать миру о роли, которую мой друг Пуаро сыграл в момент национального кризиса. Мы свято блюли тайну, и журналисты так ничего и не пронюхали. Но теперь надобность в строгой секретности отпала, и я считаю, вся Англия должна наконец узнать, в каком она долгу перед маленьким чудаковатым бельгийцем, чей великолепный ум помог предотвратить величайшую катастрофу.

Точную дату происшествия я не назову, достаточно сказать, что это случилось в тот исторический период, когда лозунг «Мирные переговоры любой ценой!» скандировали тут и там — кто по недомыслию, а кто и по наущению врагов Англии. Однажды вечером после ужина мы с моим другом сидели в его кабинете. Когда меня уволили в запас по ранению, то зачислили в отдел вербовки. У меня вошло в привычку, покончив с делами, заглядывать к Пуаро и беседовать об интересных случаях из его практики.

Тем вечером я пытался обсудить со своим другом сенсационное известие — ведь произошло не что иное, как покушение на премьер-министра Великобритании, мистера Дэвида Макадама. Скупые статьи в газетах, несомненно, подверглись жесточайшей цензуре, и из них нельзя было извлечь никаких подробностей, кроме известия, что премьер-министр уцелел лишь чудом: пуля вскользь задела его щеку.

Надо ли говорить, как я возмущался преступной небрежностью нашей полиции, допустившей, чтобы случилось подобное безобразие. Конечно, агенты германской разведки, действовавшие в Англии, готовы были пойти на любой риск ради такого успеха. «Рубака Мак», как прозвали премьера члены его собственной партии, не скрывал своей главной цели. И все силы бросил на борьбу с возрастающим влиянием пацифистов.

Он был не просто английский премьер-министр, он был сама Англия, и убрать его с политической арены — означало нанести сокрушительный удар по Британии и фактически ее парализовать.

Но Пуаро совершено меня не слушал — он был всецело поглощен тем, что протирал крошечной губкой свой серый костюм. Второго такого

щеголя, как Эркюль Пуаро, должно быть, свет не видывал. Он истово и неизменно поклонялся аккуратности и порядку. И сейчас, окутанный бензиновыми испарениями, был совершенно не в состоянии уделить мне все свое внимание.

— Через минуту, мой друг, я буду в вашем распоряжении. Я вот-вот закончу. Жирное пятно — это ужасно — и я нещадно расправляюсь с ним — вот так! — Он свирепо взмахнул губкой.

Я закурил очередную сигарету, чтобы скрыть усмешку.

— У вас появилось что-то новенькое? — спросил я через пару минут молчания.

— Я помогаю одной — как вы это называете? — «покинутой» леди отыскать ее супруга. А это нелегкая работа, требующая величайшей деликатности и такта. У меня есть серьезное подозрение, что супруг будет не в восторге от того, что его нашли. Ведь он изо всех сил стремился потеряться. Жизнь у бедняги была несладкой, и, признаться, мои симпатии в этом деле на его стороне — но что поделаешь?

Я от души посмеялся.

— Ну, наконец-то! Скверное пятно исчезло! И я, мой друг, готов вас выслушать.

— Я спрашивал, что вы думаете о покушении

на Макадама.

— Анфантиля́ж! Сущее ребячество! — немедленно вынес приговор Пуаро. — Не верю, что это дело рук серьезных людей. Как можно рассчитывать, что покушение будет удачным, если ваше орудие преступления — винтовка? Эти громоздкие приспособления — достояние прошлого.

— Но на этот раз стрелок промахнулся всего на волосок! — напомнил я, однако мой друг только покрутил носом. Он уже собирался привести новые аргументы, но тут постучала квартирная хозяйка и сообщила, что явились два джентльмена, которые желают его видеть.

— Назваться они не захотели, сэр, но сказали, что дело у них неотложное.

— Пусть поднимаются! — сказал Пуаро, аккуратно складывая серые брюки.

Через пару минут посетителей проводили в кабинет, и мое сердце подпрыгнуло, словно яйцо в кипятке. Первым переступил порог сам лорд Эстер, глава палаты общин. Его спутник, Бернард Додж, тоже был членом военного кабинета и, насколько я знал, являлся близким другом премьер-министра.

— Мсье Пуаро? — вопросительным тоном произнес лорд Эстер. Мой друг молча поклонился.

Великий человек взглянул на меня и заколебался.

— Мы предпочли бы побеседовать с вами без свидетелей.

— Можете говорить совершенно свободно, у меня нет секретов от капитана Гастингса, — сказал мой друг, кивком приглашая меня остаться. — Возможно, у него нет особых детективных талантов, но я ручаюсь за его порядочность.

Лорд Эстер, казалось, еще сомневался, но вмешался мистер Додж.

— Ах, да к черту излишнюю щепетильность! — выпалил он. — Как я понимаю, очень скоро вся Англия узнает, как мы опростоволосились. Сейчас дорога каждая секунда!

— Садитесь, господа, — учтиво пригласил Пуаро. — Могу я предложить вам занять вот это большое кресло, *милорд*?

Лорд Эстер вздрогнул.

— Вы меня узнали?

Пуаро улыбнулся.

— Как я мог вас не узнать, милорд? Я же иногда почитываю газеты, а в них часто печатают фотографии.

— Мсье Пуаро, я пришел посоветоваться по вопросу государственной важности. И вынужден

просить вас соблюдать полную секретность!

— Эркюль Пуаро дает свое слово, и этого совершенно достаточно! — напыщенно сказал мой друг.

— Дело касается премьер-министра. У нас серьезные проблемы.

— Мы вляпались по самую макушку! — уточнил мистер Додж.

— Стало быть, ранение опасное? — спросил я.

— Какое ранение?

— Пулевое.

— Ах, это! — презрительно фыркнул мистер Додж. — Это уже быльем поросло!

— Как заметил мой коллега, это старая история, — продолжал лорд Эстер. — Покушение сорвалось и слава богу. Хотел бы я сказать то же самое о второй попытке!

— Так значит, было еще одно покушение?

— Да, хотя и совсем другого рода. Мсье Пуаро, премьер-министр

исчез.

— Что?!

— Его похитили!

— Невозможно! — вскрикнул я, совершенно ошеломленный.

Пуаро метнул в мою сторону испепеляющий

взгляд, означавший, как мне уже хорошо было известно, что до поры до времени некоему капитану Гастингсу следует помалкивать.

— Я тоже хотел бы так думать, но, к сожалению, это правда, — вздохнул его светлость.

Пуаро посмотрел на мистера Доджа.

— Мсье, вы только что сказали, что дорога каждая секунда. Что вы имели в виду?

Государственные деятели переглянулись, а затем лорд Эстер сказал:

— Полагаю, вы слышали о предстоящей конференции союзников, мсье Пуаро? — Маленький бельгиец кивнул. — По вполне понятным причинам мы не разглашали, когда и где это должно произойти. Мы предотвратили утечку сведений в прессу, но в дипломатических кругах дата и место встречи, разумеется, широко известны. Она состоится в Версале, в четверг вечером — то есть, уже завтра. Теперь вы понимаете весь ужас ситуации, в которой мы оказались. Не стану скрывать, для нашей страны присутствие премьер-министра на этом совещании — вопрос жизни и смерти. Пацифистская пропаганда, которую развязали и изо всех сил подогревают германские агенты, сейчас обрела невиданный размах. Участники конференции колеблются, и, по всеобщему мнению,

лишь колоссальный личный авторитет нашего премьер-министра может повлиять на ситуацию. Исчезновение британского лидера будет иметь воистину непоправимые последствия — ведь преждевременное заключение мира грозит нам неисчислимыми бедами. А послать вместо него некого. Лишь он один в данный исторический момент способен представлять всю Англию.

Лицо Пуаро приняло предельно серьезное выражение.

— То есть, по-вашему, похищение премьер-министра затеяно с целью помешать его выступлению на конференции?

— Ну разумеется! Ведь он как раз направлялся во Францию!

— И в котором часу состоится знаменательная встреча?

— Завтра в девять вечера.

Пуаро вынул из кармана свои массивные часы-луковицу.

— Сейчас без четверти девять.

— Значит, у нас ровно двадцать четыре часа, — задумчиво сказал мистер Додж.

— Двадцать четыре часа и пятнадцать минут, — поправил его педантичный Пуаро. — Не стоит скидывать со счетов эту четверть часа, мсье, она

может иметь колоссальное значение. Теперь мне нужны подробности: похищение произошло в Англии или во Франции?

— Во Франции. Мистер Макадам отправился туда сегодня утром. Он должен был переночевать у главнокомандующего, а завтра продолжить путь в Париж. Через Ла-Манш премьера переправили на эсминце, а в Булони его встретила машина Генштаба с одним из адъютантов командующего.

— Э бьен, и что же произошло?

— Да то, что из Булони они выехали, но в штаб так и не прибыли.

— Почему?

— Мсье Пуаро, это был подставной автомобиль и фальшивый адъютант. Настоящее авто нашли на проселочной дороге, а внутри были шофер и адъютант, связанные, с кляпами во рту.

— А подставная машина?

— Ее с тех пор никто не видел.

Пуаро раздраженно взмахнул рукой.

— Невероятно! Не могла же она за целый день не попасться никому на глаза!

— Мы тоже так думали. Нам казалось, достаточно просто хорошенько прочесать местность. Эта часть французской территории находится под контролем военной администрации. Мы не

сомневались, что такой громоздкий предмет, как автомобиль, не сможет долго оставаться незамеченным. На поиски были брошены все силы французской полиции, Скотленд-Ярда и армии. Они обыскали каждый кустик. Согласен с вами, что это невероятно. Но тем не менее они ничего не обнаружили.

В это время в дверь постучали, вошел молодой офицер и вручил лорду Эстеру облепленный сургучными печатями конверт.

— Только что из Франции, сэр. Согласно вашему распоряжению, доставил сюда.

Министр нетерпеливо разорвал обертку и пробежал глазами донесение. С его губ сорвался невнятный возглас. Офицер отдал честь и удалился.

— Наконец-то хоть какие-то новости! Это сообщение расшифровали несколько минут назад. На заброшенной ферме, неподалеку от города С*** нашли вторую машину, а в ней секретаря премьер-министра Дэниелса, тоже связанного и с кляпом во рту. Его усыпили хлороформом, и он помнит только, как кто-то его схватил сзади и прижал тряпку к лицу. Какое-то время Дэниелс пытался освободиться, а потом потерял сознание. Полиция считает, он говорит правду.

— А больше они ничего не нашли?

— Нет.

— Ну, раз не обнаружен труп премьер-министра, значит, надежда остается. И все же это странно. Нынче утром враги пытаются его застрелить, а потом прикладывают столько усилий, чтобы взять его живым.

Додж покачал головой.

— Одно можно сказать наверняка: они намерены любой ценой не допустить появления мистера Макадама на конференции.

— В таком случае приложим все усилия, чтобы он там все-таки появился. Слава богу, время еще есть. Что ж, господа, а сейчас расскажите мне, как развивались события. Об утреннем покушении я тоже должен знать все.

— Вчера вечером премьер-министр в сопровождении одного из своих

секретарей, капитана Дэниелса…

— Того самого Дэниелса, который сопровождал его во Францию?

— Именно. Итак, они отправились в Виндзор на высочайшую аудиенцию. Когда рано утром премьер-министр возвращался в Лондон, кто-то пытался его застрелить.

— Один момент, пожалуйста. Кто такой капи-

тан Дэниелс? Разумеется, у вас есть его полное дось на него?

Лорд Эстер улыбнулся.

— Не сомневался, что вы об этом спросите. По правде сказать, нам не так уж и много о нем известно. Он из не особо родовитой семьи, служил в армии. Зарекомендовал себя как чрезвычайно одаренный сотрудник, если не ошибаюсь, знает семь языков. Именно по этой причине премьер-министр выбрал его в качестве секретаря для поездки на международную конференцию.

— Родня в Англии у него есть?

— Две тетки. Миссис Эверард из Хэмпстеда, и мисс

Дэниелс, она живет в окрестностях Аскота.

— Аскот? Это ведь неподалеку от Виндзора?

— Не сомневайтесь, от нашего внимания не укрылся этот факт. Но расследование ни к чему не привело.

— Стало быть, капитан Дэниелс вне подозрений?

Лорд Эстер ответил с некоторой горечью в голосе:

— Нет, мсье Пуаро. В свете последних событий я должен хорошенько подумать, прежде чем избавить от подозрений кого бы то ни было.

— Тре бьен. Теперь вот что: как я понимаю, милорд, после инцидента со стрельбой премьер-министра охраняли с удвоенной бдительностью? Полиция приложила все усилия, чтобы предотвратить дальнейшие покушения?

— Разумеется. Автомобиль премьер-министра сопровождала машина, в которой ехали детективы в штатском. Мистер Макадам об этих мерах предосторожности ничего не знал. Сам он человек абсолютно бесстрашный и не допустил бы суеты вокруг своей персоны. Но, конечно, сотрудники полиции на свой страх и риск заботились о его безопасности. И между прочим, О'Мерфи, шофер премьер-министра — агент уголовного розыска.

— О'Мерфи? Ирландская фамилия, не так ли?

— Да, он ирландец.

— А из какой части Ирландии он родом?

— Если не ошибаюсь, из графства Клэр.

— Даже так!* [* *В период Первой мировой войны ирландские сепаратисты, которых активно поддерживала Германия, вели подрывную деятельность на территории нескольких графств, вынуждая британское правительство привлекать для усмирения мятежей части регулярной армии.*] Но продолжайте, милорд.

— Итак, премьер отправился в Лондон в закрытом автомобиле. Его сопровождал капитан Дэниелс. А на некотором отдалении ехала машина с полицейскими. К несчастью шофер премьер-министра зачем-то свернул с главной дороги…

— А там была развилка, верно?

— Да, но как вы узнали?

— Ах, это же очевидно! Прошу вас, дальше.

— В общем, они по неизвестной причине съехали с шоссе. А полицейская машина, ничего не подозревая, держалась прежнего маршрута. Тем временем автомобиль премьера проехал совсем немного по проселку, и внезапно его окружила группа людей в масках. Шофер…

— Наш бравый О'Мерфи! — задумчиво пробормотал Пуаро.

— … Шофер, ошеломленный их появлением, нажал на тормоз, но в этот момент премьер-министр высунул голову из окна. И тут в него выстрелили — дважды. Первая пуля лишь оцарапала щеку, вторая и вовсе не попала в цель. Тут шофер осознал, что они угодили в засаду, дал газ, а шайка негодяев рассыпалась в разные стороны.

— Просто счастье, что все обошлось! — вставил я. У меня на протяжении этого рассказа то и дело

пробегал холодок по спине.

— Мистер Макадам запретил поднимать шум из-за этого инцидента, назвал свое ранение сущей ерундой и согласился лишь на короткую остановку у ближайшей амбулатории, где ему обработали ссадину и наложили повязку. Разумеется, пациент был зарегистрирован под вымышленной фамилией. Далее они уже не отклонялись от расписания — отправились на вокзал Чаринг-Кросс, где их поджидал экстренный поезд до Дувра. Взволнованный капитан Дэниелс вкратце поведал о случившемся подоспевшим сотрудникам полиции, они с премьер-министром умчались в порт и на борту эсминца переправились во Францию. А в Булони, как вы уже знаете, их поджидала подставная машина — с британской символикой на ветровом стекле и вплоть до мельчайших деталей соответствовавшая автомобилю, посланному навстречу премьеру.

— И больше вы ничего не хотите мне рассказать?

— Это все.

— Милорд, вы уверены, что не упустили ни одного важного обстоятельства?

— Ну… признаюсь, случилось кое-что странное.

— А именно?

— Высадив премьер-министра на Чаринг-Кросском вокзале, шофер не вернулся в гараж. Полиция очень хотела с ним побеседовать, поэтому розыск был предпринят незамедлительно. Автомобиль обнаружили в Сохо, припаркованным у ресторанчика с весьма сомнительной репутацией. Там часто назначают встречу германские агенты.

— А где был шофер?

— Его с тех пор никто не видел.

— Стало быть, налицо целых два загадочных исчезновения, — задумчиво констатировал Пуаро. — Премьер-министр пропал во Франции, а О'Мерфи — в Лондоне.

Он зорко посмотрел на лорда Эстера, а тот в отчаянии развел руками.

— Мсье Пуаро, что тут скажешь? Намекни мне кто-нибудь еще вчера, что О'Мерфи предатель, я рассмеялся бы этому человеку в лицо.

— А сегодня?

— Сегодня я не знаю, что и думать.

Пуаро озабоченно кивнул и опять бросил взгляд на циферблат своих карманных часов.

— Господа, правильно ли я понял, что вы предоставляете мне карт-бланш? Я обладаю полной

свободой передвижений и могу действовать по своему усмотрению?

— Мы всецело полагаемся на вас. Через час отправляется литерный поезд в Дуврский порт с дополнительным контингентом из Скотленд-Ярда. Вас будут сопровождать представитель военного командования и сотрудник уголовного розыска, можете располагать ими в полной мере. Это вас устроит?

— Вполне. И вот еще что, прежде чем мы расстанемся: почему вы обратились именно ко мне? В этом вашем огромном Лондоне я не так уж известен.

— Вас рекомендовал ваш соотечественник, достойный уважения лидер вашей нации.

— А! Мой добрый друг префект…

Лорд Эстер покачал головой.

— Нет, берите выше. Тот, чье слово когда-то было законом в

Бельгии — и будет снова! Англия клянется в этом!

Рука Пуаро взметнулась в драматическом салюте:

— Боже, храни его! Ах, мой государь не забыл обо мне… Господа, я, Эркюль Пуаро, буду служить вам верой и правдой, небо мне свидетель. Но

сейчас я не знаю, что предпринять. Я брожу во тьме…

Когда державные деятели удалились, я подскочил к Пуаро.

— Ну? Что вы об этом думаете?

Мой друг привычно и споро укладывал дорожный саквояж и в ответ на мой вопрос лишь рассеянно покачал головой.

— Ничего я пока не думаю. Мой мозг отказывается мне служить.

— Вы же сами сказали: зачем похищать премьера, если можно было прикончить его на месте ударом по голове?

— Нет, я выразился не так, мон ами. И в свете того, что нам сообщили, похищение на руку врагам.

— Почему?

— Да потому что неопределенность порождает панику. Смерть премьер-министра была бы потрясением, но все же страна пережила бы это несчастье. А теперь правительственный аппарат парализован. Выступит ли мистер Макадам на конференции? Жив ли он вообще? Ужасное оцепенение и, как следствие — хаос. Это играет на руку бошам* [* *«Боши» — презрительная кличка, употребляемая во франкоязычной среде по от-*

ношению к немцам]. К тому же, если похитители удерживают лидера такого ранга, они могут шантажировать сразу два государства. Германские власти, при всей их прижимистости, уж конечно раскошелятся по такому случаю. Ну, и наконец, не могут же преступники не понимать, что убийство государственного деятеля — это смертный приговор.

— Так почему же они пытались его застрелить сегодня утром?

Пуаро гневно взмахнул рукой.

— Ах, вот это я не могу объяснить! Такая нелепая акция! У них имеется план похищения — отличный план, должен сказать. И тем не менее они устраивают мелодраматическое покушение в духе синематографа! Банда налетчиков в масках! В двадцати милях от Лондона! Да кто в такое поверит?

— А может быть, две группы злоумышленников действовали независимо друг от друга? — предположил я.

— Уж слишком невероятное совпадение! И в любом случае кто-то из окружения премьера действовал заодно с этими негодяями. Но кто предатель? Дэниелс или О'Мерфи? Это кто-то из них, иначе как объяснить, что автомобиль съехал

с шоссе? Не мог же премьер-министр содействовать покушению на собственную персону! Либо О'Мерфи сам свернул с дороги, либо Дэниелс приказал ему сделать это.

— Конечно, это О'Мерфи!

— Вы правы, ведь Дэниелс сидел рядом с премьер-министром, и тот непременно поинтересовался бы, почему помощник отдал такое распоряжение. Но в этом деле вообще слишком много «почему» и ответы чересчур противоречивы. Если О'Мерфи ни при чем, что побудило его свернуть с шоссе? А если он причастен, зачем рванул вперед и тем самым спас жизнь премьеру, не дав убийцам совершить третий выстрел? И какие причины заставили его мчаться с вокзала Чаринг-Кросс на явку германских агентов?

— Да, это очень странно, — согласился я.

— Давайте рассуждать последовательно и методично. Что мы можем сказать по поводу главных подозреваемых? Прежде всего О'Мерфи. Против него у нас такие факты: он отклонился от маршрута, он ирландец, уроженец графства Клэр, он исчез при подозрительных обстоятельствах. Аргументы «за»: его лихой маневр предотвратил убийство премьер-министра, он человек Скотленд-Ярда и уж точно прошел не одну проверку.

Теперь Дэниелс. О его прошлом известно лишь то, что толком о нем ничего не известно, а его выдающиеся языковые способности свидетельствуют скорее против него. Простите, мон ами, но вы, англичане, и вправду отвратительные лингвисты. В пользу Дэниелса говорит тот факт, что его нашли связанным, с кляпом во рту, еще не отошедшим от действия хлороформа.

— А вдруг он ухитрился как-то связать себя, чтобы отвести подозрения?

Пуаро покачал головой.

— Нет, французскую полицию не удалось бы так одурачить. Кроме того, какой смысл ему было оставаться в машине, если конечная цель — похищение премьер-министра — уже достигнута? Разумеется, кто-то из сообщников мог его усыпить, связать, заткнуть рот, но зачем, скажите на милость? Ведь заговорщики должны были понять, что в сложившихся обстоятельствах за Дэниелсом будут наблюдать с удвоенным рвением.

— А может, он пытался пустить полицию по ложному следу?

— Тогда почему он этого не сделал? Он говорит лишь, что к его лицу прижали тряпку и далее он ничего не помнит. Какой же тут ложный след?

Его показания удручающе правдоподобны.

— Что ж, тогда нам пора на вокзал, — я взглянул на часы. — Вы найдете какие-то зацепки во Франции.

— Возможно, мон ами, но я в этом сомневаюсь. Если полиция и военные двух стран не в силах разыскать премьер-министра на сравнительно небольшом клочке территории, куда мне с ними тягаться?

На вокзале Чаринг-Кросс нас поджидал мистер Додж.

— С вами поедут инспектор Барнс из Скотленд-Ярда и майор Норман. Они всецело в вашем распоряжении. Удачи вам всем. Дело плохо, но мы не теряем надежды. Простите, мне пора.

И министр быстро удалился.

Мы с майором Норманом сразу нашли общий язык. Неподалеку на платформе находилась группа гражданских. Юркий человек с лицом, похожим на мордочку хорька, прервал беседу с высоким блондином и поздоровался с нами. Я узнал давнего приятеля Пуаро — инспектора Джеппа, одного из самых толковых детективов уголовной полиции.

— И вы здесь! Ну и дельце! — непринужденно заговорил он. — До сих пор эти типчики орудова-

ли довольно ловко, но у них никаких шансов. Где можно прятать человека так долго? Наши ребята уже прочесывают всю Францию частым гребешком, да и в тамошней полиции тоже парни не промах. Бьюсь об заклад, скоро все разрешится — это лишь вопрос времени.

— Если он еще жив… — угрюмо уточнил высокий сыщик, и на лицо Джеппа набежала тень.

— Да… Но мне почему-то кажется, что с ним все в порядке.

Пуаро кивнул.

— Да-да, я тоже думаю, что он жив. Но найдем ли мы его к установленному сроку? Как вы и сказали, удерживать такого человека в плену долго не удастся…

Раздался свисток. Мы втиснулись в пульмановский вагон, поезд недовольно запыхтел, дернулся и медленно отъехал от перрона.

Поездка вышла прелюбопытнейшая. Сыщики из Скотленд-Ярда сгрудились вокруг карты Северной Франции, по очереди прочерчивая указательными пальцами дороги и отмечая населенные пункты. Каждый оседлал своего конька, доказывая верность той или иной гипотезы. Пуаро, который всегда имел собственное мнение по любому вопросу, на сей раз не раскрывал рта и

вообще выражением лица напоминал озадаченного ребенка. Ну, а мы с Норманом наговорились всласть.

В дуврском порту Пуаро повел себя так, что я с трудом удержался от смеха. Не успели мы ступить на борт судна, как мой маленький друг с отчаянием уцепился за мой рукав. Подул крепкий морской ветерок. Лицо Пуаро исказила гримаса ужаса.

— Мон дьё… какой кошмар! — пролепетал он.

— Выше нос, Пуаро! — подбодрил я его. — Вот увидите, вы в два счета справитесь с этим делом и покроете себя славой! Лично я в этом не сомневаюсь!

— Ах, мон ами, вы не понимаете! Меня удручает отнюдь не страх поражения! Это злодейское море — вот что пугает меня! Маль де мер — мое проклятье!

— Ой! — Я даже не знал, что и сказать на это.

Взревели машины. Пароход дрогнул. Пуаро застонал и зажмурился.

— У майора Нормана есть карта Северной Франции, принести вам ее? Можете поизучать на досуге.

— Нет, нет, оставьте меня, мой добрый друг. Человек не может размышлять здраво, пока его

мозг и желудок не достигнут согласия. У мсье Лавержье описан превосходный способ борьбы с морской болезнью. Надо медленно поворачивать голову слева направо, а потом в обратном направлении, и считать до шести между каждым вздохом.

Я предоставил ему возможность испробовать на себе эти упражнения и вышел на палубу. Но когда мы медленно вползали в гавань булонского порта, Пуаро выпорхнул из каюты свежим как огурчик и с улыбкой шепнул мне, что метод Лавержье оправдал себя наилучшим образом.

Джепп тем временем все еще прочерчивал на карте воображаемые маршруты.

— Да ладно! — бормотал он. — Вот тут надо искать, возле Булони. Здесь дорога разветвляется, здесь премьер-министра похитили и усадили в другой автомобиль.

— Как угодно, а я все же организую поиски в морских портах, — отвечал его высокий коллега. — Десять против одного — его тайно доставили на борт какого-то судна.

Джепп замотал головой.

— Уж больно рискованно. Ведь приказ закрыть все порты был отдан незамедлительно!

День только занимался, когда мы ступили на

французскую землю. Майор Норман коснулся рукава Пуаро.

— Вас ждет армейский автомобиль, сэр.

— Сердечно вам признателен, мсье. Но я пока что не намерен покидать Булонь.

— Что вы такое говорите?

— Да-да, мы остановимся прямо вот в этой портовой гостинице.

И он тут же продемонстрировал серьезность своих намерений, ворвавшись в вестибюль и потребовав предоставить нам самый просторный номер. Мы втроем последовали за ним наверх, озадаченные донельзя.

Пуаро бросил нам с усмешкой:

— По-вашему, я действую не так, как положено добросовестному сыщику? Разумеется, ваш герой не таков. Он полон энергии. Мечется туда-сюда, принюхиваясь и приглядываясь. Падает ниц в дорожную пыль и рассматривает в лупу следы автомобильных шин. Сгребает все окурки и обгорелые спички. Вы этого от меня ждете? — Он с вызовом оглядел нас по очереди. — Но я, Эркюль Пуаро, поступаю иначе. Расследование проводится вот тут, внутри! — И Пуаро постучал себя по лбу. — Да мне вообще не стоило уезжать из Лондона! Я прекрасно мог бы работать в собственной

квартире, в тишине и спокойствии, и положиться на моих главных сотрудников — на серые клеточки! Тайно и втихомолку они делают свое дело, а потом я требую карту, указываю на определенное место и говорю: вот здесь находится премьер-министр. И он действительно обнаруживается там! Логика и *мето́да* — вот в чем залог успеха! Этот безумный рывок во Францию был прискорбной ошибкой! Детская игра в догонялки! Но теперь — хотя, возможно, уже слишком поздно — я начинаю работать так, как надо. А вы, друзья мои, пока что помолчите.

И целых пять часов маленький бельгиец просидел не шевелясь, глядя в одну точку, а его зеленые глаза мерцали и зеленели еще больше, пока не стали походить на кошачьи. Инспектор Барнс уже не скрывал своего презрения, майор Норман маялся от скуки, да и меня утомило это бесконечное ожидание. Я встал и на цыпочках прошел к окну. Все превратилось в какой-то нелепый фарс. Я изнывал от сочувствия к моему другу. Если ему суждено потерпеть поражение, к чему выставлять себя на посмешище? Из окна я видел рейсовый пароходик, он лениво полз вдоль набережной, попыхивая дымом из трубы.

Голос Пуаро пробудил меня от оцепенения.

— Ну что, друзья мои. За работу!

Я обернулся и увидел, что маленький бельгиец чудесным образом изменился. Глаза возбужденно сверкали, грудная клетка раздалась.

— Ах, каким я был болваном, мои дорогие! Но теперь-то я прозрел!

Майор Норман поспешно направился к двери.

— Немедленно вызову машину!

— Не нужна нам никакая машина. Слава богу, ветер уже утих.

— Сэр, вы собираетесь идти пешком?

— Пешком? Ну уж нет, мой юный друг. Я не святой Петр. Предпочитаю пересекать морские пространства на корабле.

— Морские пространства?!

— Ну, конечно! Моя *мето́да* требует подходить к делу с самого начала. А истоки *этого* дела находятся в Англии. Туда-то мы и возвращаемся.

* * *

В три часа пополудни мы снова стояли на платформе Чаринг-Кросского вокзала. Как мы ни протестовали, сколько бы ни умоляли Пуаро рассказать нам о своих намерениях, он оставался глух и лишь повторял, что это путешествие — отнюдь не напрасная трата времени, а единственно

верное направление расследования. Впрочем, майору Норману он все же соизволил шепнуть пару слов, и тот отправил из Дувра целую кипу телеграмм.

Специальные пропуска, которые предъявлял Норман, обеспечили нам беспрепятственное передвижение в рекордно короткие сроки. В Лондоне нас поджидал большой полицейский автомобиль с детективами в штатском. Один из них протянул Пуаро лист бумаги с машинописным текстом. Мельком взглянув на него, мой друг ответил на немой вопрос в моих глазах.

— Это список больниц в окрестностях Лондона. Мы телеграфировали из Дувра, чтобы очертить радиус действий.

Мы промчались через город, вырулили на Батскую дорогу. Позади остались Хаммерсмит… Чизвик… Брентфорд… А! Теперь-то понял! Мы направляемся через Виндзор в Аскот! Мое сердце заколотилось. В Аскоте живет тетка Дэниелса. Мы охотимся за ним, а вовсе не за О'Мерфи!

Машина затормозила у ворот респектабельной виллы. Пуаро выскочил и задергал шнурок колокольчика. Его лицо, обычно такое жизнерадостное, омрачало какое-то облачко, взгляд был растерянным, брови сведены — очевидно,

моего друга терзали какие-то сомнения. Дверь открылась, Пуаро вошел. Спустя несколько секунд он пулей вылетел из дома, забрался в машину и резко отрицательно покачал головой. Я начал отчаиваться. Уже пятый час! Даже если Пуаро и отыщет какие-то улики, изобличающие Дэниелса, что в этом проку? Премьер-министр томится в плену во Франции, и нам нужно немедленно выяснить точные координаты этого места!

Обратный путь в Лондон сопровождался неоднократными остановками. Мы то и дело съезжали с шоссе и тормозили возле небольших строений, в которых с первого взгляда угадывались деревенские больницы и амбулатории. Посещению каждого из этих заведений Пуаро уделял не больше нескольких секунд, но по мере приближения к столице вид у него становился все более воодушевленным.

Мой друг что-то шепнул Норману, и майор ответил:

— Да, сейчас повернем налево, они ждут нас у моста.

Мы свернули на проселочную дорогу. В меркнущем свете уходящего дня я разглядел машину, поджидавшую нас на обочине. В ней сидели двое в штатском. Пуаро выскочил, коротко перего-

ворил с ними о чем-то, а затем мы двинулись в северном направлении, причем второй автомобиль следовал за нами.

Мы проехали уже приличное расстояние, я сообразил, что наш конечный пункт назначения, по-видимому, находится где-то в северных пригородах Лондона. Наконец мы подкатили к парадному входу высокого дома, стоящего поодаль от дороги.

Мы с Норманом остались в машине. Пуаро, в сопровождении одного из детективов, взошел на крыльцо и позвонил. Дверь открыла миловидная горничная. Сыщик сказал:

— Я офицер полиции, и у меня имеется ордер на обыск этого дома.

Девушка испуганно вскрикнула, за ее спиной появилась красивая высокая женщина средних лет.

— Закройте дверь, Эдит. Без сомнений, это грабители.

Но Пуаро проворно вставил ногу в щель, прозвучала трель полицейского свистка, мигом явились остальные сыщики и заскочили в дом, захлопнув за собой дверь.

Добрых пять минут мы с Норманом сидели, проклиная наше вынужденное бездействие.

Наконец дверь снова открылась, появились полицейские, конвоируя женщину и двоих мужчин. Женщину и одного из мужчин сопроводили к другой машине. Второго задержанного посадил в нашу машину лично Пуаро.

— Друг мой, я должен поехать вместе с детективами. А вы позаботьтесь об этом джентльмене. Вы ведь с ним не знакомы? Э бьен, позвольте представить: мсье О'Мерфи.

О'Мерфи! Я только рот разинул от изумления. Наручники на шофера не надели, да и не похоже было, что он собирается сбежать. Ирландец просто сидел и тупо смотрел перед собой, будто обухом пришибленный. Мы с Норманом запросто справились бы с ним, вздумай он сопротивляться.

К моему изумлению, мы продолжали путь на север. Значит, в Лондон мы не вернемся! Я терялся в догадках. Внезапно машина притормозила. Я сообразил, что мы находимся неподалеку от Хендонского аэродрома. Так вот что задумал Пуаро! Мы доберемся до Франции на самолете!

Дерзкая идея, но, на мой взгляд, вряд ли целесообразная. Телеграмма дойдет намного быстрее! Неужели Пуаро рискнет судьбами Европы ради возможности покрасоваться в роли спасителя

премьер-министра?

Когда мы выехали на взлетное поле, майор Норман пулей вылетел из машины, человек в штатском занял его место. Посовещавшись пару минут с Пуаро, Норман исчез. Я тоже выскочил из машины и схватил маленького бельгийца за руку.

— Старина, поздравляю вас от души! Вы узнали, где его прячут? Но послушайте, надо немедленно телеграфировать во Францию! Если вы полетите сами, то опоздаете — и все пропало!

Несколько секунд Пуаро с любопытством изучал мое лицо.

— К сожалению, друг мой, есть на свете такие вещи, которые по телеграфу не пошлешь.

* * *

Вернулся майор Норман в сопровождении молодого офицера-летчика.

— Это капитан Лайелл, он доставит вас во Францию. Можете отправляться немедленно.

— Оденьтесь потеплее, сэр, — посоветовал пилот. — Может, одолжить вам куртку?

Пуаро извлек свои массивные часы, взглянул на циферблат и пробормотал себе под нос:

— Ну, что ж, успели, но только-только.

Затем маленький бельгиец поднял глаза и вежливо поклонился молодому летчику.

— Сердечно вам признателен, мсье. Но ваш пассажир — не я. Примите на борт вот этого джентльмена.

С этими словами он отступил на шаг. Из тени вышел какой-то человек. Это был второй задержанный, которого полицейские усадили в свою машину. Луч прожектора осветил его лицо, и я ахнул, пораженный до глубины души.

Это был премьер-министр!

* * *

— Бога ради, расскажите же обо всем! — взмолился я. Пуаро, Норман и я сидели в автомобиле, который вез нас в Лондон. — Как, во имя всего святого, они умудрились переправить премьер-министра в Англию?

— В этом не было никакой нужды, — сухо ответил Пуаро. — Премьер-министр не покидал Англию. Его похитили по пути из Виндзора в Лондон.

— Что вы такое говорите?

— Вот как было дело. Премьер-министр едет в автомобиле, рядом сидит секретарь. Внезапно к лицу государственного деятеля прижимают

подушечку, пропитанную хлороформом…

— Но кто? Кто это сделал?

— Ну, разумеется, наш одареннейший лингвист капитан Дэниелс. Как только премьер-министр потерял сознание, секретарь в переговорную трубку велит О'Мерфи сворачивать направо, и шофер, не подозревая ничего дурного, исполняет приказание. В нескольких ярдах от поворота дорогу преграждает машина с поднятым капотом, а водитель машет руками, взывая о помощи. О'Мерфи тормозит. Незнакомец приближается к ним, Дэниелс высовывается из окна и повторяет тот же трюк, который проделал со своим шефом. С помощью какого-то эффективного наркотика мгновенного действия — того же хлороформа, а возможно, этилхлорида — он усыпляет О'Мерфи. Бесчувственные тела премьера и его шофера перетаскивают в другую машину, а их место занимают двойники.

— Разве такое возможно?

— Та-та-та! Да в любом мюзик-холле отыщется артист, который мгновенно перевоплощается в какую угодно знаменитость, вы же сами не раз это видели! Стать двойником публичной персоны — пара пустяков. Изобразить премьер-министра Англии куда легче, чем, допустим какого-нибудь

мистера Джона Смита из Клэпхэма. Ну, а на двойника шофера О'Мерфи никто бы и не обратил особого внимания, во всяком случае, до отъезда мнимого премьера, а потом у мошенника было достаточно времени, чтобы убраться восвояси. С вокзала он едет прямиком на конспиративную квартиру к своим дружкам, туда он входит под видом О'Мерфи, а выходит оттуда совершенно другой человек. О'Мерфи исчезает, постаравшись хорошенько наследить и привлечь внимание полиции. Как удобно!

— Но ведь двойника премьер-министра видели все!

— Все и никто — по крайней мере, никто, кто был к нему близок или хотя бы знал лично. Во всяком случае, Дэниелс позаботился о том, чтобы оградить фальшивого премьера от подобных контактов. К тому же на его лице была марлевая повязка, а некие странности в его поведении легко было списать на пережитый в результате покушения шок. Известно, что у мистера Макадама слабые связки, перед публичными выступлениями он предпочитает помалкивать, чтобы сберечь голос. Таким образом иллюзию можно было без труда поддерживать до самой Франции. Там, разумеется, лже-Макадама ожида-

ло неизбежное разоблачение. И премьер-министр бесследно исчезает. Английская полиция в спешке форсирует Ла-Манш и даже не думает о том, чтобы разобраться в деталях первого покушения. Ну, и в довершении постановки, призванной убедить всех, что премьера похитили во Франции, сообщники затыкают Дэниелсу рот кляпом, связывают и усыпляют хлороформом.

— А человек, который изображал премьер-министра?

— Просто снимает грим. Даже если он и подставной шофер во время грандиозной облавы будут арестованы по какому-нибудь подозрению, никто не додумается об их истинной роли в этом деле и в конце концов их отпустят за недостатком улик.

— Что же произошло с настоящим премьер-министром?

— Его и О'Мерфи отвезли в Хэмпстед, где под именем миссис Эверард проживала одна из вымышленных теток Дэниелса. На самом деле эту даму зовут фрау Берта Эбенталь, и ее уже давно разыскивает полиция. Так что я преподнес им весьма ценный довесочек к подарку в лице нашего капитана Дэниелса. Ах, они придумали очень хитрый план, но не приняли в расчет сообрази-

тельность Эркюля Пуаро!

Конечно, в данной ситуации самодовольство моего друга было вполне простительно.

— Когда именно вы поняли, как обстояло дело?

— Когда начал работать по своему методу — головой! Нелепый инцидент со стрельбой мог объясняться лишь одним: необходимостью скрыть лицо премьер-министра под повязкой, прежде чем он отправится во Францию. Когда я понял это, я начал догадываться об остальном! Посетив все медицинские учреждения, расположенные между Виндзором и Лондоном, и узнав, что нигде не перевязывали пациента, соответствовавшего описанию, я окончательно убедился в своей правоте. Распутать весь клубок было пустяковой задачей для такого мощного ума, как мой.

* * *

На следующее утро Пуаро продемонстрировал мне только что полученную телеграмму, не имевшую ни адреса, ни подписи и содержавшую единственное слово: «Успели».

А вечерние газеты опубликовали полный отчет о конференции союзников. Особое внимание они уделили вдохновенной речи мистера Дэвида

Макадама, которая удостоилась бурных аплодисментов и произвела неизгладимое впечатление на собравшихся.

IX. Исчезновение мистера Дэвенхейма

Мы с Пуаро пригласили нашего друга инспектора Скотленд-Ярда Джеппа на чай. В ожидании его прихода мы сидели за чайным столом. Пуаро как раз закончил тщательное выравнивание чашек и блюдец в соответствии с законами симметрии, поскольку наша квартирная хозяйка имела обыкновение скорее кое-как швырять их на стол, нежели аккуратно ставить. Он старательно подышал на металлический чайник и хорошенько отполировал его бока шелковым носовым платком. Чайник только что вскипел, рядом с ним стояла эмалированная кастрюлька с густым и сладким горячим шоколадом — его Пуаро предпочитал напитку, который упорно именовал «этой вашей английской отравой». Снизу раздалось отрывистое «тук-тук» и несколько минут спустя в комнату стремительно влетел Джепп.

— Надеюсь, я не опоздал, — сказал он, поздоровавшись. — Честно говоря, заболтался с Миллером, который ведет дело Дэвенхейма.

Я навострил уши. Последние три дня газеты

только и судачили о странном исчезновении мистера Дэвенхейма, старшего партнера фирмы «Дэвенхейм и Салмон», известного банкира и финансиста. В минувшую субботу он в последний раз вышел из дому, и с тех пор его никто не видел. Я очень надеялся выудить из Джеппа какие-нибудь интересные подробности.

— Никогда бы не подумал, — заметил я, — что в наше время кто-нибудь может просто «исчезнуть».

Пуаро передвинул тарелку с бутербродами на одну восьмую дюйма и строго заметил:

— Будьте точны, друг мой. Что вы имеете в виду, говоря «исчезнуть»? Какой тип исчезновения вы подразумеваете?

— А что, разве все исчезновения классифицированы и отмечены бирочками? — рассмеялся я.

Джепп тоже усмехнулся, а Пуаро посмотрел на нас, сердито нахмурив брови.

— Ну, разумеется! Исчезновения подразделяются на три категории: первая и самая обыденная — добровольное исчезновение. Второй категорией больше всего злоупотребляют — это так называемая «потеря памяти», случай редкий, но иногда подлинный. Третья категория — убийство с более-менее успешным сокрытием тела. Счита-

ете ли вы все три варианта невозможными?

— Очень похоже на то, — кивнул я. — Можно потерять память, но кто-нибудь непременно тебя узнает — особенно если речь идет о таком известном человеке, как Дэвенхейм. Да и «тела́» не растворишь в воздухе. Рано или поздно они объявятся, спрятанные в укромных местах или в сундуках. Убийство выйдет наружу. Точно так же в наш век беспроволочного телеграфа на неудачу обречен какой-нибудь беглый кассир или злостный неплательщик займов. Из-за границы его могут выдать, порты и железнодорожные вокзалы под наблюдением, а уж скрыться в нашей стране — нечего и думать: внешность и особые приметы беглеца известны всем, кто читает ежедневные газеты. Он в одиночку противостоит всей цивилизации.

— Мон ами, вы сделали одну ошибку, — сказал Пуаро. — Вы упустили тот факт, что субъект, решивший покончить со своим ближним — или с самим собой, фигурально выражаясь, — может оказаться той самой редкостной машиной, именуемой «человеком метода». Он может приложить недюжинный ум, талант и тщательно рассчитать все детали. И я не понимаю, почему бы ему не преуспеть в том, чтобы сбить с толку

полицию.

— Но только *не вас*, я полагаю? — добродушно поинтересовался Джепп и подмигнул мне. — *Вас-то* ему не провести, а, мсье Пуаро?

Пуаро безуспешно попытался напустить на себя скромный вид.

— И меня тоже! Почему бы и нет? Правда, я-то подхожу к решению подобных проблем со строго научной, математической точностью, которая, увы, слишком редко встречается у представителей нового поколения детективов.

Ухмылка Джеппа стала еще шире.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Миллер, который расследует это дело, парень дотошный. Он не пропустит ни следа, ни окурка, ни даже табачной крошки, уж будьте покойны. Такой уж у него зоркий глаз — всё видит.

— У лондонского воробья тоже отличное зрение, друг мой, — сказал Пуаро. — Но я не стал бы просить бурую пташку решить загадку исчезновения мистера Дэвенхейма.

— Послушайте, мусью, вы же не собираетесь преуменьшать ценность деталей в качестве улик?

— Ни в коем случае. Все эти подробности по-своему полезны. Беда в том, что они могут

приобрести чрезмерное значение. Большинство деталей ничтожны, и лишь одна или две — жизненно важны. Мозг, серые клеточки… — он постучал себя пальцем по лбу — … только на них мы должны полагаться. Чувства вводят в заблуждение. Истину следует искать внутри, а не снаружи.

— Уж не хотите ли вы сказать, мсье Пуаро, что возьметесь раскрыть это дело, не вставая с кресла, а?

— Именно это я и имею в виду — опираясь на факты, которые будут мне предоставлены. Я выступлю в роли специалиста-консультанта.

Джепп хлопнул себя по колену.

— Провалиться мне на этом месте, если я не поймаю вас на слове. Ставлю пятерку, что вы не сможете отыскать — или, вернее, сказать мне, где искать мистера Дэвенхейма, живого или мертвого, до конца этой недели.

Пуаро обдумал условия пари.

— Э бьен, мон ами, я согласен. *Ле спорт* — до чего же вы, англичане, азартны. А теперь — факты на стол.

— В минувшую субботу, как обычно, мистер Дэвенхейм отправился на вокзал Виктория и сел на дневной поезд в двенадцать сорок до Чингсай-

да, где расположено его роскошное загородное поместье «Кедры». После ланча он прошелся по территории, давая разнообразные указания садовникам. Все в один голос утверждают, что в его поведении не было абсолютно ничего необычного. После чая он заглянул в будуар жены, сказал, что собирается прогуляться в деревню и отправить письма. Он прибавил, что к нему по делам должен приехать некий мистер Лоуэн. Если мистер Лоуэн появится до его возвращения, следует проводить его в кабинет и попросить подождать. Затем мистер Дэвенхейм вышел из дома через парадную дверь, не спеша прошел по дорожке, вышел за ворота — и с того часа больше его никто не видел. Он исчез.

— Симпатичная… очень симпатичная… в общем, прелестная проблемка, пробормотал Пуаро. — Продолжайте, мой добрый друг.

— Спустя примерно четверть часа рослый, смуглый человек с пышными черными усами позвонил в парадную дверь и сообщил, что у него назначена встреча с мистером Дэвенхеймом. Он назвался Лоуэном и, сообразно с инструкциями банкира, был препровожден в хозяйский кабинет. Прошло около часа, мистер Дэвенхейм не возвращался. Наконец мистер Лоуэн вызвал

прислугу звонком и объяснил, что, к сожалению, больше не имеет возможности ждать, поскольку должен успеть на обратный поезд в город. Миссис Дэвенхейм извинилась за отсутствие супруга — причем, отсутствие необъяснимое, поскольку она знала, что он ожидал посетителя. Мистер Лоуэн повторил, что сожалеет, и откланялся. И как теперь известно всем и каждому, мистер Дэвенхейм больше и не вернулся. Рано утром в воскресенье связались с полицией, но дело не клеилось. Мистер Дэвенхейм буквально растворился в воздухе. Его не было на почте, никто не видел, чтобы он шел через деревню. На станции совершенно уверены, что ни на один поезд он не садился. Его собственный автомобиль не покидал гаража. Если наемная машина дожидалась его в укромном месте, то совершенно очевидно, что к нынешнему часу ее шофер уже объявился бы и рассказал все, что знает. Ведь за любую информацию обещано крупное вознаграждение. Правда, в Энтфилде, что в пяти милях от Чингсайда, проходили ска́чки местного масштаба, и если бы мистер Дэвенхейм пешком дошел до тамошней станции, то мог затеряться в толпе. Однако с тех пор фотография пропавшего и словесное описание его внешности постоянно мелькали во всех

газетах, но никто не смог сообщить о нем ничего нового. Мы, конечно, получили множество писем со всей Англии, но ни одна ниточка не привела ни к чему, кроме разочарований.

В понедельник утром стало известно о новом сенсационном открытии. За портьерой в кабинете мистера Дэвенхейма стоял сейф, и этот сейф оказался взломан и обчищен. Окна были заперты на щеколду изнутри, что исключало банальное проникновение с целью грабежа, разве что сообщник в доме открыл их, а потом снова защелкнул как обычно. С другой стороны, накануне было воскресенье, в доме царил хаос, и скорее всего кража со взломом произошла в субботу и до самого понедельника о ней никто не знал.

— Вот именно, — сухо заметил Пуаро. — И конечно, он уже арестован, этот бедняга мсье Лоуэн?

Джепп усмехнулся.

— Пока нет. Но находится под пристальным наблюдением.

Пуаро кивнул.

— А что забрали из сейфа? У вас есть идеи на этот счет?

— Мы выяснили это с помощью миссис Дэвенхейм и младшего партнера фирмы. По-видимому,

там находилась значительная сумма в облигациях на предъявителя и очень солидная сумма наличными, поскольку на днях была заключена какая-то крупная сделка. Еще там хранилось небольшое состояние в ювелирных изделиях. Все украшения миссис Дэвенхейм лежали в этом сейфе. В последние годы супруг ее пристрастился к покупке драгоценностей — и месяца не проходило, чтобы он не подарил ей какой-нибудь редкостный и дорогой камень.

— В целом неплохой улов, — задумчиво резюмировал Пуаро. — А что же насчет Лоуэна? Вы уже знаете, какое дело привело его к Дэвенхейму в тот вечер?

— Ну, эти двое явно были не в лучших отношениях друг с другом. Лоуэн — обычный мелкий спекулянт. Тем не менее, ему удалось пару раз обставить Дэвенхейма на бирже, но они редко виделись, если виделись вообще. Банкир назначил ему встречу по поводу каких-то южноамериканских акций.

— Значит, у Дэвенхейма были деловые интересы в Южной Америке?

— По всей видимости, да. Миссис Дэвенхейм упомянула, что прошлую осень он провел в Буэнос-Айресе.

— А кстати, с женой он жил дружно? Не случалось ли супружеских размолвок?

— Я бы сказал, его семейная жизнь текла довольно мирно и без происшествий. Миссис Дэвенхейм женщина довольно приятная, хоть умом и не блещет. Ни с чем пирог, как по мне.

— Стало быть, искать разгадку в этом направлении не стоит. А враги у него были?

— Соперников среди финансистов у него хоть отбавляй. Вне всякого сомнения, он очень многих обошел, и эти люди не питают к нему благосклонности. Но вряд ли кто-то мог его прикончить — а если и мог, то где тело?

— Вот-вот. Как говорит Гастингс, тела имеют обыкновение обнаруживаться с роковым упорством.

— Кстати, один из садовников сообщил, будто видел, как кто-то обошел дом и направился к розарию. В кабинете французское окно до пола — оно смотрит прямо на розарий, и мистер Дэвенхейм часто входил в дом и выходил через него. Но сам садовник был далеко — устанавливал шпалеру для огурцов. Он даже не может сказать, хозяина видел или кого-то другого. И точное время он назвать тоже не может. Где-то около шести, должно быть, поскольку в это время садовники

заканчивают работу.

— А когда мистер Дэвенхейм вышел из дому?

— В половине пятого или около того.

— А что находится за розарием?

— Озеро.

— На озере есть лодочный сарай?

— Да, там хранится пара плоскодонок. Я полагаю, вы подумали о самоубийстве, мсье Пуаро? Ну, не откажу себе в удовольствии сообщить вам, что Миллер завтра поедет туда, чтобы лично наблюдать, как будут тралить этот водоем. Уж такой он человек!

Пуаро чуть заметно улыбнулся и повернулся ко мне:

— Гастингс, подайте мне, пожалуйста, «Дейли мегафон». Если я не ошибаюсь, там напечатана необычайно четкая фотография пропавшего.

Я встал и нашел номер, который требовался Пуаро. Он внимательно изучил черты лица на фото.

— Хм! Волосы густые и довольно длинные, — пробормотал он, — усы торчком, острая бородка, кустистые брови. Глаза темные?

— Да.

— Волосы и борода с проседью?

Детектив кивнул.

— Ну, мсье Пуаро, что вы обо всем этом скажете? Дело ясно как белый день, а?

— Наоборот. Полный мрак.

Вид у представителя Скотленд-Ярда был очень довольный.

— Что внушает мне большие надежды раскрыть его, — невозмутимо закончил Пуаро.

— Э-э?

— Я считаю добрым знаком, когда дело поначалу туманно. Если же все ясно как день — э бьен — не верьте! Кто-то нарочно так все подстроил.

Джепп покачал головой — чуть ли не жалостливо.

— Что ж, кому как нравится. Но неплохо идти вперед с открытыми глазами и ясно видеть свой путь.

— Я не «вижу», — пробормотал Пуаро. — Я закрываю глаза — и думаю.

Джепп вздохнул.

— Ну, у вас на раздумья целая неделя.

— А вы будете сообщать мне о любых новых событиях в этом деле — например, результаты изысканий востроглазого и трудолюбивого инспектора Миллера?

— Разумеется. Уговор дороже денег, — подмигнул инспектор.

— Даже стыдно чуток, — признался он мне, когда я провожал его до дверей. — Все равно что младенца ограбить!

Я не мог не согласиться с ним и улыбнулся. Все еще улыбаясь, я вернулся в комнату.

— Э бьен, — тотчас же поймал меня Пуаро, — насмехаетесь над папой Пуаро, да? — Он погрозил мне пальцем. — Не доверяете его серым клеточкам? Ах, не смущайтесь! Давайте обсудим нашу маленькую проблему — пока еще не решенную, признаю, но в ней уже просматриваются один или два интересных момента.

— Озеро! — произнес я со значением.

— И даже больше чем озеро — лодочный сарай!

Я искоса глянул на Пуаро. Он улыбался — загадочно, непостижимо, как умел только он один. В эту минуту я почувствовал, что совершенно бесполезно расспрашивать его дальше.

От Джеппа не было никаких известий вплоть до следующего вечера, когда он самолично явился около девяти часов. По выражению его лица я сразу понял, что инспектора распирает от новостей.

— Э бьен, мой друг. Всё идет прекрасно? — спросил Пуаро. — Только не говорите, что вы нашли тело мистера Дэвенхейма в этом вашем озере — я

ни за что не поверю.

— Те́ла мы не нашли, но нашли его *одежду* — точно такой же костюм был на нем в тот день. Что вы скажете на это?

— А какая-то еще одежда пропала из дому?

— Его камердинер совершенно уверен, что нет. Остальной гардероб нетронут. Дальше — больше. Мы арестовали Лоуэна. Одна из горничных, в обязанности которой входит запирать окна спальни, утверждает, что видела Лоуэна, идущего через розарий *в сторону кабинета* в четверть седьмого. То есть за десять минут до того, как он окончательно покинул дом.

— А как он сам это объясняет?

— Поначалу он категорически отрицал, что выходил из кабинета, но служанка настаивала на своих словах, и он притворился, будто забыл, что выскочил на минутку, чтобы осмотреть куст роз необычного сорта. Так себе отговорка! А тут и новое свидетельство против него подоспело. Мистер Дэвенхейм всегда носил на мизинце правой руки массивный золотой перстень с бриллиантом. И этот самый перстень в субботу вечером всплыл в Лондоне — его заложил в ломбард тип по имени Билли Келлет! Личность, давно известная полиции — отсидел три месяца

прошлой осенью за то, что снял часы с какого-то старика. Похоже, он пытался заложить кольцо в пяти разных местах, не меньше, в последнем преуспел, на вырученные деньги страшно напился, напал на полицейского и в результате был задержан. Я съездил на Боу-стрит* [* *На Боу-стрит расположен лондонский полицейский суд*] вместе с Миллером, чтобы на него взглянуть. Теперь он вполне протрезвел, и мы, признаться, здорово его припугнули, намекнув, что его могут обвинить в убийстве. Вот его показания, и они весьма странные. В субботу он был в Энтфилде на скачках, хотя, скажу с уверенностью, он не игрок, а, скорее, карманник по профессии. Как бы то ни было, день не сложился, и ему не подфартило. Он плелся по обочине дороги и присел отдохнуть в канаве на околице деревни. Через несколько минут он увидел человека, который шел по дороге в деревню. «Темнорожий такой джентльменчик с усищами — из городских хлыщей, не иначе», — так он описал этого прохожего. Келлетта почти скрывала от дороги каменистая насыпь. Перед тем как поравняться с ним, прохожий торопливо оглядел дорогу и, видя, что она совершенно пуста, достал из кармана какой-то небольшой предмет и швырнул через живую изгородь. А потом пошел

в сторону железнодорожной станции. Ну вот, поскольку эта вещица, перелетев через изгородь, упала с тихим звоном, это заинтересовало подонка в канаве. Он предпринял поиски и вскоре обнаружил перстень! Вот что рассказал Келлетт. Справедливости ради добавлю, что Лоуэн все категорически отрицает, да и полагаться на слова такого, как Келлетт не следует ни в малейшей степени. Вполне вероятно, что он случайно столкнулся с Дэвенхеймом, ограбил и убил его.

Пуаро покачал головой.

— Очень маловероятно, мон ами. У него не было возможности хорошенько спрятать труп, его бы уже нашли. Во-вторых, он в открытую заложил кольцо, а значит вряд ли убил его прежнего владельца. В-третьих, воры-карманники редко становятся убийцами. В-четвертых, поскольку он с вечера субботы сидел за решеткой — нельзя считать совпадением, что он так точно описал внешность Лоуэна.

Джепп кивнул.

— Я и не говорю, что вы неправы. Но все равно, вы не найдете такое жюри, которое поверило бы показаниям уголовника. Самое странное для меня, что Лоуэн не нашел более разумного способа избавиться от перстня.

Пуаро пожал плечами.

— Ну, в конце концов, если бы его нашли в окресностях, можно было бы утверждать, что Дэвенхейм сам его обронил.

— Но зачем было вообще снимать кольцо с руки покойника? — не выдержал я.

— Пожалуй, для этого есть причина, — сказал Джепп. — Вы знаете, что на другом берегу озера есть маленькая калитка, которая ведет на холм, а всего в трех минутах ходьбы находится — что бы вы думали? — *печь для обжига извести.*

— Силы небесные! — воскликнул я. — Хотите сказать, что известь, может разрушить тело, но бессильна перед металлом, из которого сделан перстень?

— Вот именно.

— Мне кажется, это все объясняет, — сказал я. — Какое жуткое преступление!

Не сговариваясь, мы оба посмотрели на Пуаро. Казалось, он погрузился в размышления, брови его сошлись на переносице словно от какого-то величайшего умственного усилия. Я почувствовал, что его мощный интеллект наконец начал проявлять себя. Каковы-то будут первые слова нашего гения? Мы недолго оставались в неведении. Он вздохнул — и с этим вздохом напряжение в его

позе спало, он повернулся к Джеппу и спросил:

— Вы случайно не знаете, мой друг, мистер и миссис Дэвенхейм спали в одной комнате?

Вопрос казался настолько дурацким и неуместным, что мы оба оторопели на миг и вытаращили глаза. Затем Джепп прыснул.

— Боже правый, мсье Пуаро, я-то решил, что вы додумались до чего-то совершенно поразительного! Что касается вашего вопроса, то я не знаю, что и ответить.

— А вы могли бы это выяснить? — спросил Пуаро с удивительной настойчивостью.

— О, конечно… если вы *действительно* хотите знать.

— Мерси, мон ами. Буду вам очень обязан, если вы обратите внимание на это обстоятельство.

Джепп снова уставился на него и на сей раз смотрел даже дольше, но Пуаро, похоже, вообще забыл о нашем существовании. Инспектор печально покачал головой и, пробормотав: «Бедняга! Война совсем подкосила старика!» — на цыпочках вышел из комнаты.

Поскольку Пуаро по-прежнему словно грезил наяву, я взял лист бумаги и развлекался составлением заметок. Голос моего друга отвлек меня от этого занятия. Пуаро вышел из оцепенения и ка-

зался бодрым и преисполненным боевого духа.

— Что это вы тут делаете, мон ами?

— Да вот, мне взбрело в голову записать основные моменты, представляющие интерес в этом расследовании.

— Вы становитесь методичным — наконец-то! — одобрил Пуаро.

Я скрыл свое удовольствие.

— Хотите, прочту вам?

— Всенепременно.

Я многозначительно откашлялся.

— Раз: все улики указывают, что именно Лоуэн вскрыл сейф.

Два: у него был зуб на Дэвенхейма.

Три: в показаниях он поначалу солгал что не выходил из кабинета.

Четыре: если принять на веру рассказ Билли Келлетта, то Лоуэн, несомненно, замешан.

Я сделал паузу.

— Ну как? — поинтересовался я, поскольку чувствовал, что ни один по-настоящему важный факт от меня не укрылся.

Пуаро посмотрел на меня с жалостью и мягко покачал головой:

— Бедный мой друг! Все дело в том, что вам просто не дано! Действительно важную деталь

вы никогда не оцените по достоинству. К тому же все ваши доводы ложны.

— Как же так?

— Давайте рассмотрим ваши четыре пункта.

Первый: мистер Лоуэн, возможно, даже не знал, что у него будет возможность взломать сейф. Он явился на деловую встречу. Он мог и не знать заранее, что мистер Дэвенхейм уйдет на почту, а сам он останется один в кабинете!

— Но он мог воспользоваться предоставившейся возможностью! — предположил я.

— А инструменты? Городской джентльмен не носит с собой чемоданчик взломщика на всякий случай! А перочинным ножиком сейф не взломаешь, бьен сюр!

— Ладно, что там с номером два?

— Вы говорите, что у Лоуэна был зуб на мистера Дэвенхейма. На самом деле вы имеете в виду, что пару раз он его обставил. И предположительно, эти сделки заключались им с целью получить выгоду. В любом случае вы вряд ли не будете иметь зуб на того, кого вы обошли — скорее наоборот. Зуб как раз должен был вырасти у самого мистера Дэвенхейма.

— Ну, вы же не станете отрицать, что Лоуэн солгал, будто не выходил из кабинета?

— Нет. Но он мог просто испугаться. Вспомните, как раз тогда из озера вытащили одежду пропавшего джентльмена. Конечно, было бы куда лучше для него сказать правду — как и всегда в таких случаях.

— А четвертый пункт?

— Тут я с вами согласен. Если история Келлета правдива, Лоуэн, безусловно, приложил руку к исчезновению Дэвенхейма. Именно поэтому дело принимает такой интересный оборот.

— Значит, я все же оценил один «жизненно важный факт».

— Возможно… но вы совершенно упустили из виду два других — более важных, таких, которые несомненно содержат ключ к разгадке всего этого дела.

— Молю, сообщите, что же это?

— Первый — это страсть мистера Дэвенхейма, появившаяся у него в последние годы — скупать ювелирные изделия. Второй — его поездка в Буэнос-Айрес прошлой осенью.

— Пуаро, вы шутите!

— Я очень серьезен. А, громы небесные, я все же надеюсь, что Джепп не забудет о моей маленькой просьбе.

Но детектив Скотленд-Ярда, пребывая в шутли-

вом настроении, помнил ее настолько хорошо, что телеграмма была вручена Пуаро уже около одиннадцати утра на следующий день. По его просьбе, я вскрыл ее и прочитал вслух:

супруги занимают отдельные комнаты прошлой зимы тчк

— Ага! — обрадовался Пуаро. — А нынче у нас середина июня! Все понятно!

Я выпучил на него глаза.

— Вы случайно не держите деньги в банке «Дэвенхейм и Салмон», мон ами?

— Нет, — сказал я и поинтересовался: — А что?

— А то, что в противном случае я бы посоветовал вам забрать их оттуда, пока не стало слишком поздно.

— Но почему? Чего вы ожидаете?

— Я ожидаю, что через несколько дней, или даже раньше, произойдет большой крах. Кстати, это напомнило мне, что надо в качестве ответной любезности отправить *депеш* Джеппу. Пожалуйста, подайте мне карандаш и бланк. Вуаля! *«советую вам изъять все деньги депозитов упомянутой фирмы тчк»*. Это заинтригует нашего славного Джеппа! Его глаза раскроются шире — очень широко! Он, конечно, ничегошеньки не поймет — до завтрашнего дня, а может, до послезавтра!

Я по-прежнему был настроен скептически, но завтрашний день заставил меня воздать должное замечательному таланту моего друга. Во всех газетах заголовки огромным шрифтом возвещали сенсационную новость: банк Дэвенхейма лопнул. Исчезновение известного финансиста приобрело совершенно другой аспект в свете вскрывшихся банковских махинаций.

В самый разгар нашего завтрака дверь распахнулась настежь и в комнату ворвался Джепп. В левой руке он держал газету, а в правой — телеграмму Пуаро, которую он швырнул на стол перед тарелкой моего друга.

— Как вы узнали, мсье Пуаро? Откуда, черт возьми, вы могли это знать?

Пуаро безмятежно ему улыбнулся.

— Ах, мон ами, после вашего ответа на мой вопрос о спальнях супругов это стало совершенно очевидно! Видите ли, мне с самого начала показалось весьма примечательным взлом сейфа. Драгоценности, наличные деньги, облигации на предъявителя — всё наготове и так удобно собрано в одном месте… для кого же? Что ж, наш добрый мистер Дэвнхейм был из тех, кому, как гласит ваша поговорка, «своя рубашка ближе к телу»! Совершенно определенно, что

он приготовил все это для… себя самого! Присвоенные суммы он обратил в драгоценности, скорее всего, постепенно заменил их подделками, а оригиналы спрятал в надежном месте и под другим именем — приличное состояние, которым можно будет воспользоваться, когда поиски зайдут в тупик. Приготовления завершены, он назначает встречу мистеру Лоуэну (который в прошлом был достаточно неосмотрителен, чтобы раз или два перейти дорогу этому великому человеку), просверливает дыру в сейфе, оставляет распоряжение, чтобы гостя проводили в кабинет, и выходит из дома — куда же? — Пуаро умолк и потянулся за вторым вареным яйцом. Он нахмурился. — Это совершенно немыслимо, — проворчал он. — Все курицы несут яйца разного размера! О какой симметрии на столе для завтрака может идти речь? Ну, можно было хотя бы в лавке их рассортировать?

— Бог с ними, с яйцами, — сказал нетерпеливо Джепп. — Пусть несут хоть квадратные, если им угодно. Расскажите, куда же наш подопечный отправился, выйдя из «Кедров» — вот и все. Если сами знаете, конечно!

— Э бьен, он отправился в какое-то тайное убежище. Ах, этот мсье Дэвенхейм, наверное, в

его серых клеточках имеется некий врожденный порок, но они у него наивысшего качества!

— Вы знаете, где он скрывается?

— Конечно, и это самое гениальное.

— Ради бога, выкладывайте!

Пуаро аккуратно собрал все осколки скорлупы со своей тарелки, сложил их в рюмку для яйца и прикрыл нижней половинкой пустой скорлупы. Завершив эту маленькую операцию, он улыбнулся опрятному результату, а затем одарил нежной, лучезарной улыбкой и нас с Джеппом.

— Давайте-ка, друзья мои, вы же оба очень умны. Задайте себе тот вопрос, который задал себе я: «Будь *я* на месте этого человека, где бы я спрятался?» Гастингс, что вы на это скажете?

— Ну, — задумался я, — я склоняюсь к тому, что на его месте бы не стал бы чересчур мудрить. Я спрятался бы в Лондоне — в самой гуще событий, ездил бы на метро и в автобусах. Десять к одному, никто бы меня не опознал. В толпе безопаснее всего.

Пуаро вопросительно посмотрел на Джеппа.

— Я не согласен. Убраться подобру-поздорову, причем, сразу же — единственный шанс. У меня же было бы полно времени, чтобы все подготовить заранее. Меня ждала бы яхта под парами, и

я бы умчался в какой-нибудь самый отдаленный уголок задолго до того как поднялся бы шум да гам! — Мы оба смотрели на Пуаро. — А что *вы* скажете, мусью?

Мгновенье маленький бельгиец молчал. А затем по лицу его пробежала чудна́я улыбка.

— Друзья мои, если бы я скрывался от полиции, знаете, *где* бы я спрятался? В тюрьме!

— Что?

— Вы разыскиваете мистера Дэвенхейма, чтобы посадить его, так что вам и в голову не придет посмотреть, а может, он *уже* сидит за решеткой?

— О чем это вы?

— Вы рассказывали, что мадам Дэвенхейм — женщина не самого блестящего ума. Тем не менее, я думаю, что если вы привезете ее на Боу-стрит и покажете ей Билли Келлетта, она его узнает! Несмотря на то, что он сбрил усы и бороду, подбрил кустистые брови и коротко подстригся. Женщина всегда узна́ет своего мужа, пусть даже весь остальной мир будет обманут!

— Билли Келлетт? Но он известен полиции!

— Разве я не говорил вам, что Дэвенхейм — человек изобретательный? Он заблаговременно подготовил себе алиби. Прошлой осенью он не был ни в каком Буэнос-Айресе — он создавал

персонаж Билли Келлетта, отбывая положенные три месяца, так чтобы у полиции в нужное время не возникло никаких подозрений. На кону ведь, как мы помним, стояло огромное состояние и свобода. Они стоили того, чтобы заранее все подготовить тщательнейшим образом. Только…

— Что?

— Э бьен, после отсидки ему пришлось нацепить фальшивую бороду и парик, ведь ему нужно было снова прикинуться *самим собой*, а спать с фальшивой бородой непросто — могут разоблачить! Он не мог больше делить спальню с очаровательной мадам его женой. Вы выяснили по моей просьбе, что вот уже шесть месяцев, то есть, с тех пор как он якобы вернулся из Буэнос-Айреса, они с миссис Дэвенхейм спят в разных комнатах. Теперь я был уверен! Все сошлось. Садовнику, которому показалось, что он видел хозяина, выходившего из-за угла дома, ничего не показалось. Дэвенхейм пошел к лодочному сараю, переоделся в лохмотья бродяги, которые, будьте уверены, он успешно прятал подальше от глаз камердинера, утопил в озере дорогой костюм, а затем приступил к осуществлению своего плана: не скрываясь заложил перстень, напал на полицейского и благополучно добрался

до убежища на Боу-стрит, где никто и никогда не додумался бы его искать!

— Это невозможно, — буркнул Джепп.

— Спросите у мадам, — с улыбкой предложил мой друг.

На следующий день у тарелки Пуаро лежало заказное письмо. Он открыл конверт, и оттуда выпорхнула пятифунтовая банкнота. Мой друг нахмурил брови.

— Ах, *дьябль*! Но что мне с ней делать? Меня мучает совесть! Бедный Джепп! О, идея! Мы устроим маленький званый ужин на троих! Это меня утешит. Это же на самом деле было очень легко. Я пристыжен. Никогда не опустился бы до того, чтобы ограбить невинного младенца… гм! Мон ами, что с вами? Почему вы покатываетесь со смеху?

X. Тайна итальянского аристократа

У нас с Пуаро было множество друзей и просто хороших знакомых. Среди последних был достойный представитель медицинской гильдии доктор Хокер, живший по соседству. Добряк-доктор имел обыкновение время от времени заглядывать к нам вечерком, чтобы поболтать с Пуаро, чьим гением он горячо восхищался. Этот честный и в высшей степени добропорядочный врач, умел по достоинству ценить таланты, весьма далекие от сферы его деятельности.

И вот однажды вечером, в самом начале июня, он явился где-то в половине девятого и затеял необременительную дискуссию на веселенькую тему: «Распространенность отравления мышьяком как способа убийства». Должно быть, прошло что-то около четверти часа, когда дверь распахнулась и в нашу гостиную ворвалась крайне встревоженная женщина.

— Ах, доктор, нужна ваша помощь и немедленно! Этот жуткий голос! Меня прямо-таки дрожь пробрала, вот истинная правда!

Я узнал в нашей нежданной гостье экономку доктора Хокера, мисс Райдер. Доктор был холостяком и проживал в мрачноватом старом доме на одной из соседних улиц. Мисс Райдер, обычно такая невозмутимая, сейчас пребывала в полуобморочном состоянии.

— Что еще за жуткий голос? Чей? И что случилось?

— Голос из телефона, доктор. Позвонили, я сняла трубку — и тут этот голос. «Помогите, — говорит, — доктор, помогите. Меня убили!» Потом там все вроде как стихло. Я спрашиваю: «Кто говорит? Кто это?» А в ответ слышу только слабый такой шепот: «Фоскатин, — так, кажется, — Риджентс-корт».

Доктор не удержался от удивленного возгласа:

— Граф Фоскатини! У него квартира в Риджентс-корте. Я должен немедленно бежать. Что же там могло случиться?

— Ваш пациент? — спросил Пуаро.

— Я посещал его несколько недель назад по поводу небольшого недомогания. Он итальянец, но превосходно говорит по-английски. Что ж, я вынужден откланяться и пожелать вам доброй ночи, Пуаро, если только… — Доктор замялся.

— Я улавливаю вашу мысль, — улыбнулся Пуа-

ро. — Буду счастлив сопровождать вас. Гастингс, бегите вниз и возьмите такси.

Когда особенно спешишь, такси вечно все заняты. Но мне в конце концов удалось поймать таксомотор и вскоре мы уже мчались на всех парах в сторону Риджентс-парка. Риджентс-корт — так назывался новый многоквартирный дом, расположенный неподалеку от Сент-Джонс-Вуд-роуд. Построенный совсем недавно, он был оборудован по последнему слову техники.

В холле никого не оказалось. Доктор нетерпеливо нажал на кнопку лифта, а когда он прибыл, резко бросил лифтеру в ливрее:

— Квартира номер два. Граф Фоскатини. Там произошел несчастный случай, насколько я понимаю.

Лифтер вытаращился на него в изумлении.

— Впервые слышу об этом! Мистер Грейвс — это графский камердинер — буквально полчаса назад вышел и ничего не сказал.

— Граф Фоскатини в квартире один?

— Нет, с ним ужинают два джентльмена.

— А как они выглядят? — спросил я с надеждой.

Мы уже ехали в лифте, быстро поднимаясь на третий этаж, где и находилась квартира номер

два.

— Сам-то я их не видел, сэр, но, насколько я понял, они иностранцы.

Он отворил чугунную решетчатую дверь, и мы вышли на лестничную клетку. Номер два располагался прямо перед нами. Доктор позвонил в дверь. Нам не открыли, внутри было тихо. Доктор позвонил еще раз, потом еще. Мы слышали лишь дребезжание звонка, но никто не подавал признаков жизни.

— Дело принимает серьезный оборот, — пробормотал доктор и повернулся к лифтеру.

— Есть запасной ключ от этой двери?

— У привратника внизу.

— Тогда спускайтесь и привезите его сюда, и, знаете что, заодно вызовите-ка полицию.

Пуаро одобрительно кивнул.

Лифтер быстро вернулся. Вместе с управляющим.

— Вы не могли бы объяснить, джентльмены, что все это значит?

— Разумеется. Я получил сообщение по телефону, что на графа Фоскатини напали, и он умирает. Как вы сами понимаете, мы решили не терять времени даром — возможно, мы уже опоздали.

Управляющий без дальнейших проволочек

достал ключ, и мы все вошли в квартиру.

Сперва мы оказались в небольшой квадратной гостиной. Дверь с правой стороны была приоткрыта. Управляющий кивнул на нее.

— Столовая.

Доктор Хокер вошел первый. Мы следовали за ним по пятам. Войдя в комнату, я невольно ахнул. Остатки трапезы на круглом столе посреди комнаты. Три стула отодвинуты, будто те, кто на них сидел, только что встали из-за стола. В углу справа от камина — массивный письменный стол, а за ним сидит человек — вернее, уже труп. Его правая рука еще лежала на телефонном аппарате, но сам он навалился на стол, сраженный страшным ударом по затылку. Орудие убийства не пришлось долго искать. Основание мраморной статуэтки, брошенной в спешке, было испачкано кровью.

Осмотр врача был недолог.

— Мертв. Смерть, по всей видимости, наступила почти мгновенно. Удивительно, как это он смог позвонить. До прихода полиции его лучше не трогать.

По предложению управляющего мы осмотрели квартиру, но результат был предсказуем. Маловероятно, что убийцы стали бы прятаться там, откуда они могут запросто уйти.

Мы возвратились в столовую. Пуаро в нашем обходе квартиры не участвовал. Я заметил, что он с пристальным вниманием разглядывает стол в центре комнаты, и подошел к нему. Это был хорошо отполированный круглый стол красного дерева. Середину украшала ваза, полная роз, на сверкающей поверхности лежали белые кружевные салфетки. На столе имелось блюдо с фруктами, но три десертные тарелки остались чистыми. Тут же стояли три кофейные чашки с остатками кофе на дне — два черных и один с молоком. Все трое сотрапезников пили портвейн — до половины налитый графин стоял рядом с центральным блюдом. Один курил сигару, двое других — сигареты. Инкрустированный серебром черепаховый портсигар с табачными изделиями стоял открытым здесь же.

Я мысленно расположил все эти факты по пунктам, но должен признать, что они никак не объясняли случившееся. Теряясь в догадках, что такого важного увидел в них Пуаро, я прямо спросил у него об этом.

— Мон ами, вы упускаете суть, — ответил маленький бельгиец. — Я ищу то, чего я здесь не вижу.

— И что же это?

— Ошибка — даже самая крошечная ошибка, совершенная убийцей.

Он быстро шагнул к смежной со столовой кухоньке, заглянул туда и покачал головой.

— Мсье, — обратился он к управляющему, — не будете ли вы любезны объяснить мне здешнюю систему подачи блюд?

Управляющий подошел к чуланчику в стене.

— Это служебный лифт, — пояснил он. — Он ведет в кухню на верхнем этаже здания. Вот по этому телефону вы заказываете блюда, и они по очереди доставляются к вам в квартиру на подъемнике. Грязная посуда таким же образом отправляется обратно. Никаких домашних хлопот, и в то же время вы избегаете утомительной публичности, с которой неизменно связаны ужины в ресторане.

Пуаро кивнул.

— Значит, блюда и тарелки, использовавшиеся сегодня вечером, сейчас в кухне наверху. Вы позволите мне туда подняться?

— О, конечно, если желаете! Робертс — это наш лифтер — проводит вас туда, и вы сможете побеседовать с обслугой. Но, боюсь, вы не найдете в кухне ничего полезного. Туда отправляются сотни тарелок и блюд, и все они составлены в

стопки.

Впрочем, Пуаро остался тверд в своем намерении, и мы вместе посетили кухню и опросили человека, принимавшего заказ из квартиры номер два.

— Ужинали три персоны, блюда выбирали из нашего меню, — объяснил он. — Суп-жюльен, филе морского языка по-нормандски, говяжья вырезка и рисовое суфле. В котором часу? Около восьми, я бы сказал. Нет, боюсь, все блюда и тарелки теперь уже вымыты. К сожалению. Полагаю, вам нужны отпечатки пальцев?

— Не совсем, — сказал Пуаро, загадочно улыбнувшись. — Меня больше интересует аппетит графа Фоскатини. Он попробовал каждое из перечисленных блюд?

— Да, но я, конечно, не могу сказать, сколько он чего съел. Тарелки все были грязные, блюда — опустели, так сказать, за исключением рисового суфле. Его осталось прилично.

— А-а, — кивнул Пуаро, по-видимому, удовлетворенный этим сообщением.

Когда мы снова спустились в квартиру, он тихонько заметил.

— Мы определенно имеем дело с человеком метода.

— Вы имеете в виду убийцу или графа Фоскатини?

— Последний, безусловно, весьма педантичный джентльмен. Взмолившись о помощи и объявив о своей скорой кончине, он аккуратно повесил телефонную трубку.

Я смотрел на Пуаро во все глаза. Его слова и недавние вопросы вызвали у меня внезапное озарение.

— Вы подозреваете, что это яд? — прошептал я. — А удар по голове был отвлекающим маневром?

Пуаро лишь улыбнулся вместо ответа.

Мы снова вошли в квартиру и встретили там местного инспектора полиции, прибывшего в сопровождении двух констеблей. Он хотел было воспротивиться нашему присутствию, но Пуаро усмирил его, упомянув нашего друга из Скотленд-Ярда — инспектора Джеппа, и нам нехотя позволили остаться. На наше счастье, потому что не прошло и пяти минут, как в комнату вбежал взволнованный мужчина средних лет с возбужденно-скорбной гримасой на лице. Это был Грейвс, камердинер и дворецкий покойного графа Фоскатини. И рассказал он поразительнейшую историю.

Накануне утром к хозяину пришли с визитом двое. Оба итальянцы. Старшему на вид не более сорока, он представился синьором Асканио. Младший был щеголевато одетый юноша лет двадцати четырех.

Граф Фоскатини явно ожидал их визита и немедленно отослал Грейвса с каким-то пустяковым поручением. На этом месте рассказа камердинер помедлил, будто сомневаясь, стоит ли продолжать. В конце концов он, однако, признался, что, заинтересованный целью встречи, он не подчинился приказу, а задержался, надеясь услышать, что происходит. Беседовали господа до того тихо, что Грейвс так ничего толком и не расслышал, но уловил достаточно, чтобы сообразить, что обсуждалось некое денежное предложение, и в его основе лежит угроза. Разговор был отнюдь не дружеский. В конце его граф Фоскатини слегка повысил голос и слушатель явственно различил следующие слова:

— У меня нет времени на дальнейшие препирательства, господа. Если вы поужинаете со мной завтра в восемь вечера, то мы сможем завершить нашу дискуссию.

Опасаясь, что его изобличат в подслушивании, Грейвс поспешил уйти исполнять хозяйское по-

ручение. Сегодня вечером джентльмены явились ровно в восемь. За обедом они вели непринужденную беседу — о политике, погоде и о театральном мире. Когда Грейвс поставил на стол портвейн и подал кофе, хозяин сообщил ему, что на сегодня он может быть свободен.

— Это что же — было у вас заведено по вечерам, когда к нему приходили гости? — спросил инспектор.

— Нет, сэр, напротив. Поэтому-то я и подумал, что дело, которое он собирался обсудить с этими джентльменами, было весьма необычного свойства.

Так завершился рассказ Грейвса. Он ушел примерно в восемь тридцать и, встретив приятеля, посетил в его компании Метрополитен мюзик-холл на Эджвер-роуд.

Никто не видел, как уходили двое гостей графа, но время смерти было зафиксировано довольно точно — восемь сорок семь. Падая на стол, Фоскатини рукой смахнул со стола часы, те упали и остановились в это время, что совпадало с телефонным звонком, который приняла мисс Райдер.

Полицейский врач осмотрел тело — теперь оно лежало на кушетке. Я впервые увидел лицо покойного — оливковая кожа, орлиный нос,

роскошные черные усы, полные красные губы, приоткрывающие ослепительно белые зубы. Не очень приятное лицо.

— Ну что же, — сказал инспектор, застегивая свой блокнот. — Дело кажется совершенно ясным. Единственная сложность — как нам взять этого синьора Асканио. Полагаю, бесполезно искать его адрес в записной книжке жертвы?

Как и сказал Пуаро, покойный Фоскатини был человеком педантичным. Тщательно выведенная мелким разборчивым почерком запись гласила: «Синьор Паоло Асканио, отель «Гросвенор».

Инспектор тут же схватил телефонную трубку, а после звонка повернулся к нам с ухмылкой.

— Успели! Наш распрекрасный господин как раз отправился на пароход, отплывающий на *континуент*. Что ж, джентльмены, пока на этом все. Дело дрянное, но довольно незамысловатое. Одна из этих итальянских вендетт, скорее всего.

Таким образом, легкомысленно отвергнутые, мы отыскали лестницу и по ней спустились в холл. Доктор Хокер был сам не свой от возбуждения.

— Ну, ни дать не взять — начало романа, да? Потрясающе. Прочтешь о таком — нипочем не поверишь.

Пуаро молчал. Он пребывал в глубокой задумчивости. За весь вечер он почти не раскрыл рта.

— А что скажет наш главный детектив, а? — спросил Хокер, хлопнув его по спине. — Вашим серым клеточкам на сей раз не над чем потрудиться?

— Вы так считаете?

— А что бы это могло быть?

— Ну, например, там есть окно.

— Окно? Но оно же на шпингалете. Никто не мог бы ни забраться ни выбраться таким путем, я специально обратил внимание.

— А что побудило вас обратить на него внимание?

Доктор выглядел озадаченным, а Пуаро поспешил объяснить:

— Я имею в виду шторы. Они не были задернуты. Что немного странно. И еще кофе. Это был очень черный кофе.

— Э-э-э, а что с ним не так?

– *Очень* черный, — повторил Пуаро. — В связи с этим давайте вспомним, что было съедено весьма небольшое количество рисового суфле, и мы получим… что?

— Вздор, — рассмеялся доктор. — Вы морочите мне голову.

— Я никогда никому не морочу голову. Гастингс знает, что я совершенно серьезен.

— Но я не понимаю, к чему вы клоните, — признался я. — Уж не слугу ли вы подозреваете? Он, наверное, связан с бандой и добавил в кофе какой-то наркотик. Полагаю, его алиби проверили?

— Несомненно, мой друг. Но меня интересует алиби синьора Асканио.

— Вы думаете, у него есть алиби?

— Вот это меня и беспокоит. Я уверен, что на этот счет вскоре все станет ясно.

Газета «Дейли Ньюсмонгер» дала нам возможность узнать о дальнейших событиях.

Синьора Асканио арестовали и обвинили в убийстве графа Фоскатини. Даже за решеткой он отрицал, что знаком с графом, и заявил, что не бывал вблизи Риджентс-корта ни в тот вечер, когда произошло преступление, ни накануне утром. Юноша исчез бесследно. Синьор Асканио прибыл с континента в одиночку за два дня до убийства и поселился в отеле «Гросвенор». Все попытки найти его спутника успехом не увенчались.

Впрочем, Асканио не был осужден. Сам итальянский посол вступился за него во время разбирательства и дал показания, что Асканио в день убийства пробыл с ним в посольстве с вось-

ми до девяти вечера. Заключенного освободили. Естественно, многие решили, что это убийство было из разряда политических, и его попросту не хотели предавать огласке.

Пуаро проявлял живейший интерес ко всему, что относилось к этому делу. Я был несколько удивлен, когда однажды утром он вдруг объявил, что к одиннадцати часам ожидает посетителя, и что этот посетитель не кто иной, как сам Асканио.

— Он хочет посоветоваться с вами?

— Отнюдь, Гастингс. Это я хочу посоветоваться с ним.

— О чем?

— Об убийстве в Риджентс-корте.

— Вы собираетесь доказать, что это он убийца?

— Человека нельзя дважды судить за одно и то же преступление, Гастингс. Постарайтесь придерживаться здравого смысла. А вот и наш друг звонит в дверь.

Несколько минут спустя синьор Асканио был препровожден в комнату — маленький, щуплый человек с вороватым взглядом. Он остался стоять, и глаза его подозрительно шныряли от одного из нас к другому.

— Мсье Пуаро?

Мой бельгийский друг легонько похлопал себя по груди.

— Присаживайтесь, синьор, прошу вас. Вы получили мою записку. Я полон решимости докопаться до сути этой загадки. В какой-то мере вы можете мне в этом помочь. Давайте начнем. Вы вместе с другом… посетили покойного графа Фоскатини утром в субботу девятого…

Итальянец сделал сердитый протестующий жест.

— Ничего подобного. Я присягнул в суде…

— Верно… и у меня на этот счет появилась одна маленькая идея: вы солгали под присягой.

— Вы мне угрожаете? Ба! Но я вас не боюсь. Меня оправдали.

— Вот именно. И поскольку я не идиот, я вам угрожаю не виселицей, а оглаской. Публичной оглаской! Вижу, что вы не любите это слово. Я так и думал, что не любите. Была у меня такая маленькая идея, а мои маленькие идеи, знаете ли, очень для меня ценны. Ну же, синьор, ваш единственный шанс — быть со мной откровенным. Я не спрашиваю, чьи оплошности привели вас в Англию. Мне достаточно знать, что вы прибыли с особой целью — повидать графа Фоскатини.

— Никакой он не граф, — проворчал италья-

нец.

— Я уже обратил внимание, что в «Готском альманахе» его имя ни разу не упомянуто. Впрочем, графский титул очень популярен среди профессиональных шантажистов.

— Полагаю, я тоже могу говорить откровенно. Вам, судя по всему, известно немало.

— Я с определенной пользой применил мои серые клеточки. Итак, синьор Асканио, вы пришли к покойному в субботу утром — верно?

— Да. Но я не приходил к нему на другой день вечером. Не было нужды. Я все вам расскажу. Некая информация касательно человека, занимающего в Италии очень высокое положение, попала в руки этого негодяя. В обмен на бумаги он потребовал крупную сумму денег. Я приехал в Англию, чтобы решить этот вопрос. В то утро пришел к нему согласно предварительной договоренности. Со мной был один молодой служащий посольства. Граф оказался более здравомыслящим, чем я предполагал, хотя заплаченная мной сумма все равно была огромна.

— Пардон, а каким образом вы ее заплатили?

— В итальянских купюрах сравнительно небольшого достоинства. Заплатил всё и сразу. Он отдал мне компрометирующие бумаги. Боль-

ше я его никогда не видел.

— Почему вы не рассказали все это, когда вас арестовали?

— Моя позиция весьма уязвима, так что я был вынужден отрицать любую связь с этим человеком.

— В таком случае, что вы думаете о событиях того вечера?

— Я могу только предположить, что кто-то намеренно выдавал себя за меня. Насколько я понимаю, никаких денег в квартире не обнаружили?

Пуаро взглянул на него и покачал головой.

— Странно, — пробормотал он. — Все мы обладаем серыми клеточками. И только немногие из нас умеют ими пользоваться. Доброго вам утра, синьор Асканио. Все так, как я себе и представлял. Но я должен был убедиться.

Раскланявшись с гостем, Пуаро вернулся в свое кресло и улыбнулся мне:

— Давайте-ка послушаем, что скажет мсье ле капитэн Гастингс?

— Ну, полагаю, Асканио прав — кто-то выдавал себя за него.

— Вот никогда, никогда вы не используете данные вам Господом нашим серые клеточки.

Припомните несколько слов, которые я произнес, покинув в тот вечер квартиру графа. Я обратил внимание, что занавеси на окнах не были задернуты. Нынче у нас на дворе июль. В восемь часов вечера по-прежнему светло. Темнеть начинает в половине девятого. О чем это говорит? У меня сложилось смутное ощущение, что когда-нибудь вы догадаетесь. Но продолжим. Три чашки кофе, как я сказал, очень черного. А зубы графа Фоскатини были изумительно белоснежными. Кофе оставляет пятна на эмали. Мы делаем заключение, что граф Фоскатини кофе не пил вовсе. Но на столе было три чашки. Зачем кому-то создавать видимость, что граф Фоскатини пил кофе, если он этого не делал?

Я недоуменно затряс головой.

— Смелее, я вам помогу. Откуда мы знаем, что Асканио и его друг, или те двое, что выдавали себя за них, вообще приходили в квартиру графа тем вечером? Никто не видел, как они вошли. Никто не видел, как они вышли. У нас есть свидетельства лишь одного человека и множества неодушевленных предметов.

— То есть?

— То есть ножей, вилок, тарелок и пустых блюд. Ах, это было очень ловко придумано! Грейвс

— вор и мерзавец, но он человек метода до мозга костей! Он подслушал часть утреннего разговора — достаточно, чтобы понять, что Асканио окажется в щекотливом положении, когда ему придется защищаться. На следующий вечер, около восьми, Грейвс сообщает хозяину, что того зовут к телефону. Фоскатини садится, протягивает руку к трубке, и Грейвс бьет его сзади мраморной статуэткой. Затем быстро звонит обслуге — ужин на троих!

Блюда прибывают, он накрывает на стол, пачкает тарелки, ножи, вилки и так далее. Но он должен также избавиться от еды. Он не только человек с мозгами, еще он обладает на редкость здоровым и вместительным желудком! Но рисовое суфле после трех порций жаркого — для него это было уже слишком! Он даже выкурил сигару и две сигареты, чтобы довершить иллюзию. Ах, его дотошность великолепна! Затем, передвинув стрелки часов на восемь сорок семь, он разбивает часы, и те останавливаются. Только одного не сделал убийца — не зашторил окна. А вот если бы ужин был настоящим, то портьеры закрыли бы, едва начало темнеть. Затем Грейвс торопливо уходит, по дороге сообщив лифтеру о хозяйских гостях. Он спешит к телефонной будке и ближе к

восьми сорока семи звонит доктору и имитирует в трубку предсмертный крик своего хозяина.

Идея оказалась настолько удачной, что никто ни разу не поинтересовался, звонили ли в это время куда-нибудь из второй квартиры.

— Никто, кроме Эркюля Пуаро, я полагаю, — не удержался я от сарказма.

— И даже Эркюль Пуаро, — ответил мой друг с улыбкой. — Теперь я собираюсь поинтересоваться. Мне надо было сперва доказать вам мою точку зрения. Но вот увидите, я прав. И тогда Джепп, которому я уже дал подсказку, сможет арестовать нашего добропорядочного Грейвса. Интересно, сколько денег он уже успел истратить?

Пуаро оказался прав. Он всегда прав, черт побери!

XI. Дело о пропавшем завещании

Довольно приятным разнообразием в нашей рутинной работе стала проблема, о которой поведала мисс Вайолет Марш. Пуаро получил от нее лаконичную записку с просьбой о встрече, и в ответном послании пригласил ее посетить нас в двенадцать часов следующего дня.

Она приехала минута в минуту — высокая, красивая, одетая без особых изысков, но опрятно. Держалась уверенно и по-деловому и явно была из тех молодых женщин, что полны решимости преуспеть в этой жизни. Сам-то я не большой поклонник так называемых «новых женщин», и, невзирая на привлекательность нашей гостьи, не проникся к ней особым расположением.

— У меня к вам несколько необычное дело, мсье Пуаро, — сразу же предупредила она, усаживаясь в предложенное нами кресло. — Начну, пожалуй, с самого начала и расскажу вам всю историю.

— Как вам угодно, мадемуазель.

— Я сирота. Мой отец был одним из двух братьев — сыновей скромного фермера из Девоншира. Хозяйство находилось в упадке, и старший брат

Эндрю отправился искать счастья в Австралию, где и в самом деле весьма преуспел и благодаря успешным земельным спекуляциям стал человеком очень богатым. Младший брат Роджер (мой отец) не имел ни малейших склонностей к сельскому хозяйству. Ему удалось получить кое-какое образование и устроиться служащим маленькой фирмы. Женился он на женщине ненамного богаче его. Моя мать была дочерью бедного художника. Отец умер, когда мне было шесть лет. А в четырнадцать я потеряла и мать — она последовала в могилу за отцом. Моей единственной родней остался дядя Эндрю, который к тому времени вернулся из Австралии и купил небольшое поместье Крэбтри-Мэнор в своем родном графстве. Он был чрезвычайно добр к единственному ребенку своего покойного брата, взял меня к себе жить и всегда относился так, будто я была его родной дочерью. Хотя Крэбтри-Мэнор и считается усадьбой, на самом деле это просто старый фермерский дом. Земледельчество было у дядюшки в крови, и он чрезвычайно живо интересовался самыми разными современными сельскохозяйственными экспериментами. При всей его доброте ко мне, у дяди имелось своеобразное, глубоко укоренившееся представление о

том, как следует воспитывать девочек. Фактически он нигде и никогда не учился, хотя обладал поразительной деловой сметкой и проницательностью, и весьма низко оценивал то, что называл «книжными знаниями». И был ярым противником образования для женщин. По его мнению девушки должны обучаться работе по дому и на молочной ферме, приносить пользу по хозяйству и как можно меньше читать книжки. Именно так он собирался воспитывать и меня — к моему горькому разочарованию и возмущению. Я откровенно взбунтовалась. Я знала, что мне достались хорошие мозги и что я начисто лишена талантов в области домашнего хозяйства. Мы с дядюшкой часто и яростно спорили на сей счет, поскольку, несмотря на взаимную привязанность, оба весьма своевольны. Мне посчастливилось выиграть стипендию, и до определенного момента я успешно добивалась своего. Буря разразилась, когда я решила поступить в Гертон* [* *Гертон-колледж — один из колледжей Кембриджского университета в Великобритании. Основан в 1869 году в Хитчине как первый женский колледж при Кембридже*]. У меня было немного собственных денег — материнское наследство, и я твердо решила наилучшим образом использовать способности,

которыми наделил меня Господь. Мне пришлось выдержать последний, довольно долгий спор с дядюшкой. Он выложил карты на стол: других родственников-де у него нет, и он собирался сделать меня единственной наследницей. (Как я уже упомянула, дядя был очень богат.) Однако, если я продолжу упорствовать в своих «новомодных взглядах», то останусь ни с чем. Я вежливо, но твердо стояла на своем. Я всегда буду его любить и уважать, сказала я ему, но это моя жизнь, и я сама должна ею распоряжаться. На том мы и разошлись. «Ты вообразила, что у тебя есть мозги, девочка моя, — сказал он напоследок. — А я вот книжек вовсе не читал, но мои мозги с твоими всегда смогут потягаться. Поживем — увидим, так-то». С тех пор прошло девять лет. Я навещала его время от времени по выходным, и отношения между нами остались исключительно сердечными, несмотря на все расхождения во взглядах. Он ни разу не упомянул ни о моем поступлении в университет, ни о полученной мною степени бакалавра. За последние три года здоровье дядюшки сильно ухудшилось, а месяц назад он скончался.

Теперь я подошла к цели моего визита. Дядюшка оставил весьма необычное завещание. По его

условиям Крэбтри-Мэнор и все его содержимое предоставляется в мое распоряжение на год после его смерти, «в течение коего моя премудрая племяшка может доказать свою сообразительность» — это его собственные слова. Если по прошествии этого срока «его смекалка мою смекалку одолеет», то все огромное состояние дядюшки перейдет в распоряжение разнообразных благотворительных организаций.

— Это должно быть очень тяжело для вас, мадемуазель, ведь вы единственная близкая родня мистера Марша.

— Дело совсем не в этом. Дядя Эндрю честно предупредил меня, и я выбрала собственный путь. А поскольку я пошла против его воли, то он имел полное право оставить свои деньги кому пожелает.

— Завещание оформил нотариус?

— Нет. Оно было от руки написано на стандартном бланке и заверено мужем и женой, которые жили в доме и работали на моего дядю.

— Значит, у вас есть возможность опротестовать этот документ?

— Я даже не буду пытаться.

— Стало быть, вы относитесь к нему, как к своеобразному предложению пари со стороны

вашего дядюшки?

— Именно так я это и расцениваю.

— Да, подобное волеизъявление несомненно предполагает такую интерпретацию, — задумчиво произнес Пуаро. — Где-то в недрах своего старого поместья ваш дядя спрятал либо крупную денежную сумму, либо, возможно, второе завещание и дал вам год, чтобы вы проявили свою изобретательность и нашли его.

— Совершенно верно, мсье Пуаро! Но позвольте сделать вам комплимент: я полагаю, что ваша изобретательность многократно превзойдет мою.

— Ах-ах! Но это весьма очаровательно с вашей стороны. Мои серые клеточки в вашем распоряжении. Вы уже предприняли собственные изыскания?

— Самые поверхностные. Но я слишком уважаю дядюшкины умственные способности, чтобы надеяться на легкую победу.

— Вы захватили с собой завещание либо его копию?

Мисс Марш протянула ему документ через стол. Пуаро пробежал его глазами, задумчиво качая головой.

— Составлено три года назад, датировано

двадцать пятым марта. Даже время указано — одиннадцать часов утра — и это очень обнадеживает. Область поиска сужается. Именно другое завещание нам и надо искать, это несомненно. Завещание, составленное даже на полчаса позднее аннулирует существующее. Э бьен, мадемуазель, вы предложили мне очаровательную и весьма изощренную задачку. Я получу огромнейшее удовольствие, решив ее для вас. Конечно, дядюшка ваш был человеком вполне одаренным, однако его серые клеточки не в силах тягаться с серыми клеточками Эркюля Пуаро! — (Нет, право же, Пуаро просто вопиюще тщеславен!) — К счастью, в данный момент у меня нет срочных дел. Гастингс и я отправимся в Крэбтри-Мэнор нынче вечером. Супружеская чета, которая ухаживала за вашим дядюшкой, по-прежнему там, я полагаю?

— Да, их фамилия Бейкер.

* * *

На следующее утро началась настоящая охота. Прибыли мы накануне поздно вечером. Мистер и миссис Бейкер, уведомленные телеграммой от мисс Марш, нас уже ожидали. Это была приятная пара: неуклюжий муж с розовыми щеками, похожими на сморщенные яблоки, и его жена

— женщина необъятных размеров и такого же необъятного, истинно девонширского спокойствия.

Устав с дороги — сперва поезд, затем шестимильная ухабистая дорога от станции до поместья — мы улеглись спать сразу после ужина, состоявшего из жареного цыпленка, яблочного пирога и девонширских сливок. Теперь же, отлично позавтракав, мы сидели в небольшой, обшитой деревом комнате, служившей покойному мистеру Маршу одновременно кабинетом и гостиной. На столе с откидной крышкой лежали аккуратные стопки документов, все они были тщательно промаркированы. Вместительное кожаное кресло явственно свидетельствовало, что оно было любимым местом отдыха его хозяина. Длинная, обитая ситцем кушетка стояла у противоположной стены. И такая же выцветшая ткань со старомодным узором покрывала сиденья, устроенные в глубоких оконных нишах.

— Э бьен, мон ами, — сказал Пуаро, закуривая крошечную папироску. — Мы должны набросать план нашей кампании. Я уже провел черновой осмотр дома, но у меня сложилось убеждение, что ключ к разгадке следует искать в этой комнате. Надо скрупулезно просмотреть все документы на

столе. Естественно, я не рассчитываю найти завещание среди этих бумаг, но весьма вероятно, что какой-то, с виду невинный, листок может содержать подсказку, как отыскать тайник, в котором оно спрятано. Но сперва нам требуется кое-какая информация. Позвоните прислуге, пожалуйста.

Я так и сделал. Пока мы ждали, Пуаро прохаживался по кабинету, одобрительно поглядывая вокруг.

— Этот мистер Марш — человек метода. Вы только взгляните, как аккуратно рассортированы все документы. Ключ от каждого ящика имеет собственный ярлычок слоновой кости — и ключ от буфета с чайным сервизом тоже. И смотрите, с какой точностью расставлен фарфор внутри. Сердце радуется. Ничто не оскорбляет взор…

Он внезапно умолк, поскольку его *взор* наткнулся на ключ от крышки письменного стола, к которому был прикреплен замызганный конверт. Пуаро нахмурился и вытащил ключ из замочной скважины. На конверте было нацарапано: «Ключ От Крышки Стола» — буквы были корявые, совсем не похожие на бисерную каллиграфию на костяных бирках прочих ключей.

— Какая чужеродная записка, — по-прежнему хмурясь, заметил Пуаро. — Могу поклясться, что

она не имеет ничего общего с личностью мистера Марша. Но кто еще находился в доме? Только мисс Марш, а эта молодая леди, если я не ошибаюсь, тоже человек метода и порядка.

Явился Бейкер, услышавший звонок.

— Не могли бы вы позвать мадам вашу жену, чтобы ответить на некоторые вопросы?

Бейкер удалился и через несколько минут вернулся вместе с миссис Бейкер. Та на ходу вытирала руки о передник и добродушно улыбалась.

В нескольких словах Пуаро прояснил суть нашей миссии. Бейкеры тут же сочувственно закивали.

— Мы не хочем, чтоб у мисс Вайолет отобрали ейное, — заявила толстуха. — Жестокость несусветная, ежели эти больницы всё захапают.

Пуаро приступил к вопросам. Да, мистер и миссис Бейкер прекрасно помнят, как они заверяли завещание. Перед этим Бейкера послали в соседний городок купить два печатных бланка.

— Два? — вскинул брови Пуаро.

— Да, сэр, вроде как на всякий случай, ежели один спортит — и, уж будьте покойны, он его спортил. Только мы его подписали…

— А который тогда был час?

Бейкер поскреб затылок, но жена его вспомни-

ла быстрее.

— Чтоб уж не ошибиться, я только-только молоко поставила на плиту для какао — аккурат в одиннадцать. Как тут забыть! Оно убежало и всю плиту залило, когда мы вернулись в кухню.

— А потом что было?

— Да примерно через час он нас снова кликнул. Ошибся я, мол, пришлось в клочки все изорвать. Не сочтите за труд, подпишите, говорит, еще разок. Ну, мы и подписали. А потом хозяин дал нам кругленькую сумму — каждому. Я, говорит, по завещанию вам ничего не оставил, но каждый год, пока я жив, стану вам выплачивать, чтоб, значит, было вам подспорье, когда помру. И конечно, так он все и устроил.

Пуаро задумался.

— А что сделал мистер Марш после того как вы поставили подписи во второй раз? Вам это известно?

— Пошел в деревню оплачивать счета лавочников.

Это казалось не слишком обнадеживающим. Пуаро попробовал зайти с другой стороны. Он продемонстрировал Бейкерам ключ от письменного стола.

— Это почерк вашего хозяина?

Может, я все выдумал, но мне показалось, что возникла некоторая заминка — мгновение-другое — прежде чем Бейкер ответил:

— Да, сэр, его.

«Лжет, — подумал я. — Но почему?»

— Ваш хозяин уезжал из дома? Или, может быть, к нему приезжал кто-то незнакомый в течение последних трех лет?

— Нет, сэр.

— Никаких посетителей?

— Только мисс Вайолет.

— То есть, чужие люди в эту комнату не заходили?

— Нет, сэр.

— Ты про рабочих запамятовал, Джим, — напомнила его жена.

— Рабочих? — Пуаро стремительно развернулся к ней. — Каких рабочих?

Женщина объяснила, что года два с половиной назад рабочие выполнили кое-какой ремонт в этой комнате. Она весьма смутно представляла, какой именно. С ее точки зрения это все были хозяйские причуды, и ремонт был совершенно не нужен. Какое-то время рабочие трудились в кабинете, но она не могла сказать, что чинилось, потому что хозяин не разрешал супругам входить

в комнату, пока длился ремонт. К сожалению, название фирмы, которая проводила работы, они припомнить не могут, разве только то, что она находилась в Плимуте.

— А мы продвигаемся, Гастингс, — потирая руки, сказал Пуаро, как только Бейкеры ушли. — Он явно составил второе завещание, а потом пригласил рабочих из Плимута, чтобы те сделали для него подходящий тайник. Но мы не станем терять время, простукивая стены и отрывая половицы, отправимся вместо этого в Плимут.

С некоторыми трудностями мы все же добыли нужную нам информацию. После пары неудачных попыток нам посчастливилось отыскать фирму, в которую обращался мистер Марш.

Все их работники трудились уже много лет, и было легко найти тех двоих, что выполнили заказ мистера Марша. Они прекрасно помнили этот подряд. Помимо всяческих мелких переделок они вынули один кирпич из старомодного камина и сделали за ним углубление и так разрезали кирпич, чтобы стык было невозможно разглядеть. При нажатии на второй кирпич с торца тайник раскрывался. Это была довольно-таки сложная работенка, а старый джентльмен был очень привередлив, как сообщил наш информатор по

фамилии Кохэн — рослый, худощавый мужчина с седеющими пышными усами. Он казался смышленым малым.

Мы вернулись в Крэбтри-Мэнор в хорошем настроении и, едва переступив порог кабинета, решили применить вновь обретенные знания. Все кирпичи казались одинаковыми, но когда мы нажали на второй с торца, тут же открылась глубокая полость.

Пуаро нетерпеливо запустил туда руку. Внезапно выражение самодовольного восторга на его лице сменилось оцепенением. Все, что он вынул оттуда — обугленный клочок пересохшей бумаги. Кроме него в углублении ничего не было.

– *Сакре́*! — гневно вскричал Пуаро. — Проклятье! Кто-то нас опередил.

Мы с тревогой осмотрели находку. Это явно был фрагмент того, что мы искали. Сохранилась часть подписи Бейкера, но никаких указаний на текст завещания.

Пуаро отпрянул от камина и сел на пятки. Выражение его лица можно было бы назвать комичным, не будь мы настолько подавлены.

— Я не понимаю, — проворчал мой друг. — Кто уничтожил его? И с какой целью?

— Бейкеры? — предположил я.

— Пуркуá? Для них нет никакой выгоды в этом, и они вернее остались бы здесь, если бы поместье перешло к мисс Марш, а не к благотворительным организациям. Кому выгодно уничтожение этого завещания? Больницы и приюты выигрывают — да, но не подозревать же целые учреждения?

— Может, старик передумал и сам его уничтожил? — размышлял я вслух.

Пуаро поднялся на ноги, отряхнул колени с обычной своей аккуратностью.

— Такое возможно, — согласился он. — Это одно из самых разумных ваших наблюдений, Гастингс. Что ж, здесь оставаться смысла нет. Мы сделали все, что по силам смертному. Мы успешно противопоставили свой интеллект изобретательности покойного Эндрю Марша, но, к сожалению, его племянница от нашего успеха ничуть не выиграла.

Поехав на станцию немедленно, мы как раз успели на лондонский поезд, пусть это был и не экспресс. Пуаро печально хмурился. А я так устал, что клевал носом в уголке. Внезапно, едва поезд тронулся от станции Таунтон, Пуаро пронзительно возопил:

— Гастингс, скорее! Проснитесь и прыгайте! Прыгайте, я сказал!

Я и сам не понял, как очутился на платформе, без шляпы, без багажа их увез растворившийся в ночи поезд. Я был в ярости. Но Пуаро не обращал на это никакого внимания.

— Ну я и осел! — кричал он. — Трижды идиот! Никогда больше не стану превозносить свои серые клеточки!

— Вот это, кстати, правильно, — проворчал я. — Но что все это значит?

И как обычно, увлеченный собственными мыслями, Пуаро пропустил мои слова мимо ушей.

— Счета от лавочников — я совершенно упустил их из виду! Да, но где? Где? Неважно, я не могу ошибаться. Мы должны немедленно вернуться.

Легко сказать. Нам удалось сесть на медленный поезд до Эксетера, где Пуаро нанял авто. В Крэбтри-Мэнор мы приехали очень ранним утром. Не буду описывать замешательство Бейкеров, когда мы их наконец добудились. Ни на кого не обращая внимания, Пуаро тут же решительно зашагал в кабинет.

— Я не трижды идиот, друг мой, а четыре раза по трижды три, — соизволил он заметить. — Итак, смотрите!

Он подошел к письменному столу, извлек из замка ключ и отсоединил от него конверт. Я

оторопело следил за его действиями. Неужели он надеется найти большой бланк завещания в таком крохотном конвертике? С большой осторожностью мой друг вскрыл конверт и расправил его. Затем он зажег свечу и поднес к огню гладкую внутреннюю поверхность конверта. Через несколько минут на ней начали проступать бледные знаки.

— Смотрите, мон ами! — торжествуя, воскликнул Пуаро.

Я взглянул на конверт. Там было всего несколько еле видимых строчек, в которых коротко сообщалось, что мистер Марш оставляет все, чем владеет, своей племяннице Вайолет Марш. Тут же была дата: двадцать пятое марта, двенадцать тридцать пополудни, и подписи свидетелей — кондитера Альберта Пайка и его супруги Джесси Пайк.

— Но законно ли это? — выдохнул я.

— Насколько я знаю, закон не запрещает фиксировать последнюю волю смесью исчезающих и симпатических чернил. Намерения завещателя очевидны, а бенефециаром является его единственная ныне живущая родственница. Но до чего же все лихо придумано! Он предвидел каждый шаг, который предпримет ищущий — ко-

торый я, глупый осел, предпринял. Он заполняет два бланка завещания, велит слугам подписать оба, а затем отправляется в путь с завещанием, написанным на внутренней стороне грязного конверта и авторучкой, наполненной хитрой смесью чернил. Под каким-то предлогом он просит кондитера и его жену поставить свои подписи под его собственной, затем прикрепляет конверт к ключу от письменного стола и тихо посмеивается. Если племянница разгадает его уловку, она подтвердит тем самым, что не напрасно получила образование, что выбрала правильную дорогу и может теперь заслуженно наслаждаться дядюшкиными деньгами.

— Но она ведь не разгадала? — медленно произнес я. — Это кажется не совсем справедливым. На самом деле старик выиграл.

— Нет, Гастингс. Это *ваш* разум сбивается с пути. Мисс Марш доказала проницательность своего ума и преимущества высшего образования для женщин тем, что сразу же передала дело в *мои* руки. Всегда нанимайте эксперта. Она убедительно подтвердила свое право на эти деньги.

А всё-таки мне интересно — мне *очень* интересно, что сказал бы на это старина Эндрю Марш!

XII. Происшествие в экспрессе на Плимут

Алек Симпсон, офицер флота Его Величества, шагнул с платформы станции Ньютон-Эббот в купе первого класса плимутского экспресса. Носильщик внес следом тяжелый чемодан и уже собирался водрузить его на багажную полку, но молодой моряк остановил его.

— Нет-нет, положите пока на сиденье, я сам потом уберу его. Вот, держите.

— Премного благодарен, сэр.

Получив щедрые чаевые, носильщик удалился. Захлопали двери, зычный голос провозгласил: «До Плимута без остановок! Следующая станция — Плимут, пересадка на Торки!» Затем раздался свисток и поезд медленно тронулся в путь.

Попутчиков у Симпсона не оказалось, ему предстояло ехать одному. В декабрьском воздухе чувствовалось дыхание мороза, и лейтенант поднял окно. Потом он потянул носом и нахмурился. Как-то странно здесь пахнет. Напоминает… напоминает госпиталь. Ему тогда оперировали ногу… Определенно, в купе пахнет хлороформом!

Он снова немного опустил окно и пересел так, чтобы ветерок дул ему в лицо. Вынул из кармана трубку, закурил и какое-то время сидел, задумчиво глядя в ночь. Наконец он очнулся от своих размышлений, достал из чемодана газеты и пару журналов, снова закрыл чемодан и попытался задвинуть его под сиденье напротив, но безуспешно — что-то в глубине пространства под полкой мешало это сделать. Раздосадованный неожиданной помехой, он попытался применить грубую силу, однако чемодан удалось запихнуть только до половины.

— Какого черта, почему он не помещается? — пробормотал молодой моряк, снова вытащил чемодан и заглянул под сиденье… Спустя мгновение ночь огласилась криком и скрежетом тормозов — громоздкий состав, подчиняясь рывку стоп-крана, совершил экстренную остановку.

* * *

— Мон ами, хочу вам что-то показать, — сообщил Пуаро. — Если не ошибаюсь, вас весьма заинтересовало происшествие в экспрессе на Плимут. Прочтите-ка вот это.

Он перебросил мне через стол записку. В ней было всего несколько слов.

Дорогой сэр!

Буду весьма Вам признателен, если навестите меня при первой же возможности.

Искренне Ваш,

Эбенезер Холлидей.

Как это послание связано с тайной плимутского экспресса, мне было совершенно невдомек, и я вопросительно взглянул на Пуаро. Вместо ответа он взял со столика одну из газет и прочитал вслух заметку:

Вчера вечером случилось трагическое происшествие. Молодой флотский офицер, возвращаясь в Плимут к месту службы, обнаружил в своем купе под сиденьем труп женщины, убитой ударом ножа в сердце. Офицер тут же дернул стоп-кран и остановил поезд. Женщине на вид около тридцати лет, одета модно и дорого. Ее личность пока не установлена.

— А вот дополнительная информация, поступившая позже:

Женщина, обнаруженная мертвой в плимутском экспрессе, опознана — это достопочтенная миссис Руперт Кэррингтон.

Теперь вам все понятно, друг мой? Если нет, то поясню: эта миссис Руперт Кэррингтон в девичестве звалась Флосси Холлидей. Она дочь старика

Холлидея, «стального короля Америки».

— И он желает с вами встретиться? Это же замечательно!

— Когда-то мне довелось оказать ему пустяковую услугу — речь шла о небольшой афере с облигациями на предъявителя. А когда я был в Париже по случаю королевского визита, мне представили мадемуазель Флосси — в то время хорошенькую юную пансионерку да еще и с кругленьким приданым. Сочетание, как вы сами понимаете, весьма соблазнительное — и разумеется, она едва не попала в беду.

— А кто же был героем этого романа?

— Некий граф де ла Рошфор. Каналья, проходимец. Отброс общества, как вы это называете. Классический авантюрист, способный в два счета обольстить романтически настроенную девицу. К счастью, ее отец обо всем пронюхал и поспешил увезти Флосси в Америку. Спустя несколько лет я узнал, что она вышла замуж, но о ее супруге мне ничего не известно.

— Ну, достопочтенный Руперт Кэррингтон тоже далеко не подарок, — просветил его я. — Промотал собственное состояние на скачках, и тут, в последний момент, подвернулась возможность присосаться к семейной кубышке старика Хол-

лидея. Никогда не думал, что этот смазливый, лощеный, но абсолютно беспринципный молодой прохвост сделает такую удачную партию.

— Ах, бедная барышня! Из огня да в полымя!

— Кэррингтон уже во время медового месяца дал ей понять, что женился исключительно на ее деньгах, они прожили вместе совсем недолго и разъехались. В последнее время поговаривали, что дело идет к официальному разводу.

— Старик Холлидей — стрелянный воробей, вряд ли он позволил зятю пустить на ветер приданное дочери.

— Надеюсь, что так. Во всяком случае, мне доподлинно известно, что сейчас достопочтенный Руперт основательно сидит на мели.

— Ах вот как… Любопытно.

— Что любопытно?

— Дорогой друг, не приставайте пока с расспросами. Если вас интересует это дело, можете сопровождать меня к мистеру Холлидею. На углу есть стоянка такси.

* * *

Спустя несколько минут мы вошли в вестибюль великолепного особняка на Парк-лейн, где обосновался американский магнат. Нас проводили в

библиотеку, и туда тотчас же явился хозяин дома — дородный господин с пронзительным взглядом и своевольным квадратным подбородком.

Он сразу же приступил к делу:

— Мсье Пуаро, полагаю, нет нужды объяснять, зачем мне понадобились ваши услуги. Вы, разумеется, читали газеты, а я не привык тратить время попусту. Случайно узнал, что вы сейчас в Лондоне, и вспомнил, как здорово вы меня выручили тогда с теми облигациями. Если человек зарекомендовал себя настоящим профессионалом, я уже не забуду его фамилию. Конечно, Скотленд-Ярд подключил к расследованию лучших сыщиков, но мне нужен свой человек. С расходами я не посчитаюсь. Я делал деньги и приумножал свои капиталы только с одной целью — оставить их моей девочке. Ее больше нет, и я готов потратить все до последнего цента, чтобы поймать проклятого мерзавца, который ее убил. Это понятно? Теперь ваше слово.

Пуаро поклонился.

— Сделаю все, что в моих силах, мсье — тем более, что я был лично знаком с вашей дочерью и несколько раз встречался с ней в Париже. Пожалуйста, изложите мне все обстоятельства ее поездки в Плимут, не упуская ни одной детали,

которая, по-вашему, может иметь отношение к делу.

— Прежде всего, — начал рассказ Холлидей, — Флосси вообще не собиралась в Плимут. Ее пригласили погостить в Эйвонмид-Корт, поместье герцогини Суонси. Из Лондона она уехала в двенадцать четырнадцать поездом с Паддингтонского вокзала. В Бристоль, где она должна была сделать пересадку, он прибывает в два пятьдесят. Обычно экспрессы до Плимута, как вы, должно быть, знаете, идут через Уэстбери, а к Бристолю даже близко не подъезжают. В то время как поезд в двенадцать четырнадцать из Паддингтона едет без остановок до Бристоля, а дальше останавливается в Уэстоне, Тонтоне, Эксетере и Ньютон-Эбботе. Моя дочь путешествовала одна, купе было зарезервировано в ее личное пользование до самого Бристоля, а ее горничная находилась в следующем вагоне, она ехала третьим классом.

Пуаро кивнул, и мистер Холлидей продолжил:

— В Эйвонмид-Корте Флосси собиралась хорошенько повеселиться: намечалось несколько приемов и вечеринок, куда пригласили разных шишек из высшего общества. Так что дочь взяла с собой почти все свои украшения. Их общая

стоимость около ста тысяч долларов.

— Прошу прощения, — прервал его Пуаро. — У кого хранились эти драгоценности? У горничной или у вашей дочери?

— Флосси всегда держала их при себе, в небольшом футляре из синего сафьяна.

— Продолжайте, мсье.

— В Бристоле ее горничная, Джейн Мейсон, прихватив несессер хозяйки и всякие там накидки и шарфы, зашла в вагон первого класса за Флосси. К ее изумлению, моя дочь сказала, что не будет пересаживаться в другой поезд, а поедет дальше. Она велела Мейсон проследить за тем, чтобы чемоданы выгрузили из багажного отделения и поместили в камеру хранения. После этого горничной следовало отправляться в буфет и дожидаться госпожу, которая вернется в течение дня обратным поездом. Мейсон крайне удивилась, но все же исполнила приказание в точности. Она позаботилась о багаже и пошла в буфет, где выпила чаю и перекусила. Обратные поезда прибывали один за другим, а ее хозяйка все не появлялась. Когда пришел последний, Мейсон не оставалось ничего другого, как продлить срок хранения чемоданов и заночевать в привокзальной гостинице. В утренних газетах

она прочитала о случившейся трагедии и первым же поездом вернулась в столицу.

— У вас нет предположений, почему ваша дочь так внезапно изменила свои планы?

— Тут вот какое дело. По словам Джейн Мейсон, когда поезд прибыл в Бристоль, в купе Флосси была уже не одна. С ней был какой-то человек, который прошел вглубь купе и глядел в окно, так что горничная не видела его лица.

— А окно выходило на перрон?

— Нет, туда выходили окна коридора — там-то и стояла Флосси, отдавая распоряжения служанке.

— И вы совершенно уверены… прошу меня простить! — Пуаро встал и поправил чернильный прибор, который стоял на краю письменного стола. — Же ву демóн пардон, — еще раз извинился он и снова сел на место. — Я просто не в состоянии видеть, когда что-то грубо нарушает симметрию. Такие уж у меня причуды. Стало быть, мсье, вы совершенно уверены, что именно эта, по всей видимости, случайная встреча повлияла на решение вашей дочери не выходить в Бристоле?

— По-моему, это единственное вероятное объяснение.

— У вас есть предположения, кем мог быть этот джентльмен?

Миллионер на мгновение задумался, а затем покачал головой.

— Нет, я понятия не имею.

— Что ж, поговорим о том, как было обнаружено тело.

— Его нашел молодой офицер военно-морского флота, он-то и поднял тревогу. В поезде был врач, который осмотрел тело. Мою бедную девочку сперва усыпили хлороформом, а затем закололи. По мнению врача, смерть наступила в районе четырех часов дня, так что убийство, скорее всего, произошло сразу же, как только поезд выехал из Бристоля. Либо на подъезде к Уэстону, либо между Уэстоном и Бристолем.

— А футляр с украшениями?

— Он исчез, мсье Пуаро.

— И еще вопрос, мсье. Кому перейдет состояние вашей дочери после ее смерти?

— Вскоре после свадьбы Флосси составила завещание в пользу мужа. Он ее единственный наследник. — Немного поколебавшись, американский магнат добавил: — Должен признаться, мистер Пуаро, я считаю своего зятя бессовестным негодяем и советовал дочери избавиться от него… без лишней огласки. Я закрепил за ней внушительную сумму, но позаботился о том, чтобы

помешать ее муженьку обобрать мою девочку, пока она жива. Однако, хотя они уже несколько лет жили раздельно, он все время требовал денег и Флосси часто приходилось идти на уступки, чтобы избежать публичного скандала. Тем не менее, я не оставлял попыток положить этому конец, и как только мне удалось убедить Флосси, мои адвокаты начали бракоразводный процесс.

— А где сейчас мсье Кэррингтон?

— В Лондоне. Насколько я знаю, прошлой ночью он вернулся в город из своего поместья.

Пуаро ненадолго задумался, а потом кивнул:

— Полагаю, пока на этом все, мсье.

— Прислать к вам горничную, Джейн Мейсон?

— Да, с вашего разрешения, я с ней побеседую.

Холлидей вызвал звонком лакея и отдал короткое распоряжение. Спустя несколько минут в комнату вошла Джейн Мейсон — в высшей степени респектабельная и невозмутимая особа. Даже перед лицом случившейся трагедии она сохраняла полное хладнокровие — как и положено вышколенной прислуге.

— Вы позволите задать вам несколько вопросов? Скажите, в каком состоянии ваша хозяйка пребывала вчера утром перед отъездом? Не показалось ли вам, что она взволнована, или

напугана?

— О нет, сэр!

— Однако в Бристоле она вела себя совсем по-другому?

— Да, сэр, она была ужасно расстроена, сплошной комок нервов. Сложилось впечатление, что она совершенно не отдает отчета в своих словах и поступках.

— А что именно она вам говорила?

— Насколько я помню, сэр, она сказала следующее: «Мейсон, я передумала. Я не буду сходить с поезда здесь, я поеду дальше. Поместите чемоданы в камеру хранения, выпейте чаю в буфете и ждите меня». Я переспросила: «Мне ждать вас здесь, мэм?». Она в ответ: «Да-да, не покидайте вокзал. Я вернусь обратным поездом, но еще точно не знаю, в котором часу. Возможно, поздним вечером». «Слушаюсь, мэм», — что я еще могла сказать. Не в моих правилах задавать лишние вопросы, но, конечно, я не могла не подумать, что все это очень и очень странно.

— Это было непохоже на вашу хозяйку?

— Совершенно непохоже, сэр.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Что ж, сэр, я решила, что это связано с джентльменом, который стоял в купе миссис Кэр-

рингтон. Она с ним не разговаривала, но пару раз оборачивалась и смотрела в его сторону, будто хотела убедиться, что он одобряет ее действия.

— Однако лица этого джентльмена вы не видели?

— Нет, сэр, он все время стоял спиной ко мне.

— А можете хотя бы приблизительно описать его?

— На нем было бежевое пальто и дорожное кепи. Высокий, стройный и, судя по затылку — темноволосый.

— Вы его раньше не встречали?

— Вроде бы нет, сэр.

— А не мог это быть ваш хозяин, мистер Кэррингтон?

Мейсон, казалось, изрядно перепугал этот вопрос.

— Ох, нет, сэр, вряд ли!

— То есть, вы не уверены?

— Ну, фигурой он вроде бы схож, но я даже не подумала, что это мог быть хозяин. Мы так редко его видели, сэр! Пожалуй, я не могу ответить ни «да», ни «нет».

Пуаро, неодобрительно насупившись, подобрал с ковра булавку. Затем продолжил:

— Скажите, а мог этот человек заскочить в по-

езд в Бристоле, пока вы шли к хозяйке из своего вагона?

Мейсон задумалась.

— Думаю да, сэр, он вполне мог это сделать. Мой вагон был битком набит, я долго не могла протолкаться к выходу. На перроне тоже было полно пассажиров, так что я и там задержалась. На разговор с хозяйкой осталась каких-то пара минут, и, заметив этого джентльмена, я решила, что он пришел из другого купе.

— Конечно, это куда более вероятно. — Маленький бельгиец сделал паузу, все еще хмурясь.

— Рассказать вам, как была одета хозяйка, сэр?

— В газетах приводили подробное описание, но я хотел бы, чтобы вы его подтвердили.

— На голове был белый меховой ток, сэр, из песца, и белая вуаль с мушками. Дорожный костюм из плотной ткани с ворсом, ярко-синий– такой цвет теперь называют «электрик», сэр.

— Гм, довольно эффектное сочетание.

— Да уж, — вмешался Холлидей. — Инспектор Джепп надеется, что это поможет установить точное место преступления. Любой, кто видел Флосси в таком наряде, обязательно ее вспомнит.

— Бьен сюр! Благодарю, мадемуазель!

Горничная удалилась.

— Ну, что ж! — Пуаро стремительно поднялся на ноги. — Здесь мне делать нечего. Напоследок хочу сказать одно: мне бы очень помогло, мсье, если бы вы рассказали мне правду — *всю* правду.

— Я так и сделал!

— Вы уверены?

— Абсолютно!

— В таком случае, увы — я вынужден отказаться от дела.

— Почему?

— Потому что вы не были со мной откровенны.

— Но уверяю вас…

— Нет. Вы что-то скрываете.

Последовала минутная пауза, а затем Холлидей вытащил из нагрудного кармана листок бумаги и протянул моему другу.

— Полагаю, вот то, что вам нужно, мсье Пуаро, хотя разрази меня гром, если я понимаю, как вы об этом прознали.

Пуаро улыбнулся и развернул листок. Это было письмо, написанное изящным летящим почерком. Пуаро прочитал его вслух.

Дорогая мадам!

Я с бесконечным удовольствием ожидаю нашей с Вами новой счастливой встречи. После Вашего

невероятно любезного ответа на мое письмо я с трудом могу сдержать нетерпение: я никогда не забывал те волшебные дни в Париже! Какая жестокая насмешка Судьбы, что завтра Вам придется покинуть Лондон! Однако вскоре, и, возможно, даже раньше, чем Вы думаете, я смогу опять наслаждаться лицезрением нежного образа, который всегда царил в моем сердце! Поверьте, мадам, искренним словам сохранившего самые преданные и неизменные чувства,

Вашего покорного слуги

Армана де ла Рошфора.

Пуаро с поклоном вернул письмо Холлидею.

— Полагаю, мсье, вы не знали о намерении вашей дочери возобновить знакомство с графом де ла Рошфором?

— Для меня это было как гром среди ясного неба! Это письмо я обнаружил в сумочке Флосси. Вы, должно быть, знаете, мсье Пуаро, что этот так называемый граф — авантюрист самого низкого пошиба. — Пуаро кивнул. — Но ума не приложу, откуда вам стало известно о существовании письма?

Мой друг тонко улыбнулся.

— Мсье, о самом письме я ничего не знал. Но разглядывать в лупу следы и сортировать сигарет-

ный пепел — этим занятия хорошего детектива не ограничиваются. Он должен разбираться в психологии! Я знал, что вы недолюбливаете своего зятя и не доверяете ему. Мсье Кэррингтону выгодна смерть вашей дочери. Описание таинственного незнакомца, которое дала горничная, в общих чертах ему подходит. Тем не менее вы не требуете, чтобы его немедленно выследили и схватили. Почему? Видимо, вы подозреваете кого-то другого, а улики против этого лица по каким-то причинам скрываете.

— Вы правы, мсье Пуаро. Я был твердо уверен в виновности Руперта, пока не обнаружил это письмо. С тех пор я места себе не нахожу.

— Понимаю. Граф пишет: «… Вскоре, и, возможно, даже раньше, чем Вы думаете…» Очевидно, ему не хотелось дожидаться, пока вы узнаете, что он снова появился на горизонте. Он вполне мог сесть на поезд в двенадцать четырнадцать, а потом наведаться в купе вашей дочери. И, если мне не изменяет память, граф де ла Рошфор — высокий и стройный брюнет.

Миллионер подтвердил это энергичным кивком.

— Что ж, мсье, позвольте откланяться. Скотленд-Ярд, как я понимаю, уже располагает

списком похищенных драгоценностей?

— Да, и если хотите увидеться с инспектором Джеппом, он, кажется, все еще здесь, в доме.

* * *

Наш старый приятель инспектор Джепп приветствовал Пуаро вполне сердечно, но с оттенком превосходства в голосе:

— И вы тут, мусью? Ну-ну, мы не подеремся, хоть и по-разному смотрим на многие вещи. Как поживают серые клеточки? Работают на всю катушку?

Пуаро благожелательно улыбнулся.

— Они функционируют как надо, мой добрый Джепп, не беспокойтесь!

— Ну и слава богу. Думаете, это достопочтенный Руперт? Или ставите на неизвестного грабителя? Конечно, мы организовали парочку облав и следим за всеми подозрительными местами, где обычно сбывают побрякушки. Ведь их крали не для того, чтобы ими любоваться, уж будьте уверены. Пока что я пытаюсь выяснить, как провел вчерашний день Руперт Кэррингтон. Похоже, ему есть что скрывать. За ним я тоже установил наблюдение.

— Похвальная предусмотрительность, но, воз-

можно, вы опоздали примерно на сутки, — мягко заметил Пуаро.

— Вам бы все шутки шутить, мсье Пуаро. А мне пора заняться делом. Паддингтон, Бристоль, Уэстон, Тонтон — вот мой маршрут. Счастливо оставаться!

— Не хотите заглянуть ко мне вечером и похвастаться своими успехами?

— Непременно, если быстро обернусь туда и назад!

— Славный инспектор свято верит, что движение — это жизнь, — пробормотал Пуаро вслед нашему другу из Скотленд-Ярда. — Он колесит по стране; он измеряет отпечатки обуви; он собирает мусор и сигаретный пепел! Он страшно занят и ретив сверх меры! И если при нем упомянуть слово «психология» — знаете, мой друг, что он сделает? Он усмехнется! Он скажет сам себе: «Бедняга Пуаро! Старость не радость!» Но вот в чем беда Джеппа и всего этого «молодого энергичного поколения», которое стоит на пороге: они увлечены взломом и натиском и не замечают, что дверь-то открыта!

— А что намерены предпринять вы?

— Ну, поскольку нам разрешили не стесняться в расходах, я потрачу три пенса, чтобы позвонить

в «Ритц», где, если верить почтовой бумаге, на которой написано письмо, остановился наш граф. А затем, поскольку я слегка промочил ноги и уже дважды чихнул, я вернусь в свои апартаменты и приготовлю на спиртовке целебный травяной отвар!

* * *

Вновь я встретился с Пуаро лишь утром следующего дня: он неторопливо заканчивал свой завтрак.

— Ну? — набросился я на маленького бельгийца. — Что новенького?

— Ровным счетом ничего.

— А что сказал Джепп?

— Я его не видел.

— А что же граф?

— Он выехал из «Ритца» позавчера.

— То есть, в день убийства?

— Именно.

— Тогда все ясно! Руперт Кэррингтон чист!

— Потому что граф де ла Рошфор покинул «Ритц»? Вы слишком поспешно делаете выводы, мой друг.

— В любом случае его надо выследить и арестовать! Правда, еще нужно установить его мотив.

— Ювелирные изделия на сто тысяч долларов — очень хороший мотив для кого угодно. Но вот что мне неясно: зачем графу убивать свою жертву? Почему попросту не обокрасть ее? Она не станет заявлять в полицию.

— Это почему?

— Да потому что она женщина, мон ами. Когда-то она преданно любила этого человека. И поэтому она скроет ото всех свой позор и будет оплакивать потерю драгоценностей молча. Граф отлично разбирается в женской психологии — в этом и кроется секрет его успеха среди представительниц прекрасного пола. Уж конечно, кто-кто, а он бы знал, как провернуть это дело! А с другой стороны, если убийца — Руперт Кэррингтон — зачем брать драгоценности, которые и так ему достанутся?

— Для отвода глаз.

— Может, вы и правы, мой друг! А вот и Джепп! Узнаю́ его манеру барабанить в дверь.

На лице инспектора сияла счастливая улыбка.

— Доброе утро, Пуаро. Я к вам прямо с поезда. Что ж, я потрудился на славу. А вы?

— Я привел в порядок свои мысли, — невозмутимо ответствовал Пуаро.

Джепп от души расхохотался.

— Бедный старикан, совсем сдал, — шепнул он в мою сторону, а потом сказал громче: — Ну, у нас, молодых, на это нет времени!

– *Кель доммáж*! — с чувством сказал мой друг. — Какая жалость!

— Ну что, хотите послушать о моих достижениях?

— Позвольте, я попробую угадать. Вы нашли нож, послуживший орудием убийства — на железнодорожной насыпи, где-то между Уэстоном и Тонтоном. Вы допросили разносчика газет, который разговаривал с миссис Кэррингтон в Уэстоне.

Улыбка Джеппа увяла, а его лицо вытянулось.

— Как вы узнали, черт возьми? Только не говорите, что это сделали ваши всемогущие серые клеточки!

— Рад, что вы наконец-то признали их могущество. Сколько она дала мальчишке-газетчику на чай? Шиллинг?

— Нет, полкроны. — Джепп обрел присутствие духа и снова ухмыльнулся. — Эти американские богатеи сорят деньгами напропалую!

— И поэтому паренек хорошо ее разглядел?

— Еще бы! Не каждый день на него с неба падают полукроны! Леди подозвала его и купила

два журнала. На обложке одного из них была девушка в синем костюме. «Почти такой же, как мой», — заметила леди. Уж будьте уверены, он отлично ее запомнил! Ну, а я узнал, что хотел. По свидетельству врача, преступление было совершено, когда поезд еще не доехал до Тонтона. Я догадался, что убийца хотел поскорее избавиться от орудия убийства. Стало быть, я поискал нож, идя вдоль путей, ну и, конечно, нашел. В Тонтоне я дал описание нашего подозреваемого, но это довольно большая станция, и ему, по-видимому, удалось улизнуть незамеченным. Вероятно, он вернулся в Лондон следующим же поездом.

Пуаро кивнул.

— Скорее всего, так и было.

— Но в Лондоне меня поджидала еще одна новость! Они уже начали сбывать стекляшки, так-то! Один наш постоянный клиент прошлым вечером заложил большой изумруд. И знаете, кто это был?

— Могу лишь предположить, что преступник невысокого роста.

Джепп выпучил глаза.

— Ума не приложу, как вы это делаете, но вы опять попали в яблочко. Он и в самом деле коротышка. Это Рыжий Порох.

— А кто такой этот Рыжий Порох? — поинтересовался я.

— Большой спец по камушкам, хитрый как дьявол. Да и мокрого дела вряд ли испугается. Обычно орудует с напарницей, Грейси Кидд, но на сей раз, похоже, работал без подружки — если только она не укатила в Голландию сбывать остальную добычу.

— Вы уже арестовали этого Пороха?

— Ну, разумеется. Только нам-то нужен парень, который находился в купе миссис Кэррингтон. Видимо, он и стоит за всей операцией. Но Порох не из тех, кто стучит на подельников.

Я заметил зеленые огоньки, вспыхнувшие в глазах Пуаро.

— Полагаю, я быстро добуду того, кто вам нужен. Сообщника вашего Пороха, — пообещал мой друг.

— Вот как? Очередная ваша маленькая идея? — Джепп пристально посмотрел на Пуаро. — Диву даешься, какие фокусы вы порой проворачиваете, учитывая ваш возраст и все такое прочее. Наверняка вам просто дьявольски везет.

— Возможно, вполне возможно, — пробормотал маленький бельгиец. — Гастингс, будьте добры, подайте мою шляпу. И платяную щетку. И, пожа-

луй, стоит надеть галоши, как бы снова не пошел дождь. Нельзя допустить, чтобы действие моего целебного травяного отвара пошло насмарку. До свидания, Джепп.

— Желаю удачи, Пуаро!

Пуаро остановил первое встречное такси и дал шоферу адрес мистера Холлидея.

* * *

Когда мы подъехали к особняку на Парк-Лейн, Пуаро ловко выскочил из машины, расплатился с водителем и позвонил. Лакею, открывшему дверь, он тихо сказал пару слов, и нас тут же провели на самый верхний этаж, в маленькую аккуратную спальню. Пуаро оглядел комнату, и его взгляд остановился на черном чемоданчике. Он опустился перед ним на колени, внимательно изучил багажные наклейки, а потом извлек из кармана небольшой моток проволоки.

— Спросите мистера Холлидея, не соблаговолит ли он подняться к нам сюда, — бросил он лакею через плечо.

Слуга удалился. Пуаро с видом опытного взломщика принялся колдовать над замками чемоданчика. Через пару минут он откинул крышку и начал рыться в вещах, как попало швыряя их на

ковер. На лестнице послышались тяжелые шаги, и в спальне появился Холлидей.

— Какого черта вы тут устроили? — спросил он, с изумлением наблюдая за действиями Пуаро.

— Я искал вот это, мсье. — Пуаро выхватил из чемодана жакет и юбку из ярко-синей ворсистой ткани и маленькую шапочку из меха песца.

— Что вам понадобилось в моем чемодане?

Я обернулся и увидел, что в комнату вошла горничная Джейн Мейсон.

— Будьте любезны, Гастингс, закройте дверь. А теперь, пожалуйста, прислонитесь к ней спиной. Итак, мистер Холлидей, позвольте представить вам Грейси Кидд, она же Джейн Мейсон, которая присоединится к своему сообщнику Рыжему Пороху, как только сюда прибудет инспектор Джепп.

* * *

— Дело было очень простым. — Пуаро отмахнулся от поздравлений, а потом положил себе еще икры. (В конце концов, не каждый день обедаешь с миллионером!) — Горничная добровольно вызвалась описать, как была одета хозяйка, это меня насторожило. К чему ей так беспокоиться, чтобы мы ничего не упустили? Не ускользнул от

моего внимания и тот факт, что таинственного незнакомца из купе миссис Кэррингтон никто не видел, кроме все той же горничной. Исходя из результатов врачебного осмотра, миссис Кэррингтон вполне могла быть убита и до прибытия поезда в Бристоль. Но если так, значит горничная замешана. А если она сообщница убийцы, то непременно постарается, чтобы кто-нибудь подтвердил ее показания. Дорожный наряд миссис Кэррингтон слишком уж бросался в глаза, а ведь у камеристки много возможностей подстроить, чтобы ее госпожа оделась так, а не иначе. Таким образом, каждый, кто после остановки поезда в Бристоле заметит даму в ярко-синем костюме и белой меховой шапочке, будет готов под присягой подтвердить, что собственными глазами видел миссис Кэррингтон.

Я начал восстанавливать цепь событий. Итак, горничная запаслась такой же одеждой. Она и ее сообщник усыпляют миссис Кэррингтон с помощью хлороформа, а потом наносят смертельный удар — это произошло между Лондоном и Бристолем, вероятнее всего, когда поезд проезжал какой-то туннель. Тело запихивают под сиденье, горничная занимает место госпожи. В Уэстоне она должна как-то привлечь к себе внимание.

Самый простой способ — подозвать разносчика газет. Она позаботилась, чтобы тот хорошенько ее рассмотрел, отпустив замечание о цвете своего костюма и оставив мальчику более чем щедрые чаевые. Как только поезд отъехал от Уэстона, она бросает нож в окно, предоставив полиции думать, что преступление произошло где-то на этом отрезке маршрута, а потом переодевается, или же просто скрывает свой броский наряд под длинным плащом. В Тонтоне она сходит с поезда и спешит назад в Бристоль, где ее сообщник уже сдал чемоданы миссис Кэррингтон в камеру хранения. Он отдает подруге квитанцию, а сам возвращается в Лондон. Она, играя свою роль, добросовестно встречает все поезда на перроне, ночует в гостинице и рано утром едет домой — все, как она и рассказала.

Джепп, вернувшись из своей сыскной экспедиции, подтвердил все мои предположения, а так же рассказал, что некий преступник пытался сбыть кое-что из драгоценностей. Полиции он был хорошо известен, я же совершенно его не знал, но был уверен, что он окажется полной противоположностью человека, которого описала Джейн Мейсон. Когда оказалось, что его зовут Рыжий Порох и что он всегда работал вместе с

напарницей Грейси Кидд — я понял, где искать эту особу.

— А граф?

— Чем больше я о нем думал, тем больше убеждался, что он не имеет к этому делу никакого отношения. Этот господин слишком печется о своей драгоценной шкуре, чтобы рискнуть ею в таком опасном деле, как убийство. Подобный поступок шел бы вразрез с его психологическим типом.

— Что ж, мсье Пуаро, — вздохнул Холлидей. — Я перед вами в большом долгу, и чек, который я выпишу после обеда, вряд ли его покроет.

Пуаро скромно улыбнулся и шепнул мне:

— Наш добрый Джепп, конечно, припишет себе все заслуги. Но хотя он и заполучил с моей помощью ту самую Грейси Кидд, я убежден, что он, как говорят американцы, «сидит и глазами хлопает», недоумевая, как это я обо всем догадался!